

ЗНАК

проблемное поле медиаобразования

научный журнал
№ 1 (5)
2010

Основан в 2007 году

Выходит два раза в год
ISSN 2070-0695

Учредитель: объединение преподавателей факультета журналистики
Челябинского государственного университета

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

ЯЗЫК И СТИЛЬ

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И КРИТИКИ

**МЕТОДЫ И ФОРМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЖУРНАЛИСТИКЕ**

ЖУРНАЛИСТИКА И ПСИХОЛОГИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

INET-ТЕХНОЛОГИИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

**КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Киршин Борис Николаевич (председатель совета), кандидат филологических наук, доцент, почетный профессор Челябинского государственного университета, главный редактор областной ежедневной газеты «Челябинский рабочий», руководитель проекта «Знак: проблемное поле медиаобразования» (Челябинск)

Ажгихина Надежда Ильинична, кандидат филологических наук, секретарь Союза журналистов России, член гендерного совета Международной федерации журналистов, вице-президент международной ассоциации писательниц «Женский мир», член Союза российских писателей (Москва)

Войводиц Ясмина (Vojvodic Jasmina), доктор философии, профессор Загребского университета (Хорватия)

Голованова Елена Иосифовна, доктор филологических наук, профессор Челябинского государственного университета, председатель Челябинского отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, член Президиума РАЛК (Челябинск)

Загидуллина Марина Викторовна (координатор совета), доктор филологических наук, профессор Челябинского государственного университета (Челябинск)

Зубанова Людмила Борисовна, доктор культуры, профессор Челябинской государственной академии культуры и искусства (Челябинск)

Которча Ливия (Cotorcea Livia), доктор гуманитарных наук, профессор университета Александра Кузы (Румыния)

Кошман Анна Львовна, кандидат социологических наук, исполнительный директор Альянса независимых региональных издателей (Москва)

Мардаре Габриэль (Mardare Gabriel), доктор гуманитарных наук, профессор университета Василе Александри (Румыния)

Мельников Андрей Витальевич, доктор технических наук, профессор, проректор по научной работе Челябинского государственного университета (Челябинск)

Моретти Анна (Moretti Anna), доктор гуманитарных наук, профессор университета им Паскаля Паоли (Франция)

Олешко Владимир Федорович, доктор филологических наук, профессор Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Загидуллина Марина Викторовна (главный редактор), доктор филологических наук, профессор

Горпиняк Полина Александровна (зам. главного редактора), кандидат филологических наук, старший преподаватель

Бухарина Инесса Викторовна, преподаватель (ответственный секретарь)

Фатеева Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор (отдел «Журналистское образование»)

Александров Леонид Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент (отдел «Современное состояние журналистики»)

Демидов Олег Витальевич, кандидат филологических наук, доцент (отдел «Язык и стиль»)

Удлер Ирина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент (отдел «История журналистики и критики»)

Симакова Светлана Ивановна, кандидат филологических наук, старший преподаватель (отдел «Методы и формы исследований в журналистике»)

Артишевская Татьяна Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент (отдел «Журналистика и психология»)

Павлов Павел Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель (отдел «Экономические аспекты журналистики»)

Тукаев Тимур Индусович, преподаватель, зав. лабораторией информационных технологий СМИ факультета журналистики (отдел «Inet-технологии в журналистике»)

Месеняшина Людмила Александровна, доктор педагогических наук, профессор (отдел «Коммуникативные аспекты информационного пространства»)

Полнотекстовая версия журнала, требования к публикациям и порядок предоставления рукописей опубликованы на сайте:
mediaZnak.ucoz.ru

Подписано в печать 14.08.10
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,6. Уч.-изд. л. 11,9.
Тираж 500 экз. Заказ 520.
Цена договорная

Адрес редакции:
454084, г. Челябинск, пр. Победы, 160, оф. 207.
e-mail: mediaZnak@gmail.com

Типография «Два комсомольца»
454084 Челябинск, Комсомольский пр., 2

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Александров Л. Г.
Журналистская этика и игра
(методические замечания)

Кондратенко А. И.
Становление профессионального журналистского образования в 1930-е годы

Морозова А. А.
Радио «Диктум»: проблемы и перспективы развития

Сарасов Е. А.
Политическая журналистика: религиозные аспекты массовых коммуникаций (педагогические методы)

Фатеева И. А.
Председатель кафедры литературы ГИЖА А. И. Зонин

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

Артюхов В. С.
Двойные стандарты. Телерепортаж в контексте ситуативной семиотики

Бочко Д. М.
Универсальный тележурналист как субъект социального взаимодействия

Коновалова М. В.
Лингвистический анализ названий сайтов электронных изданий западногерманского направления

Футерман Е. Б.
Современная телевизионная документалистика: особенности журналистского контента

CONTENTS

JOURNALIST'S EDUCATION

6 Aleksandrov L. G.
Journalistic ethics and game
(methodical remarks)

9 Kondratenko A.I.
Beginning of the professional journalistic education in the 1930 s

15 Morozova A. A.
Radio 'Dictum': problems and perspectives of development

18 Sarasov Y. A.
The political journalism: religious aspects of mass communication (pedagogical methods)

20 Fateeva I. A.
The leader of literary department of the state journalism institute A. I. Zonin

MODERN STATE OF JOURNALISM

27 Artjuhov V. S.
Double standards. Telereportage in a context of situative semiotics

29 Bochko D. M.
The Universal TV reporter as the subject of social interaction

32 Konovalova M. V.
The linguistic analysis of sites's titles of internet-mass-media of FRG

33 Futerman Y. B.
Modern television documental-istica: features of the journalistic content

ЯЗЫК И СТИЛЬ

Соловьева А. Д.
Новые значения слов в современных СМИ

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И КРИТИКИ

Панова Е. Ю.
Рецепция творчества З. Н. Гиппиус в современной культуре

Удлер И. М.
Типологические черты «Невольничьего повествования» и «Повествование о жизни Фредерика Дугласа, американского невольника. Написано им самим» Фредерика Дугласа (1845)

МЕТОДЫ И ФОРМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Антропова В. В.
К вопросу о лингвистических методах в журналистике

Кузнецова Н. А.
Подходы к исследованию, лежащему на стыке дисциплин

Симакова С. И.
Осевое кодирование как метод качественного анализа медиатекста. На примере анализа цифрового контента региональной газеты «Челябинский рабочий» (методический аспект)

ЖУРНАЛИСТИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Артишевская Т. М.
Методологические подходы к формированию духовных ценностей студентов журналистов

Лебедева Н. Н.
Этическая ориентация как отличительная особенность русского языка

LANGUAGE AND STYLE

38 **Solovjeva A. D.**
New meanings of words in mass-media

THE HISTORY OF JOURNALISM AND CRITIC

41 **Panova E. Y.**
Reception of Z. N. Gippius' works in contemporary culture

44 **Udler I. M.**
The Typological Genre Features of Slave Narrative and Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself by Frederick Douglass (1845)

54 **Antropova I. A.**
To the question on linguistic methods in journalism

56 **Kuznetzova N. A.**
Approaches to research which lie on border of sciences

60 **Simakova S. I.**
Axle coding as the method of quality analyses of media-text based on the analyses of digital content of the regional "Chelyabinsky rabochy" (methodical aspect)

THE JOURNALISM AND PSYCHOLOGY

70 **Artishevskaja T. M.**
Methodological approaches to formation of cultural wealth of students of journalists

73 **Lebedeva N. N.**
Ethical orientation as distinctive feature of Russian

ИНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Селютин Ал. А.

Языковая свобода в
Интернет-среде

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Голованова Е. И.

Лексика новых городских профес-
сий (по материалам печат-
ных и электронных СМИ)

Загидуллина М. В.

Русская классика в современ-
ном интеллектуальном про-
странстве (романы Б. Акунина
«FM» и В. Пелевина «Т»)

Месеняшина Л. А.

Диалог культур и высшее об-
разование

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Путеводитель по госстандар-
ту третьего поколения (по на-
правлению подготовки 031000
журналистика (квалификация
«бакалавр»)

АННОТАЦИИ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

THE INTERNET OF TECHNOLOGY IS IN JOURNALISM

76 Selyutin A. A.

Language freedom in the Inter-
net

THE COMMUNICATIVE ASPECT OF INFORMATION SPHERE

79 Golovanova E. I.

The vocabulary of new urban
professions (print and elec-
tronic media)

81 Zagidullina M. V.

The Russian classics in mod-
ern intellectual space (Novels.
Akunin «FM» and V. Pelevin
«T»)

85 Mesenyashina L. A.

Dialogue of cultures and uni-
versity

METHODICAL MATERIALS

90 The guidebook to Gosstandart
of the third generation (in a di-
rection of preparation 031000
journalism (qualification "bach-
elor")

112 SUMMARY

115 INDEX

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Л. Г. Александров

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЭТИКА И ИГРА (МЕТОДИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Статья посвящена методическим вопросам применения игровых форм в ходе подготовки студентов-журналистов.

Ключевые слова: игровые методы обучения, журналистское образование, профессиональная этика.

Современная журналистская этика давно перестала быть некоей универсальной концепцией поведения журналиста, согласно определенного набора проверенных опытом принципов. Динамика современной общественной жизни вообще нивелирует представления об универсальности профессионального поведения журналиста. Скорее, речь идет об оптимальном поведении субъекта той или иной деятельности в определенной ситуации. А кроме того, наличие в обществе журналистской, врачебной, деловой этики, юридических законов и многообразных кодексов, норм экономической целесообразности и политической корректности, не говоря уже о традиционной религиозной, светской или даже народной морали, – все это не дает оснований говорить об универсальных нормах поведения вообще. Различия же в поведении людей, обусловленные гендерными, возрастными, национальными или иными факторами, также отнюдь не упрощают положение вещей в области морали и этики. Таким образом, данная сфера была и остается сегодня «неклассическим», «не академическим» пространством, в котором возможен, а порой и необходим экспериментальный, творческий подход.

Творческая реализация в средствах массовой информации, осуществляемая в форме игры, принимается как некий особый, часто внесистемный метод у многих исследователей¹. Вопрос о возможности и необходимости преподавания журналистских дисциплин в форме игры также был поставлен давно, и это отражено, например, в приложении к учебному пособию «Основы журналистики», выпущенному в ЧелГУ в 2005 году. Эта позиция была защищена как дискуссионная концепция и методика в ряде публикаций автора статьи². Было обнаружено, что игровое начало развивает диалоговую культуру журналиста, отрабатывает некоторые специфические функциональные

моменты в журналистике, а потому вполне приемлемо в системе современного медиаобразования. Игровые методики в образовании обусловлены междисциплинарностью журналистского обучения, его явно выраженным гуманитарным характером, особенностями общественной среды с ее ролевыми моделями поведения, требованиями к журналистской профессии, согласно которым нужно быть готовым к работе в неординарных, неожиданных, а порой и экстремальных условиях, и многими иными факторами.

На игровых основах построены в значительной степени познавательные, коммуникативные, развлекательные, организационные и, если так можно сказать, «мифотворческие» функции СМИ. В форме игры порой можно воспринимать и неоднозначные современные представления о журналистской этике, имея в виду ее ярко выраженную ситуативность и многообразную свободу выбора линии поведения (способа действия) в пространстве современной коммуникации. Однако следует ясно понимать и то, что «игра» составляет также и проблемную зону для теории и методологии журналистского образования, как раз вследствие ее неоднозначности, многофункциональности и ситуативности. И это не говоря уже о том, что при соотнесении понятий, взятых из западного демократического опыта (в разных национально-культурных его вариантах), с понятиями, выработанными отечественной практикой общественного развития, порой также возникают серьезные «накладки», трения и разночтения³.

В последней методической разработке факультета журналистики МГУ, сегодня готовящейся к переутверждению в связи с меняющимися стандартами образования, выдвинуты, в частности, следующие требования к уровню освоения содержания курса «Профессиональ-

ная этика журналиста»: «Основной критерий оценки освоения пройденного материала – умение студента применять полученные знания на практике при разрешении сложных профессионально-нравственных ситуаций. Способность видеть существующие альтернативы и выбирать вариант поведения, сориентированный на моральные ценности журналистского сообщества, – достаточное свидетельство готовности начинающего журналиста к дальнейшему самостоятельному профессионально-нравственному развитию»⁴. Здесь, как и в учебном пособии 1999 года, Г. В. Лазутина базируется на таких общетеоретических и общегуманитарных понятиях, как долг, ответственность, совесть, честь и достоинство. Именно на этой достаточно условной моральной основе, хотя и выраженной в «идеальных» социально-философских понятиях, строятся принципы и нормы журналистики.

В учебном пособии приведены примеры ситуаций, но практическая применимость данных принципов к реальной журналистской деятельности выглядит все же не бесспорной. Впрочем, нужно признать справедливым введение Г. В. Лазутиной в методологический обиход и такого понятия, как этическая коллизия – оно, по крайней мере, объясняет работу журналистской методологии в вышеупомянутых ситуациях неоднозначности, противоречивости и конфликтности. В учебно-методических комплексах ЧелГУ, в связи с этими обстоятельствами, давно и сознательно введены такие, например, разделы и подразделы, как:

- «пограничные» методы и приемы в журналистике («пограничность» здесь мыслится как возможность выйти за пределы дозволенного, как крайность любого вида социальной деятельности);
- феномен сенсации;
- скрытые методы наблюдения;
- конфликтное общение;
- принципы «желтой прессы»;
- субъективно-оценочные темы и жанры в журналистике;
- ролевые методы «перевоплощения» в журналистике.

Сделано это не случайно, а как раз в связи с методологическими трудностями самого предмета изучения. На наш взгляд, если теория журналистики еще в какой-то мере модифицирует свои понятия, соразмеряет их с реальной практикой СМИ, то методические разработки просто не успевают сложиться в условиях ди-

намично и интенсивно развивающейся профессии журналиста. Методы, обозначенные как инновационные, уже через 4–5 лет могут быть признаны едва ли не устаревшими.

Отдельные игровые методики уже обсуждались на конференциях ЧелГУ. В этот раз участникам конференции предлагалось принять участие в эксперименте, который должен был каким-то образом показать, продемонстрировать нравственный уровень коллектива преподавателей журналистики и их взгляды на острые жизненные проблемы. Предложенная для анонимного заполнения анкета была построена на уже обсуждавшихся ранее «неправильных», провокационных вопросах (из массива данных были исключены вопросы, повторяющиеся по теме, форме или смыслу). Особенность анкеты состояла и в том, что она не имеет жестко заданной тематики, а касается – без всякого повода или злого умысла – весьма тонких, щепетильных обстоятельств существования и мировоззрения человека. Образец анкеты представлен в приложении⁵. Сложность ответов на данные вопросы, видимо, усиливалась эффектом неожиданности, но выводы после проведения социологической, статистической обработки данных анкеты все-таки можно было сделать.

При подсчитывании процентов следует не забывать одну особенность: «правильным», корректным не всегда считается то решение, которое принимается на основании мнения большинства (как это происходит в оптимальных случаях при демократическом обществе), а то положение вещей, при котором должным и полным образом отражаются и учитываются интересы меньшинства. Этот моральный парадокс замечен давно, но не всегда принимается во внимание современными гуманитарными науками, стремящимися все же к точности и достоверности социологических знаний.

В анкетировании приняло участие 20 человек. Здесь мы приведем некоторые общие результаты. Исследование национальной темы показало, что 50 % опрошенных относятся толерантно ко всем нациям и народностям. 6 человек указали на некорректность постановки такого вопроса вообще, но 4 человека все-таки сообщили, что относятся с некоторым предубеждением к представителям одной из наций (какие именно эти 4 нации, здесь мы указывать не будем). Вопросы № 2 и 5 касались моральных и юридических аспектов наказаний за какие-либо преступления. В первом случае

нужно было указать отношение к смертной казни за наиболее тяжкие преступления. 25 % респондентов отнеслись к ней отрицательно, 25 % – нейтрально. Оставшаяся половина респондентов определила характер преступлений, за которые введение смертной казни было бы, по их мнению, приемлемо. Наиболее часто встречающийся вид преступлений в данной категории ответов – это серийные убийства, насилие над детьми и развращение несовершеннолетних. Также назывались изнасилование и т.н. преступления против человечества. Что касается последнего случая, то он имеет отношение и к ситуации, обозначенной в вопросе № 5 (подозрение в терроризме). 75 % респондентов обратились бы в этой ситуации в правоохранительные органы, а один даже лично сдал бы террориста в милицию. Были и иные варианты поведения – поговорить с террористом, написать о нем статью в газету или ничего не делать по отношению к нему (так ответили 2 человека).

Общий моральный облик преподавателя журналистики может быть оценен по ответам на вопросы № 3 и 4. 13 человек из 20 не стали бы сниматься в рекламном ролике в стиле ню ни за какие деньги. Однако 7 из 20 сделали бы это, причем 6 человек бесплатно, а 1 – за сумму в 10000 долларов. Интересно, какие внешние данные надо иметь, чтобы какая-нибудь кино- или телестудия заключила бы контракт на эту сумму за один рекламный ролик? Лексикон преподавателей журналистики (в плане ругательств) оказался чрезвычайно разнообразным. Слова мужского рода встречались в нем примерно в 2 раза чаще, чем слова женского рода. По частоте же употребления лидерами рейтинга сильных ругательств стали такие слова, как «скотина», «тварь» (сразу вспоминается Раскольников у Достоевского), а также существительное женского рода, противоположное слову «кобель» мужского рода. Кстати, 2 респондента из 20 признались, что не умеют ругаться вообще, что весьма похвально для преподавателя журналистики.

Наконец, вопросы № 6 и 7 относились непосредственно к характеристике журналистской профессии. 11 респондентов заявили, что в СМИ все имеющиеся жанры и методы вполне приемлемы и не требуют исключения из повседневного обихода, однако, 9 человек предложили исключить некоторые формы, встречающиеся еще в практике СМИ, например, оправдание фашизма и сталинской диктатуры,

описание интимной жизни, порнографию и сексуальную тематику для детей, а также такие явления, как “подставу”, компромат и черный PR. В любом случае, преподаватели факультета журналистики компетентно заявляют, что все это – опасные для журналистики методы коммуникации и их следует по возможности избегать. Что же касается обмана и лжи, то современные СМИ, по общему мнению преподавателей, объективны примерно на 55% (средний балл всех ответов), и лишь один человек выбрал свободный вариант ответа, высказав глубокую мысль о том, что и в журналистике все-таки правда у каждого – своя.

Примечания

¹ См.: Корконосенко, С. Г. Право и этика СМИ / С. Г. Корконосенко, В. В. Ворошилов. СПб., 1999. С. 75–89; Олешко, В. Ф. Журналистика как творчество, или Что нужно делать, чтобы читатели, телезрители, радиослушатели тебя, понимали и вступали в диалог. Екатеринбург, 2002. С. 140–145.

² См., напр., работы: Александров, Л. Г. О развитии специальности «журналистика» и проблемах становления факультета журналистики ЧелГУ // PR в образовании : материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 2003; Его же. Особенности преподавания журналистских дисциплин на отделении «PR» // Научно-методические подходы к преподаванию гуманитарных дисциплин. Челябинск, ЧФ УРАО, 2004; Его же. *Mass media и public relations*: проблемные точки взаимодействия в области теории и практики современного университетского образования // Вестник Челяб. гос. ун-та. Сер. 11. Журналистика. 2004. № 1 (1). С. 14–21; Его же. Место дисциплины «Основы журналистики» в перспективной интеграции журналистского образования // Вестник Челяб. гос. ун-та. Сер. 11. Журналистика. 2005. № 1. С. 10–15; Его же. Культура – этика – коммуникация : к постановке вопроса об уровне воспитания современного журналиста // СМИ – общество – образование : модели взаимодействия : материалы междунар. научно-практ. конф. Челябинск, 2007; Его же. Крайности и противоречия в «игровой» методике преподавания курса «Профессиональная этика журналиста» // Знак. 2008. № 1 (2). С. 6–11; Его же. Викторина как форма учебной коммуникации в рамках курса «Основы журналистики» // Медиасреда : альманах. 2009. С. 64–68; Его же.

К проблеме соотношения понятий о mass media и public relations в современном общественном сознании и гуманитарном образовании // Актуальные проблемы журналистики в условиях глобализации информационного пространства : сб. материалов заочной конференции. Челябинск: ЮурГУ, 2009.

³ См.: Берлин, М. О преподавании журналистской этики : учеб. пособие. М., 1995; Саморегулирование журналистского общества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России / под ред. Ю. В. Казакова. М., 2004. и др.

⁴ Лазутина, Г. В. Примерная программа дисциплины «Профессиональная этика журналиста» федерального компонента цикла ОПД ГОС ВПО второго поколения по специальности 030601 «Журналистика». М., 2005; См. также Лазутина, Г. В. Профессиональная этика журналиста : учеб. пособие. М., 1999.

⁵ Анкета (текст):

1. Есть ли на земном шаре нация или народность, к представителям которой вы относитесь с сильнейшим неприятием? а) нет такой нации; б) я отношусь с предубеждением к одной из них (какой?) в) ненавижу одну нацию (какую?) г) вопрос поставлен некорректно
2. Как вы относитесь к смертной казни за наиболее тяжкие преступления? а) отрицательно; б) нейтрально; в) если положительно, то за какое преступление?
3. За какую сумму вы согласились бы позировать в совершенно обнаженном виде в реклам-

ном ролике?

а) 10000 рублей; б) 10000 евро; в) 100000 долларов; г) ни за какую; д) могу и бесплатно

4. Назовите самое сильное ругательство, которое вы используете по отношению к другому человеку (конечно, если этот текст не для СМИ)

5. Предположим, общаясь с человеком, вы узнаете о том, что он является террористом государственного масштаба. В его планах акции, способные повлечь за собой десятки человеческих жертв. Что вы сделаете по отношению к этому человеку? а) убью немедленно; б) сообщу о его планах в правоохранительные органы; в) ничего не буду предпринимать; г) расскажу о нем как о сумасшедшем чудаке, живущем рядом с нами; д) сделаю что-либо иное (что?)

6. Есть ли в СМИ жанр (тема, функция, метод) наиболее негативный (-ая) среди всех остальных и требующий (-ая) исключения из пространства журналистики? а) если да, то какой? б) в СМИ все позитивно, приемлемо; в) затрудняюсь ответить

7. В какой мере пространство современных СМИ насыщено обманом, ложью, неправдой, дезинформацией?

а) 20 % б) 40 % в) 60 % г) 80 % д) 100 % е) СМИ дают объективную картину мира; ж) свой вариант

А. И. Кондратенко

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1930-е ГОДЫ

В 1930-е годы в регионах СССР были предприняты попытки создания системы профессионального образования журналистов. Важнейшими центрами данного процесса являлись Воронеж (газетное отделение коммунистического университета) и Орёл (партийная школа). В предлагаемой статье на материалах архивов впервые в отечественной историографии раскрываются некоторые особенности становления журналистского образования в Центральном Черноземье в 1930-е годы.

Ключевые слова: журналистика, образование, коммунистический университет, партийная школа.

Бытует мнение о том, что система журналистского образования в нашей стране начала складываться после Великой Отечественной войны, с открытием отделений и факультетов журналистики в государственных универси-

тетах. Однако и в предыдущие десятилетия в СССР существовала сеть учебных заведений, готовивших кадры для редакций (характерно, что в дореволюционной России подобные факультеты вообще отсутствовали). Важно отме-

тять, что эту специализацию имели не только коммунистические институты журналистики в Москве, Ленинграде и нескольких других крупнейших городах страны, но и газетные отделения в партийных школах.

Подготовка журналистских кадров была профильной и для партшколы в городе Орле (ныне в этом здании на улице Октябрьской располагается институт экономики и торговли). «Уклон» школы предопределило повсеместное открытие районных газет в 1930 и последующие годы. В январе 1930 года обком ВКП (б) Центрально-Чернозёмной области принял постановление «О кадрах работников печати», разработал план подготовки и переподготовки журналистских кадров. В частности, в Орле планировалось провести курсы для редакторов фабрично-заводских газет, а в Воронеже на базе бывшей губернской совпартшколы в конце 1930 года был создан Комвуз ЦЧО (другие встречающиеся в документах тех лет варианты названий этого партийного вуза: коммунистический университет ЦЧО, институт марксизма-ленинизма) и в нём открыто газетное отделение (вариант названия: газетный сектор).

В отчёте о работе газетного сектора комвуза ЦЧО (это был первый журналистский факультет во всём Центральном Черноземье!) отмечалось, что осенью 1930 года принято 29 слушателей, весной 1931 года – 20, осенью того же года – ещё 16 слушателей.

«В прошлом [1930] году была сделана попытка организовать две группы вечернего отделения... Учебный план газетного сектора рассчитан на два года. Срок обучения сравнительно с другими отделениями Коммунистического университета сокращён на 1 год... С осени 1931 г. вводится дополнительная для поступающих на газетное отделение двухмесячная докомвузовская подготовка... Преподавание газетоведческих дисциплин крайне затруднено вследствие отсутствия учебников...».

«Производственная практика занимает от 25 до 30 % всего учебного плана. Во время практики в районной печати проверена работа бригад в Щиграх, Орле, Козлове, Грязях и Липецке... Серьёзным недостатком производственной практики является отсутствие каких бы то ни было средств на её проведение». С весны 1931 года в комвузе была организована типо[графия]-лаборатория – аналог районной типографии. Сектор занимался рецензированием газет, проводил консультации для журналистов. В планах дальнейшей работы значилось

шефство над районной печатью, создание наглядных пособий, комплектование библиотеки, подготовка программы для курсов повышения квалификации.

Естественно, все эти планы требовали усиления потенциала газетного сектора. В отчёте подчёркивалось: «В целях подготовки новых преподавательских кадров необходимо создание небольшой на первое время группы аспирантов, укомплектов[анной] из работников областной и районной печати, имеющих соответствующую подготовку и опыт практической газетной работы <...> Нужно:

а) увеличить штат кабинета [печати] на 2 рецензентов и 1 лаборанта;

б) предоставить большее помещение для кабинета и газетохранилищ»¹.

Однако ничего в итоге не получилось. Согласно постановлению бюро обкома ВКП (б) ЦЧО от 19 октября 1932 года коммунистический университет ЦЧО в ноябре того же года был реорганизован в Воронежскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. Газетное отделение упразднили. Соответственно после этого упор в подготовке журналистских кадров руководство Центрально-Чернозёмной области сделало на Орловскую партийную школу (её мы по праву можем считать преемницей газетного сектора регионального комвуза).

Ещё в 1931 году бюро Орловского горкома ВКП(б) приняло решение организовать при совпартшколе газетное отделение в 25–30 человек по подготовке работников районной печати и редакторов фабрично-заводских печатных газет². Через год это отделение по решению обкома ВКП(б) ЦЧО выросло в партшколу пропагандистских и газетных работников, которая готовила заведующих отделами районных и политотдельских газет³.

В отчёте «Итоги производственной практики курсантов Орловской областной газетной партийной школы в 1933-34 учебном году» отмечалось: «Практика проходила с 13 декабря 1933 по 1 февраля 1934 года. Всего на практике было 4 группы (109 человек)»⁴. Курсанты направлялись на практику, как правило, в те районы и города, откуда они были командированы на учёбу.

В письме в обком ВКП(б) ЦЧО в феврале 1934 года сообщалось: «Работают две группы: одна из них приступила к работе 20 января, вторая с 1-го февраля с.г.». План «развёрстки» составлял 117 человек, на деле районы командировали в Орловскую газетную партшколу

всего 68 человек⁵. В марте 1934 года из Елецкой партшколы в Орел была «переброшена» группа будущих газетчиков.

В докладной записке директора партшколы «О перестройке работы школы на основе решений 17-го съезда ВКП (б)» говорилось о том, что коллектив школы составляет 49 человек, учебный план – двухгодичный: «Рабочий день учащихся организован так: с 8 ½ до 2 ½ занятия с преподавателями, перерыв на 2 часа – обед и час отдыха. С 4 ½ до 7 – самоподготовка без преподавателя, в помощь учащимся дежурный преподаватель»⁶. В разделе «Самоподготовка» были такие варианты занятий, как лекции, демонстрация кинофильмов и даже самодеятельный театр.

Характерный пример «идеологической выдержанности», царившей в стенах Орловской газетной партшколы: «Один из преподавателей по ленинизму тов. Никулина допустила в преподавании ошибку, определяя характер революции не по задачам, которые она ставит перед собою, и не по её движущим силам, а по тому, какой класс возьмёт и удержит власть в своих руках. Руководство школы помогло тов. Никулиной понять эту ошибку и исправить её в группах»⁷. Однако коммунистическая схоластика до середины 1930-х годов удивительно мирно уживалась в провинции с привычными «пережитками». Так в списке преподавателей Орловской газетной партшколы (по состоянию на 20 апреля 1934 года) значится А. С. Светозаров, 1874 года рождения, по социальному происхождению из духовенства, выпускник духовной академии, беспартийный. Преподавал родной язык⁸ (в 1937 году Светозаров был репрессирован, приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей).

Интерес представляет характер обустройства учебного заведения тех лет: «Школа имеет земельный участок в 19 га, который освоен следующим образом:

4 на озими,

5 га засеяны яровыми культурами

и на площади 5 га будет посажен картофель, оставшиеся 5 га оставлены под пар.

Помимо этого, имеется свиноводство в 16 голов»⁹.

Руководство школы с гордостью сообщало руководству обкома: «для ударников организована особая столовая»¹⁰ и одновременно констатировало поистине пролетарскую бедность: «чувствуется недостаток постельной принадлежности»¹¹.

Летом 1934 года состоялся первый выпуск слушателей газетного отделения Орловской партшколы: 100 выпускников были направлены на работу в районы области¹².

Однако становление газетных партшкол вызывало массу вопросов. Центральное руководство компартии было неудовлетворенно масштабами и темпами этого стратегически важного процесса. В октябре 1935 года газета «Правда» опубликовала передовую статью «Районной газетой надо руководить»: «Давно пора по-настоящему взяться за подготовку новых кадров районной печати – не только редакторов, но и секретарей редакций, литературных сотрудников и корректоров... Давно пора понять, что партийная журналистика – это профессия, и этой профессии надо учить людей, и притом людей талантливых, чувствующих склонность к литературной работе»¹³.

В мае 1936 года директор Орловской партшколы П. Руденский писал заведующему сектором печати Курского обкома Бродскому: «Надо уже сейчас дать в «Курскую правду» правила приёма в осенний набор и разослать развёрстку райкомам человек на 120. В старые правила необходимо внести две поправки: в школу принимаются члены и кандидаты в члены ВКП (б) (комсомольцев в этот набор принимать не следует, т.к. в школе их сейчас уже 37 %); стипендия – от 175 до 275 рублей, в зависимости от успеваемости, кроме того, на иждивенцев выдаётся ежемесячное семейное пособие от 20 до 30 руб. на каждого. Набирать нужно две группы – газетную и пропагандистскую (обе выпускаем 15 июля)»¹⁴.

Только за октябрь 1937 – март 1938 гг. на работу в редакции Орловской области было направлено 53 курсанта Орловской партшколы¹⁵. Директор школы в декабре 1937 года в докладной записке в отдел печати ЦК ВКП (б) сообщал, что она состоит «из двух отделений: газетного и пропагандистского. И то, и другое распределяются на два курса в соответствии со сроками набора, а, следовательно, и окончания учебного года. Курс А (газетное отделение), оканчивающий учебную программу к 15 апреля 1938 года, насчитывает 26 студентов... Курс Б (газетное отделение), оканчивающий учебную программу к 1 июля 1938 года, насчитывает 66 студентов». Соответственно курс А пропагандистского отделения насчитывал 25 студентов, курс Б – 30¹⁶.

В марте 1937 года на совещании в Курском обкоме ВКП(б) была высказана критика в адрес

партшколы в Орле. В частности, заведующий отделом культуры, пропаганды, агитации и печати обкома Глазов говорил: «Вредительство шло и по линии подготовки кадров. В Орле есть школа газетных работников. Что там за люди учатся? Мне кажется, что в этой школе дело обстоит исключительно плохо. Виноват в этом и я, так как работаю [в этой должности] уже два месяца, а в Орле не был»¹⁷. В качестве иллюстраций своих выводов Глазов привёл примеры из школьной газеты «Ленинец»: ряд курсантов не знал, кто именно занимает должность наркома внутренних дел СССР, сколько в ЦК ВКП (б) секретарей. На этом же совещании заведующий учебной частью Орловской газетной партшколы Ф. И. Анастасенко критиковал райкомы партии за формализм в подборе кандидатур для зачисления в партшколу – местные парторганы набирали тех, кто не был заинтересован в газетной работе¹⁸. Анастасенко также просил денег на ремонт системы отопления в здании школы.

По предложению Курского обкома ВКП (б) набор в партшколу в 1937 году не проводился. Директор партшколы предполагал провести два набора в 1938 году: в марте (100 человек), в сентябре (150 человек), причем все они должны были поступить на газетное отделение. Однако этот замысел, требовавший больших материальных затрат и соответствующего кадрового обеспечения, по всей видимости так и не был осуществлен, поскольку в более поздних документах отдела печати Орловского обкома ВКП (б) речь идёт в основном об организации краткосрочных курсов повышения квалификации газетных работников. Свою роль сыграло и то, что с образованием Орловской области (1937) партшкола была вынуждена передать своё помещение областным организациям и перебраться в «малопригодное и крайне тесное»¹⁹. Вскоре по решению ЦК ВКП (б) газетные партшколы были закрыты: в середине 1938 года журнал «Большевистская печать» сообщил о том, что ЦК рассмотрел вопрос о переподготовке газетных работников и признал организацию особых газетных курсов и школ нецелесообразной²⁰.

Архивные сведения позволяют составить перечень руководителей газетного сектора Воронежского комвуза и Орловской партшколы в 1930-е годы. Первым и единственным «деканом» в Воронеже был М. Л. Львовский (1930–1932), директорами партшколы в Орле – Тотмаков (1930–?), А. И. Куликов (1933–1935), П. А.

Руденский (1935–1937), С. С. Шляпцев (врио, 1937), Т. И. Антропов (1937). Подробнее расскажем о большинстве из них.

Марк Львович Львовский родился в еврейской семье в 1895 году в городе Кишинёве. С 1913 года состоял в Российской социал-демократической рабочей партии, с 1919 года – в коммунистической партии. Имел высшее юридическое образование. В годы гражданской войны был редактором газеты «Голос красноармейца» 45-й стрелковой дивизии, затем секретарём политотдела дивизии.

В 1925–1928 годах М. Л. Львовский – редактор окружной газеты «Красное Запорожье». Когда началась кампания по «украинизации» местной печати (т. е. от русскоязычных журналистов партийная власть потребовала переучиться на «ридну мову») Львовский подал в отставку и написал соответствующее письмо в ЦК ВКП (б). Москва предложила ему переехать в Воронеж – вакантным тогда было место заместителя редактора областной газеты ЦЧО «Коммуна». С мая по декабрь 1929 года М. Л. Львовский трудился в Орле. Работавший тогда в редакции окружной газеты В. М. Малец вспоминал о нём: «Память хранит одного из лучших редакторов «Орловской правды» Марка Львовича Львовского. Его отличали большая любовь к молодежи и твердая требовательность к качеству материалов по их языку и выразительности. Редко, только в тех случаях, когда он был очень занят, поправлял наши материалы заочно. Обычно же приглашал автора в свой кабинет и там разбирал недостатки, добиваясь, чтобы сотрудник понял свои ошибки и исправил их самостоятельно. Должно быть, эта его педагогическая черта была замечена в обкоме ВКП (б) ЦЧО, и, когда в Воронеже организовывался факультет журналистики при комвузе, Львовский был назначен его деканом».

Но прежде ещё почти полгода Львовский был редактором «Курской правды», в ноябре 1930 года стал заведующим только что созданным газетным сектором комвуза в Воронеже. После закрытия сектора Львовский уехал в Москву, с 1933 года был ответственным секретарём всесоюзной «Крестьянской газеты». В конце августа 1937 года его арестовали, имя Львовского было внесено в так называемый «сталинский список», датированный 28 марта 1938 года. На этом перечне фамилий обречённых на смерть людей стоят подписи Сталина, Молотова, Кагановича, Жданова, Ворошилова. Военная коллегия Верховного суда СССР на

выездной сессии в Воронеже 13 апреля 1938 года вынесла приговор: расстрелять. В этот же день Львовский был расстрелян. Реабилитирован 31 октября 1957 года²¹.

Куликов Алексей Иванович родился в феврале 1905 года в городе Борисоглебске²² Тамбовской губернии (ныне Воронежская область). Отец был чернорабочим, мать – прачкой. Сам Алексей с 10 лет работал на фабрике. В 1923 году поступает в Тамбовскую совпартшколу, по её окончании в 1925 году работает в Борисоглебске: руководитель партшколы уездного комитета ВКП (б), преподаватель школы-девятилетки. Руководит школой Новопокровского сахарного комбината (ныне поселок Новопокровское Мордовского района Тамбовской области), Борисоглебским учебно-педагогическим комбинатом...

1931 год – переломный год в судьбе Алексея Куликова. Он становится студентом философского факультета КУПОНа – Коммунистического университета преподавателей общественных наук и одновременно начинает преподавать в 1-м Московском медицинском институте и в институте инженеров-строителей. Всего за два года молодой выходец из провинции одолевает трехгодичную программу КУПОНа, получает диплом «преподавателя по диамату и истмату». В августе 1933 года его направляют в Орёл на должность директора совпартшколы (иногда его обязанности в то время исполнял заведующий учебной частью А. Зайцев). В январе – феврале 1935 года А. И. Куликов временно исполнял обязанности редактора «Орловской правды». Дальнейшая его судьба неизвестна.

Руденский Павел Александрович родился в декабре 1905 года в селе Волово Ливенского уезда Орловской губернии (ныне районный центр Липецкой области)²³. Отец был приказчиком. Мать – домохозяйкой. В 20 лет Павел вступил в компартию. Имея всего четыре класса образования, поступил в Елецкую совпартшколу, но проучился в ней лишь несколько месяцев. Работал делопроизводителем в волостном исполкоме, секретарём волостного комитета комсомола, вел пропагандистскую работу, заведовал клубом при сахарном заводе.

Высшая ступень его партийной карьеры – заведующий агитационно-пропагандистским отделом Елецкого райкома ВКП(б). С марта 1930-го – на журналистской работе (заведующий массовым отделом елецкой окружной газеты «Красное знамя», затем её редактор, редактор районной газеты в Ливнах). С мая 1932 по

июль 1934 года – редактор «Курской правды» (тогда она имела статус городской газеты). В октябре 1932 года был командирован на редакторское отделение заочных курсов марксизма-ленинизма при ЦИК СССР.

После преобразования «Курской правды» в областную газету (1934) Руденского переводят на должность заведующего отделом культуры и пропаганды Курского горкома ВКП(б). По постановлению бюро Курского обкома ВКП(б) от 17 ноября 1935 года П.А. Руденский был утверждён директором Орловской партшколы²⁴. Репрессирован в 1937 году – приговорён к 8 годам исправительно-трудовых лагерей.

Шляпцев Сергей Степанович родился 16 января 1904 года в селе Золотокино Иванинского района Курской области. В 1925 году был избран председателем Тарасовского сельсовета, в 1926–1928 годах служил в Красной армии. С 1928 по 1930 год – курсант Курской совпартшколы. С 1931 года работал управляющим отделением Госбанка в Колпнянском районе (ныне Орловская область), с 1932 года – на аналогичной должности в Чернянском районе, с 1933 по 1934 год – в Ивнянском районе Курской области. С апреля 1934 по май 1935 года – секретарь Ивнянского райкома ВКП(б). В 1937 году (до сентября) исполнял обязанности директора Орловской партшколы, затем работал в ней в качестве преподавателя²⁵.

Антропов Тимофей Иванович родился 15 января 1905 года в деревне Родионово²⁶ Новоскольниковского района (Новоскольниковы – посёлок в 20 километрах западнее Великих Лук). Отец был плотником-отходником, мать – крестьянкой.

В 1922–1923 гг. Тимофей был курсантом губернской совпартшколы в Пскове, в последующие годы – секретарь уездного комитета комсомола в городах Холм, Себеж (здесь вступил в коммунистическую партию), секретарь горкома комсомола в Пскове. С 1926 года Антропов – на партийной работе, заместитель заведующего организационным отделом уездного комитета ВКП (б) в Великих Луках, а через год, в связи с переходом на окружное административное деление назначен на должность инструктора окружного комитета ВКП (б) в тех же Великих Луках.

Однако работа в родных местах не была продолжительной. Уже в 1928 году Антропова направляют в Среднюю Азию – он становится заведующим орготделом райкома партии в поселке Каахка (100 километров восточнее Ашхабада, 15 километров от границы с Ираном). Бы-

стро шагнул по карьерной лестнице – с января 1930 года работает ответственным инструктором ЦК КП (б) Туркмении, избирается членом (депутатом) Ашхабадского горсовета.

Бурная среднеазиатская деятельность Антропова, однако, вскоре удостоивается нелицеприятной оценки. Уже в июне 1930 года молодой партиец был снят с работы и получил строгий выговор с предупреждением ЦКК Туркмении «за командование, выразившееся в подмене фракции при непартийных выборных организациях», и прочие прегрешения. «Почетной ссылкой» стало место заведующего учебной частью центральной совпартшколы Туркмении. Всего через год Антропов навсегда прощается с негостеприимной южной республикой – его самого направили на учебу, в Москву, в Коммунистический институт журналистики. По его окончании в 1934 году Антропова оставляют в этом вузе – он заведует первым курсом и подготовительным отделением, кабинетом печати, преподает в КИЖе, в 1936–1937 гг. параллельно учится в аспирантуре.

Однако защитить диссертацию не удалось. В августе 1937 года ЦК ВКП(б) направляет Антропова в Курскую область – в ее состав тогда входил Орёл. В протоколе заседания бюро Курского обкома от 2 сентября того же года записано: «Утвердить директором Орловской областной школы газетных работников тов. Антропова Тимофея Ивановича, присланного Отделом печати и издательств ЦК ВКП (б)». Это решение подписал секретарь Курского обкома Никитин. А спустя всего семь недель тот же Никитин, уже секретарь Оргбюро вновь создаваемой Орловской области, подписывает протокол заседания Оргбюро ЦК ВКП (б) от 23 октября: «Утвердить т. Антропова Заведующим отделом Печати по совместительству. Просить ЦК ВКП (б) утвердить данное решение. Поручить Отделу Пропаганды и Агитации укрепить руководящими работниками Школу газетных работников»²⁷.

10 января 1939 года на заседании бюро обкома принимается решение: «Утвердить секретарём обкома ВКП (б) по пропаганде и агитации тов. Антропова Тимофея Ивановича, работавшего ранее заведующим отделом печати. Внести данное решение на утверждение очередного пленума обкома ВКП (б)». 25 января пленум утвердил это назначение. Антропов был также избран делегатом XVIII съезда ВКП (б) (март 1939 года). Тогда же он подготовил к печати книгу «Язык большевистской печати» (вышла

в издательстве обкома ВКП (б) и Оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР весной 1939 года).

На посту главного орловского идеолога Антропов проработал до октября 1939 года – как говорится в личном деле, «выбыл на работу в ЦК ВКП (б)». Здесь он занял должность заместителя начальника управления пропаганды и агитации. В годы Великой Отечественной войны Т. И. Антропов был редактором газет: Юго-Западного фронта – «Советский воин», 23-й армии – «Знамя победы», 1-й гвардейской армии – «Советский воин»²⁸.

В послевоенные годы Т. И. Антропов – первый заведующий отделением журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Можно предположить, что в основу своей деятельности по становлению журналистского образования в главном вузе страны Тимофей Иванович использовал многое из орловского опыта, из наработок Орловской партшколы газетных работников.

Подводя итог этому небольшому исследованию, хочется обратить внимание на тот факт, что в публикациях минувших десятилетий об истории журналистики практически отсутствует детальный анализ статуса, системы преподавательской работы, нет оценок деятельности газетных отделений довоенных комвузов и партшкол, этих своеобразных предтеч факультетов журналистики современных университетов. Отсутствие каких-либо обобщенных сведений на сей счет объясняется, конечно же, обстоятельствами тех лет: большинство выпускников провинциальных партшкол не имели возможности состояться как творческие личности, сделать карьеру, оставить мемуары и т. д. Многие и многие стали жертвами репрессий, погибли в годы Великой Отечественной войны.

История существовавших в довоенные годы газетного отделения в Воронежском комвузе и Орловской партшколы заслуживает обширного исторического исследования.

Примечания

¹ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1644. Л. 100–103.

² О практических мероприятиях по выполнению решений ЦК и обкома о рабселькоровском движении. Из постановления Орловского горкома ВКП (б) от 5 июня 1931 г. // В помощь

селькору (Материалы к смотру и перевыборам совхозно-колхозной печати) Орел, 1931. С. 15. Общее количество учащихся Орловской совпартшколы в 1929–1930 учебном году составляло 180 человек, в следующем году их количество планировалось довести до 300 (Протокол заседания бюро Орловского окружкома ВКП (б) 29 июня 1930 г. // Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). ФП. 48. Оп. 1. Д. 374. Л. 21).

³ Худякова, Э. Утверждение ленинских принципов партийного руководства печатью в годы первой пятилетки (на материалах периодической печати ЦЧО) // Проблемы истории, теории и практики журналистики. Воронеж, 1977. С. 131.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2878. Л. 2–8.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2878. Л. 10, 11.

⁶ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2878. Л. 15–22.

⁷ Там же. Л. 21 об.

⁸ Там же. Л. 29.

⁹ Там же. Л. 22.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Орловская правда. 1934. 5 июля.

¹³ Правда. 1935. 31 окт.

¹⁴ Госархив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 599. Л. 35.

¹⁵ Отчет о работе отдела печати Оргбюро ЦК ВКП (б) по Орловской области по 12 апреля 1938 г. // ГАОО. ФП. 52. Оп. 1. Д. 262. Л. 5.

¹⁶ Докладная записка директора Орловской областной газетной партийной школы в отдел печати ЦК ВКП(б) за 27 декабря 1937 г. // ГАОО. ФП. 52. Оп. 1. Д. 147. Л. 11–12.

¹⁷ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1020. Л. 120.

¹⁸ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1020. Л. 170.

¹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰ Большеви́стская печать. 1938. № 13. С. 1.

²¹ Архивная справка ГАОПИВО № 195 от 3 мая 2007 г.

²² ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 991.

²³ Ферапонтов, Н. Страницы и лица. «Курская правда» 1917–2002. Курск. 2002. С. 171–172.

²⁴ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1691.

²⁵ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2312.

²⁶ ГАОО. ФП. 52. Оп. 11. Д. 127.

²⁷ Там же.

²⁸ Попов, Н. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / Н. Попов, Н. Горохов. М. : Политиздат, 1981. С. 405, 406, 410.

А. А. Морозова

РАДИО «ДИКТУМ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена сравнительному анализу учебных радиостанций факультетов журналистики крупнейших челябинских университетов в контексте медиаобразования. Рассматриваются проблемы и перспективы реализации проекта радио «Диктум» (ЧелГУ). Даются рекомендации по решению проблемных вопросов стратегии развития учебной радиостанции.

Ключевые слова: медиаобразовательный проект, радио «ЮУрГУ», радио «Диктум», он-лайн вещание.

В обучении творческим профессиям больше, чем в других необходимо уделять времени именно практическим занятиям. Для этих целей, как нам известно, и создаются учебные СМИ на факультетах журналистики. Именно от качества медиаобразовательных проектов наиболее всего зависит уровень и качество образования студента при выпуске из вуза, его творческий профессиональный опыт, который необходим при трудоустройстве на работу.

Для того чтобы медиаобразовательный проект был эффективным средством обучения, во-

первых, ему необходимо соответствовать всем базовым критериям настоящего СМИ: хорошая техническая база, правильная структура редакции, стабильность выхода в эфир (выпуска печатной продукции) и так далее. Во-вторых, нужно постоянно проводить мониторинг челябинского рынка СМИ, особое внимание при этом уделяя медиаобразовательным проектам. Таким образом мы будем постоянно в курсе тенденций их развития.

Сейчас мы столкнулись с некоторыми проблемами, которые отчасти могут быть след-

ствием неэффективности некоторых учебных СМИ в рамках нашего факультета. Одна из таких проблем - невозможность трудоустройства студентов по специальности. Помимо кризиса, негативно сказывается недостаток практического опыта и навыков. Например, всего 16 % выпускников 2009 года со специализацией «Радиовещание» работают по специальности. То есть это 2 человека из 12.

Практического образования в рамках университета зачастую не хватает для того, чтобы в дальнейшем можно было свободно устроиться работать на радиостанцию. Приходится учиться в СМИ практически с нуля.

Несмотря на сильный преподавательский состав факультета журналистики ЧелГУ, имеется довольно много причин, которые отрицательно влияют на качество и уровень подготовки специалистов специализации «радиовещание»:

1. Нехватка материальных средств кафедры, факультета и вуза. Как следствие - плохая техническая база. Из этой проблемы вытекает следующая:

2. Отставание от передовых технологий. Например, отсутствие в радиостудии доступа в Интернет. Что приводит к невозможности работать с Интернет-источниками для подготовки материалов, оперативно их создавать и выпускать в эфир, в том числе в режиме он-лайн вещания. (В качестве примера: радиостудия ЧелГУ имеет один компьютер 2002 года выпуска и пульт, в МГУ ко всему прочему для студии покупают иголки для проигрывания пластинок за 40 тысяч рублей).

Конкуренция на федеральном уровне не играет такой роли, как конкуренция городского масштаба. На данный момент в Челябинске существуют два основных медиаобразовательных проекта в сфере радио – это «Радио ЮургУ» и «Диктум». Последнее всё больше отстает от тенденций развития современных СМИ и теряет свои прежние позиции. «Радио ЮургУ» наоборот поднимает свой статус и находится сейчас на более высоком уровне, несмотря на то, что оно появилось на два с половиной года позднее, чем радио «Диктум».

Как следствие из всего вышесказанного, теряется престиж специальности «Журналистика», особенно электронных СМИ. Соответственно, это может явиться причиной уменьшения количества абитуриентов и студентов, поступающих в ЧелГУ на факультет журналистики.

Также на лицо всё большая незаинтересованность самих студентов в обучении радио-

вещанию. Как правило, основная масса сейчас идет на эту специализацию, так как (в связи со слабой работой «Диктума») специализация «радиовещание» на данный момент – самый легкий способ обучения из всех дисциплин специализации.

Данная ситуация ведет к потере «Диктумом» статуса учебного радио вообще.

Пути решения проблем:

1. Разделение ТВ- и радиолaborатории на два самостоятельных подразделения. Это позволит улучшить контроль за качеством выпуска учебных программ и работы радиостудии в целом.

2. У любой редакции должен быть редактор, в том числе и на учебном радио. Главная цель преподавателя учебной непрерывной практики – обучить, объяснить студенту – как правильно делать и разобрать ошибки в готовой программе.

Задача редактора – составлять сетку вещания, редактировать материалы, контролировать выпуск программ в эфир и регулярность вещания.

3. Выход радио «Диктум» в Интернет.

В настоящее время огромное количество информации, теории и исследований направлено на изучение конвергенции в СМИ. Самый актуальный вопрос: «Убьют» ли интернет-медиа традиционные СМИ – газету, радио, телевидение?». Нет, скорее всего, все останутся живы. Но Интернет становится неотъемлемой частью любого СМИ. У многих газет есть аналог бумажной версии в Сети, телевизионные каналы выкладывают свои программы для просмотра на сайте, и практически у всех радиостанций есть параллельное он-лайн вещание в дополнение к аналоговому.

В том числе и медиаобразовательные проекты стараются не отставать от времени и тенденций. Например, учебное «Радио ЮургУ» он-лайн вещания не имеет, но редакция несколько раз в день выкладывает на сайте в записи новости и различные программы. Вещание в режиме реального времени в Сети должно быть в близкой перспективе.

Всё, что необходимо для организации он-лайн вещания – это наличие в учебной радиостудии безлимитного Интернета со скоростью 512 кб/сек. Благодаря чему появятся существенные преимущества:

- Доступность (учебное радио можно слушать в любой точке планеты);
- Престиж (идти в ногу со временем – это всегда престижно);

- Новый уровень вещания дает новые возможности. Например, преподаватель ДС может постоянно следить за эфиром студентов, даже если он находится не в университете. А в перспективе такая радиостанция может превратиться в настоящее средство массовой информации.

4. Изменение рабочего плана. Выпуском учебных СМИ должны быть заняты не только второкурсники, но и студенты 3,4 курсов. Т.к. в период занятий (с сентября по июнь) у них полностью отсутствует возможность практиковаться, следствием этого обычно бывает потеря навыков и умений.

5. Необходимо ужесточить требования к количеству выпусков учебных радиопрограмм. С 6 до 16-20 материалов за семестр, то есть в неделю каждый студент, таким образом, будет выпускать по одной программе.

6. Разработка сетки вещания. Каждая радиостанция должна иметь план, по которому музыка и программы будут выходить в эфир. В том числе и учебная.

7. В каждый день недели за эфир отвечают 2-3 студента. То есть они полностью в этот день делают программы и составляют плей-лист, отвечают за выход в эфир музыки и информационных материалов.

Вещание распределится следующим образом: в корпусе – только на переменах. В Интернете – весь день, пока идут занятия. Например, с 9-20 до 16-00. По желанию студентов – можно добавить и вечерние эфиры. Во время занятий в Интернет-вещании будет звучать музыка, присутствие ди-джея при этом не потребуется, треки будут выдаваться в эфир аудиоплеером или специальной программой.

Самое главное правило СМИ – это регулярность выхода его в эфир. Сейчас в рамках медиаобразовательного проекта «Диктум» у нас этого нет, а, значит, и нет радио как такового. Радио не должно молчать, вещание должно быть регулярным.

Чем больше медиаобразовательный проект (в нашем случае – учебное радио) будет соот-

ветствовать критериям настоящего СМИ, тем больше шансов и возможностей у преподавателей и выпускников, соответственно – тем больше престиж специальности и специализации. Для того чтобы результат подготовки кадров был максимально эффективным, нужно учитывать в этом процессе все перечисленные аспекты. Необходимо постоянно искать новые способы и пути решения образовательных проблем, регулярно следить за тенденциями в других СМИ и смело реализовывать все эти находки на практике.

Список литературы

1. Гудилина, С. И. Инновационная деятельность в области медиаобразования Образовательные технологии XXI века. М., 2007. 335 с.
2. Жилавская, И. В. Медиаобразование молодежной аудитории: монография. Томск : Изд-во Томского ин-та информ. технологий, 2009. 322 с.
3. Жилавская, И. В. Оптимизация взаимодействия СМИ и молодежной аудитории на основе медиаобразовательных стратегий и технологий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
4. Фатеева, И. А. Медиаобразование: теоретические основы и опыт реализации: монография. Челябинск, 2008. 270 с.
5. Фатеева, И. А. Журналистские кафедры в вузах как субъекты массового медиаобразования // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания. М. : Изд-во МГУ и Российской коммуникативной ассоциации, 2008. 498 с.
6. Федоров, А. В. Медиаобразование: вчера и сегодня. М. : Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2009. 234 с.
7. Федоров, А. В. Проблемы медиаобразования (научная школа под руководством А. В. Федорова) / А. В. Федоров, И. В. Челышева, А. А. Новикова и др. Таганрог, 2007. 212 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ)

В статье автор выдвигает и обосновывает гипотезу о возможности и необходимости использования при чтении спецкурсов по журналистике, связанных со смежными областями знаний (в частности, политикой и политологией), исторического опыта и наработок христианской (библейской) религиозной традиции. Это обусловлено тем, что именно в русле развития христианства были созданы и применены многие методы осуществления массовых коммуникаций и приемы эффективного общения.

Ключевые слова: политическая журналистика, медиаобразование, массовая коммуникация, манипулирование, религия.

Проблема междисциплинарного подхода в преподавании курсов по журналистике обсуждается на многочисленных конференциях, в научных статьях и целых сборниках. Специальные предметы, обучающие журналистов творческим технологиям, могут заимствовать методы социологии, политологии, психологии, культурологии, истории, экономики и т. д. Однако, автор при чтении спецкурсов по журналистике (в частности, взаимосвязанных с политикой: «Политическая культура и СМИ») столкнулся при использовании данного педагогического приема с рядом трудностей. Во-первых, наложение разных дисциплин затрудняет понимание студентами того, что хочет им сказать преподаватель. Во-вторых, донесение одних научных знаний через призму других осложняет сам предмет, делает его в большей степени теоретическим и громоздким. Например, это может произойти при объяснении основ политической журналистики через достижения современной политологии. Данные прецеденты возникают в силу того, что педагогу надо объяснить студентам также те научные постулаты, через которые он старается передать необходимые профессиональные знания и навыки. Также нужно учитывать, что журналистика – это особая сфера знаний, где главное – это умение работать со словом и информацией, искусство общения с различными аудиториями. Именно поэтому возникает потребность в нахождении такого методологического «посредника», с помощью которого можно доступно доносить сложные знания до аудитории, используя при этом адекватные формы.

В результате проведенного мной анализа различных областей знания я пришел к выводу, что облегчить понимание спецкурсов по жур-

налистике, связанных со смежными сферами деятельности (в частности, политикой), могут духовные учения различных религий (в особенности, христианства). Библейская традиция, оказавшая огромное влияние на мировую культуру, на протяжении своей истории использовала многочисленные формы общения с разными аудиториями, различные приемы работы со словом. Чтение спецкурсов по журналистике сквозь призму библейских трактовок и взглядов на природу человека и историю всего человечества открывает новые перспективы для развития методик преподавания. Данная религиозная традиция и, соответственно, ее последователи заложили основы многих успешно используемых сегодня форм коммуникации (пропаганды, PR, журналистики) и риторики. Ее постулаты и утверждения помогают понять различные коммуникационные процессы с точки зрения психологии и процесса постановки и достижения практических целей (организационной технологии).

Приведу конкретный пример. Телесные свойства человека (его «изъяны») и его духовные свойства (достоинства) подробно раскрыты теологами. Данные особенности человеческой природы так или иначе используются в актах массовых коммуникаций. В частности, политических (на выборах, в речах политиков, воззваниях к народу в период кризисов и войн и т. д.), медийных (в рекламе, в деятельности PR-специалистов, в журналистских материалах). Проиллюстрирую свое утверждение. Известна формула, которую применял «король желтой прессы», американский медиамагнат У. Херст: материалы журналистов должны отвечать потребностям людей в безопасности, соответствовать чувству любви и инстинкту размножения,

должны тешить их тщеславие. Эта формула на самом деле далеко не полная, если учесть религиозную (христианскую) концепцию о природе человека. На ее основе можно разработать более полную (если не универсальную) гипотезу об особенностях восприятия массовой информации людьми, будь то представители элиты, средний класс или «низы» общества. Согласно христианским представлениям, человек слаб, поэтому ему свойственно реагировать на проявления «греховного мира». Христианство четко обозначает его слабости перечислением семи «смертных грехов». Если посмотреть на них с точки зрения психологии коммуникативных процессов, то можно увидеть те «уязвимые места» человеческой психики, на которых могут «играть» субъекты массовых коммуникаций (СМИ, политики, политтехнологи, рекламисты и т. д.). Соответственно, применяя данный подход, можно успешно решать учебные (и не только) задачи, в частности, по нахождению манипуляционных материалов, негативно воздействующих на психику человека. Также можно результативно анализировать речи политиков, выявляя в них слабые и сильные места.

Приведу еще один пример. При объяснении важности свободы СМИ (и, соответственно, свободы слова) для общества также можно апеллировать к религиозной традиции. Так, не вызывает сомнений, что массовая информация, передаваемая СМИ, отражает пороки, заблуждения человечества. Масс-медиа так устроены, что постоянно говорят о том, что требует исправления. В этом смысле массовую информацию можно сравнить с «лакмусовой бумагой» человечества. Именно поэтому свобода СМИ играет огромную роль в политической жизни общества. Это своего рода духовный регулятор (совесть) и ориентир (компас), направляющий «корабль» человечества. Направление «стрелки» данного ориентира должно регулироваться различными общественными силами. Если его определяет какая-то одна сила (политическая, экономическая, конфессиональная), то не избежать дезориентации людей. СМИ могут определять границы «добра» и «зла», правды и лжи, отличать «пророчества» от мошенничества. Журналисты могут и должны для блага общества отделять «зерна от плевел» (то есть главное от второстепенного). Одно из свойств передовых масс-медиа – реализация миссионерской функции. Это приобщение аудитории к определенным политическим и гуманистическим ценностям, это своеобразное «хождение в

народ», то есть помощь социально незащищенным группам, их просвещение, это формирование определенной идеологии, близкой «широким слоям населения» (бедным), это также открытие истины, правды. Данная функция предполагает, в том числе разработку определенной социальной стратегии поведения, ориентированной, например, на служение общественному благу, народу. Невозможно в полной мере осуществлять отмеченные выше задачи без свободы слова.

Закабаление СМИ современными политическими и экономическими элитами, ограничение их свободы можно сравнивать с примерами гонений и ущемлений первых христиан, проповедовавших идеи, которые были неудобны светской власти, а более глубоко – с библейской историей распятия.

Понятие свободы как таковой довольно пристально рассматривалось теологами. В частности, свобода человека определялась прежде всего как свобода выбора между добром и злом. Она характеризовалась как трудная, но обязательная составляющая человеческого существования. Человек становится рабом в том случае, если он следует низменным (с точки зрения теологов) целям. Свободен же он тогда, когда независимым от «искушений» земной жизни.

Практика показывает, что подача лекционного или семинарского материала по журналистике через призму христианской (библейской) традиции открывает дополнительные возможности для плодотворного диалога с обучающимися. Причина этого кроется в популярности, доступности и универсальности данной традиции.

Список литературы

1. Гарнак, А. Сущность христианства. М. : «Интрада», 2001. 190 с.
2. Корконосенко, С. Г. Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия. СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2004. 446 с.
3. Ранович, А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М. : Изд-во политической литературы, 1990. 479 с.
4. Тальберг, Н. История христианской церкви. М., Нью-Йорк : «Интербук», «Астра», 1991. 492 с.
5. Мень, А. Человечество на пути духовного преображения. М. : Независимое изд-во «Пик», 2006. 400 с.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ЛИТЕРАТУРЫ ГИЖа А. И. ЗОНИН

В центре статьи – рассказ о жизненном и творческом пути Александра Ильича Зонина (1901–1962), критика и писателя, в 1929–1930 годах возглавлявшего литературную кафедру в Государственном институте журналистики.

Ключевые слова: Государственный институт журналистики, кафедра, литературный процесс 1920–1960-х годов, критика, А. И. Зонин.

История вуза – это история его структурных подразделений: факультетов, кафедр, лабораторий, кабинетов; но это и история людей, работавших и учившихся в нем. А если жизнь вуза была недолгой – как в случае с Государственным институтом журналистики, просуществовавшим всего 17 лет (с 1921 по 1938 год) – то жизнеописания людей, причастных к ней, приобретают решающее значение: благодаря им скупая хронология учебного заведения включается в жизненный контекст, она укореняется в эпохе предшествующей и находит в человеческих судьбах достойное продолжение...

Основным учебно-научным подразделением вуза является кафедра. Соответственно, руководители кафедр – это ключевые фигуры в организации учебного дела и научной работы, они координируют учебно-воспитательный процесс и определяют микроклимат коллектива. Нам неизвестно, как был структурирован профессорско-преподавательский состав в первые два года существования института журналистики, а вот в начале 1924 года, судя по сохранившимся архивным документам, в нем функционировало пять кафедр: газетоведения; политико-экономических наук; истории; языка и литературы; естествознания и математики¹. В 1925 году в институте сменилось руководство, и, хотя кафедр по-прежнему было пять, их состав несколько изменился. Они были организованы по следующим группам дисциплин:

1) *кафедра печати* объединяла преподавателей таких дисциплин, как информация в связи с русским языком, основы газетного дела, публицистика, техника газетного дела, техника печатного дела, современные течения в литературе и искусстве;

2) *кафедра истории* объединяла преподавателей истории развития общественных форм, истории России, истории Запада;

3) *на кафедре партстроительства* работали преподаватели истории РКП(б) и партстроительства;

4) *на кафедре естествознания* – преподаватели физико-химии и математики;

5) *на кафедре экономики* – преподаватели экономической географии и политэкономии².

Сравнивая структуру института 1924 и 1925 годов, мы видим, что появилась кафедра партстроительства и исчезла кафедра языка и литературы (преподаватели этих дисциплин оказались на кафедре печати, переименованной из кафедры газетоведения; переименование объяснялось, по-видимому увольнением бывшего ректора института К. П. Новицкого, основателя научной школы газетоведения). Еще через год правление института принимало решение о разделении кафедры печати на несколько коллективов, однако в жизнь данное решение проведено не было. Как следствие кафедра печати, которой руководил в 1920-е годы преподаватель истории русской журналистики Ю. М. Бочаров, оставалась самой многочисленной: в октябре 1927 года, например, она насчитывала 17 чел, а кроме нее существовали экономическая (6 чел.), историко-партийная (11 чел.) и кафедра естествознания (3 чел.)³.

После незначительного сокращения число кафедр в дальнейшем стало расти: осенью 1931 года их было восемь: экономическая; всеобщей истории; диалектического материализма; истории партии и ленинизма; печати; литературы и критики; родного языка и языка газеты; техники газетного оформления; плюс к тому существовала предметная комиссия по иностранному языку⁴. Через год – в связи с переориентацией института на выпуск преимущественно редакторов районных (т. е. сельских) газет – появилась еще кафедра социалистического земледелия, объединившая преподавателей агротехники, механизации сельского хозяйства, основ животноводства и организации производства в

совхозах, колхозах и МТС⁵. Известно, что в середине 1930-х годов кафедра печати переименовывалась в кафедру редактирования, а в последний год существования института (1938) она называлась кафедрой «Практика газетного дела». Кроме нее накануне закрытия функционировало еще пять кафедр (истории ВКП (б) и ленинизма; литературы и языка; истории; политэкономии; иностранных языков) и предметная комиссия по русскому языку⁶.

Как видим, структура кафедр за 17 лет неоднократно менялась, и собрать материал о всех их руководителях за давностью лет не представляется возможным. Однако мы ставим себе задачу описать деятельность наиболее видных из них, и в данной статье расскажем о жизненном пути Александра Ильича Зонина, который в конце 1920-х годов работал председателем кафедры литературы.

Преподаванию литературы в ГИЖе уделялось должное внимание с момента организации института. Так, в учебном плане 1923 года числятся история русской литературы XIX и XX веков (преподаватель – известный литературовед и критик В. Л. Львов-Рогачевский), социальное искусство и литература XIX и XX веков (вел профессор В. М. Фриче, будущий академик), теория поэзии и прозы (профессор А. Я. Цинговатов), история русской критики (С. И. Яхонтов), литературная критика и её современные методы (профессор, в будущем академик П. Н. Сакулин). Отметим очень сильный преподавательский состав по данным предметам в первые годы существования института (ректор К. П. Новицкий). Кто из ученых в то время возглавлял филологическую кафедру, установить пока не удалось.

Такое внимание к литературным предметам, видимо, было признано нецелесообразным, когда был запущен процесс превращения ГИЖа в специализированный комвуз, призванный готовить в первую очередь партийных работников в области печати (1925). Кафедра литературы и языка ликвидируется, так как из учебного плана совсем исчезают литературные курсы. Потом литературу стали осторожно вводить. В 1927 году на кафедре печати числился преподавателем литературы с окладом по самой низкой ставке некий И. Н. Кубиков.

А. И. Зонин был зачислен в штат ГИЖа с 1 октября 1929 года ректором Д. А. Розановым, а с 15 июня следующего 1930 года приказом № 92 по институту он назначался «председателем кафедры литературоведения»⁷. Столь быстрая

карьера объяснялась, по-видимому, следующей причиной: Д. А. Розанов, возглавивший институт в декабре 1928 года, поставил себе целью вернуть институту былую славу профессиональной школы и решил принимать на ключевые посты людей, авторитетных в журналистике. А. И. Зонин оказался именно таким: в 1920-е годы он был активным участником литературной жизни Москвы и Ленинграда, регулярно печатавшимся критиком, к концу десятилетия он успел побывать во главе нескольких изданий, выпустил три книги критических статей и... успел получить диплом о высшем литературном образовании.

Да, в отличие от Фриче, Сакулина и Цинговатова, сформировавшихся в среде дореволюционной профессуры, Александр Ильич Зонин, родившийся в 1901 году, принадлежал к первому советскому поколению интеллигентов. На свет он появился в еврейской семье фотографа в Елизаветграде под именем Элиазар Израелевич Бриль. В 1918 году после одного из погромов семья переехала в Москву, где отец юноши стал работать по специальности в Пролеткино. До революции будущий критик успел побывать в партии эсеров, но вслед за братьями примкнул к большевикам в годы гражданской войны, работал в елизаветградском подполье, потом ушел в Красную Армию, где и сменил имя в феврале 1919 года в связи с антисемитскими проявлениями со стороны сослуживцев. В том же году вступил в ВКП (б).

В своей автобиографии о том времени Зонин писал: «Был в боях против интервентов, петлюровцев, белополяков, белолатышей, белоэстонцев и белогвардейцев Юденича. Ранен, контужен, награжден орденом Красного Знамени»⁸. Более подробные данные находим в записях приемного сына Зонина Сергея Александровича: «Заканчивая последний класс Коммерческого училища в Елизаветграде <...>, А. Зонин уже заведывал в Ревкоме отделом советской пропаганды. А семнадцати лет стал комиссаром Красной Армии <...> Под Новгородом-Северским был ранен, и, хотя функции правой руки у него полностью не восстановились, Александр Зонин остался в армии <...> В те дни ему все казалось простым и ясным: кто враг и кто друг, что было и что грядет. Близился 10-й съезд партии, на армейской партконференции отца выбрали делегатом <...> Прибыв в Москву, Зонин узнал о мятеже в Кронштадте. По решению ЦК на его подавление было направлено 200 делегатов съезда. Среди них и отец»⁹. Орден Красного

Знамени Зонин получил именно за участие в подавлении Кронштадтского мятежа.

Литературную работу Александр Ильич начал еще в 1920 году в армейской газете, со временем стал ее редактором и начполитпросветом 16-й армии. После X съезда получил новое назначение – начальника отдела печати Политуправления Реввоенсовета Республики и редактора журнала «Политработник». Но и тогда Зонин еще колебался в выборе профессионального пути. По данным С. А. Зонина, «в конце 1921 года он просит начальника ПУР С. И. Гусева разрешить ему поступление на курсы при Военно-Морской академии. И получает отказ»¹⁰. Но это юношеское желание посвятить себя морю в конце концов найдет выход в зрелые годы жизни А. И. Зонина.

А пока он активно работает в журналистике: ответственный редактор газеты «Красная звезда» (Туркестан), организатор и редактор «Туркестанской правды», после переезда в Москву (1923) зав. военным отделом журнала «Молодая гвардия», зам. редактора журнала «Октябрь», редактор журнала «Звезда» (во время предпринятой по решению XIV съезда партийной командировки в Ленинград во главе с С. М. Кировым, участники которой должны были выступать с критикой программы, выдвинутой на съезде Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым). «Я оказался в среде литераторов, ведущих борьбу за пролетарскую литературу, и принял в этом участие и как критик, и как организационный работник сначала в группах «Октябрь» и «На посту» («На литпосту»), затем в РАППе <...> Положительные и отрицательные (более последние) стороны моей критической и литературоведческой работы получили полное отражение в моих книжках «У истоков пролетарской литературы», «За пролетарский реализм», «Образы и действительность»»¹¹, – так писал А. И. Зонин в 1955 году. Обратим внимание, что на шестом десятке лет он подчеркивал прежде всего отрицательные стороны своей деятельности второй половины 1920-х годов (названные им книги последовательно выходили в 1927, 1928 и 1930 годах), но именно благодаря этой деятельности он и был приглашен к руководству кафедрой литературы в ГИЖе. Произошло это после окончания им литературного отделения Института красной профессуры (1929).

Позиция А. Зонина в литературных битвах 1920-х годов неоднократно менялась: в первой половине десятилетия он входил в левое,

наиболее радикальное крыло Ассоциации пролетарских писателей, публиковавшихся в журнале «На посту» (был избран в правление этой одиозной организации); «в 1926 году он вместе с А. Фадеевым, Ю. Либединым, Л. Авербахом занимал центристскую позицию, но затем вошел в резкий конфликт с этой литературной группировкой и в 1930 году стал членом Литературного фронта – крайне левой литературной группировки ВАПП»¹².

Факт участия Зонина в подобных группировках с позиций сегодняшнего времени может быть оценен неоднозначно, так как хорошо известны те методы, которые использовались в литературной борьбе напостовцами и рапповцами, которых неслучайно называли «литературными чекистами». По справедливому замечанию участника тех событий В. Я. Кирпотина, «рапповцам не хватало образования, а большинству и таланта, и они слепо копировали в литературе роль партии в революции»¹³, поэтому вождей РАППа боялись. У них «была установка, и не только молчаливая, но выговариваемая громко, что они сами и все их филиалы являются отделами партии по руководству литературным процессом», в результате «почти все командные рычаги находились в их руках. Они издавали «Литературную газету», множество литературно-художественных и литературно-критических журналов. Их люди в издательствах определяли социальный заказ государства на литературу классового содержания»¹⁴. И закономерен вывод очевидца: «Начав с самых лучших предпосылок и намерений, РАПП превратился в злую силу»¹⁵. Аналогичные оценки находим и у современных исследователей: «Рапповцы отработали приемы командного руководства писателями, навязывая им «творческий метод», и напостовская «дубинка» вскоре сменилась рапповской. В 30-е годы эти приемы были взяты на вооружение Сталиным...»¹⁶.

Зададимся, однако, естественным вопросом: должны ли мы данные нелицеприятные оценки автоматически переносить на всех напостовцев и рапповцев, в том числе на Зонина? Убеждены, что нет. Во-первых, нам пока не встретились негативные отклики о нем лично: мемуаристы и исследователи называют в числе типичных напостовцев Г. Лелевича, С. А. Родова, Б. М. Волина, среди «правоверных» рапповцев Л. Л. Авербаха, В. В. Ермилова, А. А. Фадеева, В. М. Киршона, А. Н. Афиногенова, Ю. Либединого, М. Ф. Чумандрина, но не Зонина. Ра-

боты Александра Ильича дают повод говорить о том, что он был способен проявлять относительную независимость суждений, например по вопросу о попутчиках. Так, в статье «К итогам литературно-политических разногласий» он писал: «Нельзя с водой выплескивать ребенка. Надо относиться к писателю терпимо и терпеливо переводить его на коммунистические рельсы...»¹⁷. Во-вторых, следует иметь в виду, что, не входя в число лидеров напостовцев и рапповцев, Зонин тем не менее занимал руководящие посты в их журналах, отсюда можно сделать вывод, что он охотнее проявлял себя не на «проработках» и митингах, где требовались бескомпромиссность и оголтелость, а в текущей организационно-созидательной работе с ее планомерной, кропотливой, незаметной постороннему глазу деятельностью.

Логичным поэтому нам кажется и приход Зонина в педагогику. Со слов сына критика известно, что после окончания Института красной профессуры Александр Ильич был оставлен в этом авторитетном учебном заведении в должности заместителя его директора¹⁸. Что же касается параллельной работы Зонина в качестве руководителя литературной кафедры ГИЖа, о ней до сих пор было неизвестно.

Нам удалось обнаружить документы, свидетельствующие об активном участии Зонина в деятельности созданного в 1929/30 году научно-исследовательского кабинета ГИЖа. Сохранился план работы кабинета на учебный год. Наиболее значительная его часть называлась «Секции и комиссии», она дает представление о тех отраслях знания, которые разрабатывались в институте, и о его научных кадрах. Судя по плану, планировалась работа трех больших секций: 1) методологической; 2) секции техники и хозяйства газеты; 3) секции литературно-публицистических жанров. Куратором третьей секции (в нее входили Эйшишкин, Фохт, Тартаковский, Левидов, Журбина, Шафир, Бочачер – преподаватели и аспиранты института) и назначался Зонин. В плане ее работы¹⁹ зафиксированы следующие выступления и исследования:

- «Логика газетного стиля» (исполнители – студенты под руководством А. И. Зонина и исполняющего обязанности председателя кафедры печати М. И. Гуса).

- «История русского фельетона» (Журбина).

- «Этюд об английском эссе» (М. Ю. Левидов).

- «Полемические приемы Г. В. Плеханова и Н. М. Михайловского» (Тартаковский) и др.

Не будем преувеличивать значение работы А. И. Зонина в научно-исследовательском кабинете ГИЖа, но заметим, что если из науки о журналистике того времени что-либо сохранило свою ценность до наших дней, то это именно разработки по теории журналистских жанров, начатые в 1920-е годы в ГИЖе и подхваченные далее (с 1940-х годов) в советских университетах. Скажем также, что Зонин не только руководил секцией литературно-публицистических жанров, но и входил в Совет научно-исследовательского кабинета, состоявший из семи человек²⁰.

Работа Зонина в Государственном институте журналистики была недолгой (с 1 октября 1929 года по 1 ноября 1930 года) и имела печальный финал. Как известно, конец 1920-х годов ознаменовался кардинальным наступлением на остатки либерализма во всех областях жизни, это было время безудержной сталинизации и бюрократизации. Начиналась эпоха «большого террора»: в 1929–1930 годах в стране прошла первая генеральная чистка. Как следствие в 1930 году из ГИЖа один за другим были уволены все сколько-нибудь самостоятельно мыслявшие личности, иногда с формулировкой «как исключенные из партии». И ясно, что это не местный административный произвол – это глобальная идеологическая кампания, санкционированная сверху.

Так, весной 1931 года на все кафедры ГИЖа было разослано объявление о созыве итогового общего партийного собрания всех преподавателей института, цель которого – «подвести итоги политически-теоретическому содержанию учебной работы под углом осуществления поворота на теоретическом фронте». Оно настолько ярко говорит само за себя, что мы ограничимся его обширным цитированием, обратив только внимание на тот контекст, в который включена фамилия Зонина: «Особо обращаем внимание на то, что в ГИЖе необходимо подвести сейчас первые итоги тому, как идет борьба со всеми и всяческими буржуазными и оппортунистическими теориями. Как идет борьба с механицизмом бухаринщины во всех ее проявлениях и меньшевистствующим идеализмом деборинщины. Как эта борьба идет не только по линии диамата, но и политэкономии, литературоведения, истории и т. д. Необходимо проследить, как идет перестройка и борьба с механицизмом и меньшевистствующим идеализ-

мом рубинщины в политэкономии. Необходимо проследить, как идет борьба с воронщиной и переверзевщиной-зонинщиной, ибо кафедра КИЖа еще недавно была в руках Зонина»²¹.

1930 год был переломным в жизни А. И. Зонина. Из его биографии известно, что в 1930 году он был направлен на Дальний Восток, где проработал до 1934 года. Вот как объясняет эту высылку его сын: «Кто знает, как сложилась бы судьба Александра Зонина дальше, не появись в «Правде» после трагической гибели В. Маяковского его статья. Отец называл в ней В. Маяковского замечательным Поэтом Революции. Он хорошо знал и любил его поэзию. Помню, часто читал мне наизусть «Облако в штанах». В прессе проскочили близкие по тональности статьи и других авторов, но в отношении отца реакция руководства Ассоциации пролетарских писателей последовала незамедлительно. Статья А. Зонина о Маяковском была признана политически ошибочной и в направленном Сталину и Молотову письме подверглась резкому осуждению. В результате <...> А. Зонин решением партийных органов был направлен на работу на Дальний Восток»²².

По нашим представлениям все было несколько сложнее. Причиной высылки была не только статья, но и общая позиция Зонина в литературно-общественной борьбе. В 1930 году Александр Ильич примкнул к литературной группе «Литфронт». Известно, что название группировки получила в августе 1930 года, но само течение в качестве левой оппозиции внутри РАПП открыто заявило о себе еще в начале года. В «Литфронт» входили, с одной стороны, левое меньшинство членов Ассоциации, отстраненных от руководящих постов еще в ноябре 1926 года (Г. Лелевич, С. Родов, Г. Горбачев, А. Безыменский), с другой стороны, представители ленинградской группы критиков и писателей, объединившихся вокруг Г. Горбачева (А. Камегулов, А. Горелов, А. Прокофьев, Вс. Вишневский, В. Саянов и др.), а также бывшие ученики В. Ф. Переверзева из Коммунистической академии и Института красной профессуры (И. Беспалов, М. Гельфанд, В. Кин). К последней группе относился и А. Зонин, активно защищавший своего учителя во время печально известной дискуссии о концепции Переверзева, обвиненного в «меньшевизмующем» и «механистическом» уклоне в литературоведении. Выступление А. Зонина в прениях во время дискуссии в Комакадемии опубликовано²³.

Литфронтовцы активно критиковали руководство РАПП (А. Фадеев, Л. Авербах, В. Ермаков, Ю. Либединский и др.) за допущенные ошибки (администрирование, групповщина, слабое знание теории марксистской критики, недооценка крестьянской литературы и мирового классического наследия, «идеализм» и т.д.). После многомесячных жарких дискуссий в начале ноября 1930 года Секретариат РАПП вынес постановление о роспуске литературно-политической группировки «Литфронт»²⁴. 13 ноября 1930 года в газете «Правда» была опубликована выдержка из резолюции фракции секретариата РАПП «Против право-«левацкого» блока». В ней были такие строчки: «Фракция секретариата РАПП отмечает, что двурушники и фракционеры пытались использовать литературную область для своей борьбы против партии <...> Эти обстоятельства требуют от фракции секретариата РАПП особой бдительности в ее борьбе за партийную линию. Фракции всех литературных организаций обязаны <...> давать решительный отпор как всем отклонениям от партийной линии, так и попыткам двурушников и фракционеров использовать литературные организации для антипартийной деятельности. В частности, группа «Литфронт» должна с особой тщательностью проверить свой состав и очиститься от всех антипартийных элементов»²⁵. После этого стоит ли удивляться, что А. Зонин оказался на Дальнем Востоке?

После работы в провинции были три года лечения от «тяжелого нервного расстройства и крайнего физического истощения», приступы приобретенной душевной болезни будут мучить Александра Ильича всю жизнь и особенно обострятся после ареста в конце 1940-х годов. Есть сведения, что первая жена критика была расстреляна в 1930 году за участие в оппозиции (от этого брака осталась родившаяся в 1923 году дочь Ленина), и в конце 1930-х Александр Ильич взял из детдома на воспитание 9-летнего мальчика; по другим сведениям, это настоящий, а не приемный сын писателя²⁶. В конце десятилетия Зонин переедет из Москвы в Ленинград, в этом определяющую роль сыграет Б. А. Лавренев, с которым Зонин познакомился еще в начале 1920-х годов и всю жизнь дружил. В дальнейшем (в 1942 году) А. Зонин женится на писательнице В. К. Кетлинской, в 1944 у них родится сын Владимир.

В конце 1930-х годов Зонин найдет себя и как писатель: он обратится к военно-исторической и историко-биографической теме (неопублико-

ванный роман об Александре Невском «Земля Новгородская», повесть о мореплавателе В. М. Головнине «Капитан «Дианы», роман «Жизнь адмирала Нахимова», повести об адмиралах С. О. Макарове и Ф. Ф. Ушакове и др.). Интерес к флоту, как мы знаем, родился еще в юности, а позже Зонин сдал экзамены на звание морского офицера, получил чин капитана 3-го ранга и принимал участие в плаваниях, в том числе боевых, в годы Великой Отечественной войны. Наиболее значительное плавание – на подводной лодке Л-3 в 1942 году. П. Н. Лукницкий, встретившийся с Зониным перед этой операцией, записал в дневнике: «Зонин не слишком рассчитывает вернуться живым, но из высокого чувства долга готов ко всему. Человек он нервный, впечатлительный...» В примечаниях к книге Лукницкого читаем: «Много лет спустя я узнал, что в этот раз, за ответственный и дерзкий поход к берегам Германии, за потопленные вражеские корабли, за умение пройти сквозь все минные поля и другие бесчисленные опасности, весь экипаж <...> был награжден боевыми орденами и медалями. Командир лодки получил звание Героя Советского Союза, а А. И. Зонин – второй орден Красного Знамени»²⁷.

Об участии Зонина в Великой Отечественной войне писал его друг адмирал Л. Владимирский: «Насколько я знаю, Александр Зонин был единственным писателем, принимавшим участие в дальних боевых походах на подводных лодках... В тяжелые дни сентября сорок первого года, когда гитлеровцы рвались к Ленинграду, Александр Зонин был в морской пехоте и, когда выбыли из строя командиры, принял командование батальоном балтийцев»²⁸.

Как ранее в советско-финляндской войне, Зонин участвовал в Великой Отечественной и как писатель: состоял в Оперативной группе писателей при Политуправлении Балтфлота (до 1943 г.) и Северного флота, с конца войны – корреспондент газеты «Красный флот», награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями. Все увиденное и пережитое в военное время позже вошло в книги писателя. Так, например, в романе «Свет на борту» он «рассказывал о позорном бегстве на катере сгоревшего, лишившегося хода «Казахстана» флотского начальника и его приближенных. О том, как боевые корабли бросили десятки транспортов и ушли, обрекая на гибель тысячи беззащитных людей. Когда в 1949 году А. Зонин был арестован, эта книга была приобще-

на к делу, как свидетельство клеветы на ВМФ и советскую действительность»²⁹. Роман был причиной тревог для автора и до ареста: «Отца волновала реакция на чтение глав его романа «Свет на борту» в Военно-морской академии. Один из присутствовавших там политработников якобы сказал, что после речи Черчилля в Фултоне писать о войне на Балтике так, как это делает Зонин, нельзя»³⁰.

Арестован Зонин был 16 апреля 1949 года, осужден постановлением Особого Совещания 4 ноября 1950 года по статье 58 пункты 10 и 11 (контрреволюционная деятельность) и статье 182 пункт 4 (хранение холодного оружия). Из 10 лет лагерей, к которым его приговорили, он отбыл пять. Освобожден был по болезни, а в апреле 1955 года уголовное дело в отношении писателя было прекращено за недостаточностью предъявленного обвинения.

Умер Зонин в 1962 году. В последние 7 лет жизни он продолжал писать, в том числе автобиографическую прозу. Похоронить себя он просил в море, и его желание было исполнено: урна с его прахом была захоронена в водах Баренцева моря 31 мая 1962 года.

Кроме художественных произведений Александр Ильич писал и очерки. Например, в 1947 году под редакторством Зонина, его жены В. Кетлинской и В. Саянова вышел в свет сборник «Ленинградцы», в котором опубликован очерк А. Зонина «Мастера доброй пропорции»³¹ – о «корабельных архитекторах».

Дети Зонина унаследовали от него любовь к литературе: его старшая дочь Ленина Александровна Зонина стала известным литературоведом и переводчиком, дружила с Ж.-П. Сартром, была одним из подписантов знаменитого письма в защиту Даниэля и Синявского; приемный (?) сын Сергей Александрович Зонин, как и отец, стал писателем-маринистом.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 2. Л. 19–20.

² ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 8. Л. 103.

³ ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 2. Д. 7. Л. 5–6.

⁴ ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 2. Д. 7. Л. 296 (об.).

⁵ ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 2. Д. 26. Л. 227.

⁶ ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 80. Л. 20.

⁷ ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 2. Д. 7. Л. 95 (об.), 137.

⁸ Ленинградские писатели-фронтовики : Автобиографии. Биографии. Книги / автор-сост. В. Бахтин. Л.: Советский писатель, 1985. С. 162.

⁹ Распятые. СПб. ; Ист.-мемор. комис. Союза

писателей Санкт-Петербурга : Северо-Запад, 1993. Вып. 2. С. 44–45.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ Ленинградские писатели-фронтовики... С. 163.

¹² Распятые... С. 47.

¹³ Кирпотин, В. Я. Ровесник железного века. М. : Захаров, 2006. С. 644.

¹⁴ Там же. С. 140.

¹⁵ Там же. С. 644.

¹⁶ Мусатов, В. В. История русской литературы первой половины XX века (советский период). М. : Высш. шк.; Изд. центр Академия, 2001. С. 21.

¹⁷ Зонин, А. И. К итогам литературно-политических разногласий // Звезда. 1926. № 6.

¹⁸ Распятые... С. 47.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 26. Л. 36.

²¹ ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 3. Д. 12. Л. 39.

²² Распятые... С. 47–48.

²³ Против механистического литературоведения. Дискуссия о концепции В. Ф. Переверзе-

ва. М. : Издательство Коммунистической академии, 1930. С. 64–67.

²⁴ Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 2 / отв. ред. В. П. Муромский; Институт русской литературы (Пушкинский Дом). СПб. : Наука, 2006. С. 146.

²⁵ Против право-«левацкого» блока (Из резолюции фракции секретариата РАПП) // Правда. 1930. 13 ноября.

²⁶ URL : <http://funeral-spb.ru/necropols/komarov/ketlinskaya/>.

²⁷ Лукницкий, П. Н. Ленинград действует... Кн. 2. М. : Советский писатель, 1964.

²⁸ Владимирский, Л. Преданный флоту // Зонин, А. Жизнь адмирала Нахимова. Л. : Советский писатель, 1987. С. 444.

²⁹ Распятые... С. 51.

³⁰ Там же. С. 53.

³¹ Зонин, А. Мастера доброй пропорции // Ленинградцы. Очерки. Л. : Лениздат, 1947. С. 196–213.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

В. С. Артюхов

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ. ТЕЛЕРЕПОРТАЖ В КОНТЕКСТЕ СИТУАТИВНОЙ СЕМИОТИКИ

Автор предлагает рассматривать расхождения в предъявлении одной и той же информации разными национальными телеслужбами не только с позиций узко-политических задач, но и в контексте ситуативной семиотики, стремящейся выявить в информационном потоке воздействие национально-стереотипического сознания.

Ключевые слова: телерепортаж, ситуативная семиотика, стереотипы сознания, предвзятость в ньюсмейкинге.

Основными этапами информационного процесса являются получение, отбор, комментирование и распространение сведений. От того, какую информацию, в какой форме и с какими комментариями получают субъекты политики, очень во многом зависят их последующие действия. «Иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть», — пишут авторы одного из самых известных учебных пособий по политологии ФРГ.

Непосредственное обладание такой властью — прерогатива СМИ. Они не только отбирают сведения, поставляемые информационными агентствами, но и сами добывают и оформляют их, а также выступают их комментаторами и распространителями.

Однако это расхожее мнение сейчас значительно корректируется многими исследователями информационных пространств. Журналист вовсе не так свободен в своих действиях, как это принято представлять согласно тезису о «четвертой власти». В наши задачи как раз и входит показать те факторы воздействия, от которых журналист избавиться не может, а зачастую даже не замечает, что сам находится в их власти.

Наиболее последовательно эти факторы (в том числе применительно к СМИ) исследует не так давно возникшее ответвление семиотики — семиотика ситуативная.

По словам А. Моретти, профессора университета им. П. Паоли (Франция), «ситуативная семиотика — новое популярное во Франции направление, возникшее как семиотика для

гуманитарных наук. В ее основе лежат социология и когнитивная психология. Каждое новое событие или объект, воспринимаемый человеком, осмысливается им и в процессе “познания” классифицируется в зависимости от “ситуации”. В рамках ситуативной семиотики под “ситуацией” понимается определенный культурный и индивидуальный контекст (как менталитет, политическое и экономическое положение в стране, так и личное восприятие носителя культуры, зависящее от его социального статуса и даже эмоционального настроя)»¹.

Пользуясь примерами анализа конкретных медиатекстов, которые приводит А. Моретти, мы хотели бы предложить методику рассмотрения «двойных стандартов» в современной тележурналистике, связанной с освещением конфликтных зон планеты (на примере ближневосточных событий).

Для примера предлагаем рассмотреть информационные сюжеты двух телекомпаний — российской «НТВ» и британской «ВВС». Тема репортажа — февральский визит премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньяху в Москву. Различия авторских текстов двух телекомпаний можно заметить уже с вступительной речи ведущего, на языке телевизионщиков она называется «подводкой к сюжету».

В ходе переговоров в Кремле премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху попросил российского президента Дмитрия Медведева поддержать жесткие санкции против Ирана и поблагодарил российское руководство за понимание в этом вопросе.

Между тем российские информагентства, сообщая о заявлениях Медведева на встрече с Нетаньяху, не упоминают об иранской проблеме (текст телеканала ВВС).

Является ли это правдой? На самом ли деле российские СМИ не упоминали зрителю о иранской проблеме? На сайте телекомпании НТВ в видеоархиве за 15 февраля 2010 года можно ознакомиться с авторским текстом по этой теме.

В Москву прибыл израильский премьер. Он встретился в Кремле с Дмитрием Медведевым и обсудил с ним иранскую ядерную программу. Тель-Авив считает, что по отношению к Ирану должны быть применены суровые санкции, в частности, препятствующие импорту в Исламскую Республику нефтепродуктов.

Как мы видим, российские СМИ в первую очередь говорили именно об иранской проблеме. Из этого примера мы можем наблюдать, как журналист оказывается во власти собственного горизонта ожидания. Для западноевропейского сознания альянс России и Ирана оказывается вполне ожидаемым (и оказывается в рамках старых стереотипов еще периода холодной войны). И, соответственно, журналист стремится подчеркнуть соответствие этой конкретной линии ожидания своих слушателей /зрителей. Во всем мире телеканал ВВС является авторитетным средством массовой информации, и зрители ему доверяют. Однако такой пример дает повод задуматься.

Теория ситуативной семиотики предполагает, что журналист находится под давлением макроситуации – того менталитета и общих социокультурных стереотипов, которые свойственны его этносу, народу, стране, общности: «Интерпретация событий журналистами, которые впоследствии создают картину мира в соответствии со своими представлениями этого мира, влияет на мировоззрение большинства читателей прессы, не подготовленных критически воспринимать подаваемую им информацию. Так создаются стереотипы, и высказывать иное мнение в данном случае будет тяжело: новая информация либо не будет “услышана”, либо будет интерпретирована как предвзятая. Получается замкнутый круг: журналисты получают политический заказ, создают определенное мнение (как понятие ситуативной семиотики) и сами оказываются под его влиянием, так как писать приходится о том, что люди хотят услышать»².

Мы могли бы уточнить это наблюдение применительно к тележурналистике, связанной с «горячими точками»: проблема не столько в точной политической стратегии, которой придерживаются те или иные СМИ, сколько в

более глубоких ментальных представлениях о «враждебной стороне».

Поясним это мнение. Хотя тележурналист стремится к объективному представлению событий, он неизбежно оказывается в рамках определенной предвзятости. В таких остроактуальных продуктах СМИ, как телерепортажи из горячих точек, конфликтных зон планеты, нетрудно обнаружить политический фактор интерпретации. Но нас в данном случае в большей мере интересует когнитивный фактор: журналист заведомо «слышит» и «видит» в происходящем то, на что «настроено» его слышание и видение.

Поток информации в современном мире настолько разнообразен и противоречив, что самостоятельно разобраться в нем не в состоянии ни отдельный человек, ни даже группа специалистов. При этом отбор наиболее важной информации и ее представление – важная задача всей системы СМИ. Однако, как показывает ситуационно-семиотический подход, решение этой задачи крайне осложнено когнитивными барьерами, «предписывающими» журналисту – представителю определенного народа – специфическое отношение к освещению того или иного конфликта. С одной стороны, естественно, можно говорить и о широких возможностях для манипулирования массовым сознанием. Но с другой стороны, мы могли бы усматривать в этом явлении специфическую задачу для медиапедагогики: если бы слушатели-зрители-читатели СМИ знали о наличии когнитивных сценариев в восприятии тех или иных столкновений у представителей различных наций, они могли бы вычленять такие эффекты в общих информационных потоках, а не доверять слепо «слову авторитетной компании».

Список литературы

1. Бэндлер, Р. Используйте свой мозг для изменения. СПб., 1994. С. 11.
2. Моретти, А. Применение ситуативной семиотики при анализе СМИ : на примере грузино-осетинского конфликта // Горизонты цивилизации : сб. материалов Междунар. науч. конф. (Аркаим, 26–28 мая 2010 г.). Челябинск : Энциклопедия, 2010.
3. URL : <http://www.ntv.ru/novosti/186238/>.
4. URL : http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/02/100215_netanyahu_arrived.shtml.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В данной статье рассматривается проблема универсализма в тележурналистской деятельности, ее особенности в современной России в условиях процесса рыночной трансформации общества. Проблема универсализма обусловлена влиянием социально-экономических факторов, а также социально-профессиональной адаптацией тележурналиста к меняющимся условиям жизнедеятельности общества. Проблема универсализма рассматривается в качестве взаимодействия социальных субъектов. Также исследуется вопрос автономности человека.

Ключевые слова: универсализм, универсальная тележурналистика, телевидение, социальное взаимодействие, автономность личности.

Вторая половина XX века ознаменовалась появлением новых тенденций в практике социальных взаимодействий. Стало возможным говорить об «относительном росте индивидуального статуса массы участников социального взаимодействия, о некотором выравнивании социальных позиций этих участников и даже о становлении социального партнерства в различных сферах социальной жизни» [1. С. 5]. Возрастающая автономия человека в процессе его взаимодействия, как с другими социальными субъектами, так и со средой дает основание говорить о возникновении нового типа социального субъекта, называемого Ю. Гиллер «массой самостоятельных личностей». «История перестала быть естественно-историческим процессом, а стала процессом социально-историческим» [3. С. 290–292].

Таким образом, мы видим новый этап в эволюции субъекта социального процесса. Человек сегодня все в большей степени получает возможности влиять на различные аспекты собственной жизнедеятельности во всех сферах жизни: и в экономике, и в социальной сфере, и в политике, и в духовной жизни.

Что же в себе несет понятие «самостоятельная личность»? Социология рассматривает личность человека в качестве носителя определенных социальных типов. Следовательно, и понятие «самостоятельной личности» рассматривается не как психологическая характеристика конкретного человека, а как определенный «тип жизнедеятельности, тип поведения».

П. Штомпка делает вывод, что в обществе существует неразрывная и взаимообуславливающая связь между действующим субъектом (он употребляет термин «агент») и характеристиками социальных условий его жизнедеятельно-

сти. «Не существует ни реальности объектов, ни реальности структур самих по себе. И не существует никакой приемлемой модели действительного взаимодействия этих двух реальностей – агентов и структур, рассматриваемых раздельно. Потому что в действительности они слиты вместе в единый мир – социальный мир человека, в его единую агентно-структурную фабрику. <...> Действие <...> представляет собой то место, где сходятся структуры (способности к операциям) и агенты (способности к действию); это синтетический продукт, слияние структурных обстоятельств и способностей деятелей. В таком виде действие обусловлено двояко: “сверху” – балансом напряженностей и ограничений, а также ресурсами и возможностями, обеспечиваемыми существующими структурами; и “снизу” – умениями, талантами, мастерством, знаниями, субъективными отношениями членов общества и организационными формами, в которых они соединяются в коллективы, группы, социальные движения и пр. Но действие не сводимо ни к тому, ни к другому; по отношению к обоим уровням (тотальностей и индивидуальностей) оно составляет новое, возникающее качество» [3. С. 273–274].

Таким образом, автономизация человека – взаимосвязанный процесс увеличения внешних возможностей для проявления его активности, возрастания внутреннего субъектного потенциала человека и развития механизмов их взаимодействия.

Основными структурными компонентами взаимодействия человека и ситуации являются: сам человек, а также природная, социальная и культурная среда, в которых осуществляется его деятельность. Человек, воздействуя на си-

туацию, преобразуя ее, становится действующим объектом.

Наиболее развернутая философско-психологическая концепция человека как субъекта была сформулирована психологом и философом С. Л. Рубинштейном в его трудах «Проблемы общей психологии» (1973) и «Человек и мир» (1997). По Рубинштейну субъект проявляет активность, способность к развитию, самодвижению и самодетерминации. Его последователи А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова и другие отмечают, что подход С. Л. Рубинштейна позволяет сформулировать концепцию деятельности, проявляющую взаимовлияние действующего индивида и ситуации, в которой происходит это действие. «Сложившаяся в психологии структура деятельности (соотношение мотива, цели и т. д.) была скорее ее внутренней, субъективной структурой, несмотря на указание на ее предметный характер. Категория субъекта позволила раскрыть, что деятельность представляет собой способ связи субъективного и объективного. <...> Никогда субъективные мотивы, цели, возможности личности не совпадают с теми требованиями, которые деятельность предъявляет к человеку (деятельность в качестве труда, профессии, занятия и т. д.). Функция субъекта и состоит в разрешении этого противоречия, т. е. в реализации целей, возможностей, притязаний личности в соответствии с объективными условиями профессиональной деятельности (социальными, техническими и т. д.)» [2. С. 39].

Исследователи выделяют три основных группы характеристик человека как действующего субъекта, предопределяющие возможности его персонального влияния на ситуацию: внутреннее индивидуальное активное начало, психологический механизм саморегуляции поведения и внутренние ресурсы.

Внутренне индивидуальное активное начало побуждает человека к деятельности, обуславливает ее направление. Это начало – внутренняя основа самостоятельности индивида. В основе мотивации поведения лежат потребности человека, образующие импульс активности. Как правило, универсальным журналистом становятся вследствие именно этого активного начала. Основными мотивами в этом случае становятся желание стать уникальным, незаменимым работником, успешным профессионалом, возможность увеличения заработка, а также работы в условиях фриланса и других нестандартных практик трудовой занятости.

Даже если предложение или предписание о совмещении профессий направлено от начальства, журналист формулирует индивидуальное начало, опираясь на собственные мотивации. В противном случае универсализации профессии приводит лишь к понижению качества материалов и обострению отношений между работниками и работодателем.

Психологический механизм саморегуляции поведения определяет и направляет жизнедеятельность человека вообще и в данной ситуации в частности. «Напряжение потребностей возникает не как автоматическая (однозначная) реакция человека на воздействие извне, а преломляется через внутренние механизмы его психики. И поведенческий ответ на импульс активности <...> опосредуется психологическими качествами, сформированными у данного человека в процессе его жизнедеятельности» [1. С. 20]. К таким качествам, как правило, относят интересы индивида, его социальные установки, ценности, ментальность. Таким образом, психологический портрет универсального журналиста также имеет свои особенности и складывается из психологических особенностей разнообразных профессий (чаще доминирующей все-таки остается специализация журналиста). Не обладая особым психологическим механизмом саморегуляции, универсальный журналист будет не в состоянии создать качественный продукт, а также будет испытывать психологические дискомфорт от выбранной профессии.

Внутренние ресурсы человека – физические, интеллектуальные и иные способности, знания и т. д. Подобные ресурсы делают возможным преобразование мотивации деятельности в реальное поведение, конкретные действия. Согласно этому условию универсальный журналист должен обладать целым комплексом умений и навыков различных специальностей. К слову, современное журналистское образование включает в себя учебные дисциплины, посвященные основам операторского мастерства, монтажа и т. д. В таком случае выпускники факультетов журналистики могут сформировать представление об автономной тележурналистской деятельности.

Рассмотрим основные ситуационные компоненты деятельности человека, оказывающие влияние на его самостоятельность. Один из важнейших таких компонентов – материальная среда обитания человека. Индивид существует в материальной среде, черпает из нее

ресурсы, воздействует на нее и испытывает ее воздействие. С одной стороны, материальная составляющая жизнедеятельности ограничивает возможности человека, создает для него препятствия. С другой – обеспечивает средствами существования, и человек преобразует материальную среду в ресурсы, в средства воздействия на людей, природу. Таким образом, самостоятельность человека в данном аспекте образуется отсутствием ограничений со стороны внешней среды, а также преобразованием этой среды в доступные для него ресурсы. Так и универсальная журналистика невозможна без наличия определенных ресурсов. Само возникновение данной специальности было обеспечено совершенствованием технических средств: появление нового формата телекамер, меньших по размеру и с более простым управлением, разработка современного программного обеспечения, позволившего воссоздать монтажное оборудование на отдельном персональном компьютере и т. д.

Следующим ситуационным компонентом деятельности индивида является социальная среда в качестве совокупности отношений в обществе в различных сферах (экономической, политической, социальной и т. д.) Такие отношения могут создавать ограничивающую человека зависимость от общества. Эти ограничения могут выражаться в жестких нормах поведения, принятых в обществе в целом или в отдельной социальной группе в частности. С другой стороны, такие социальные отношения (власть, собственность, управление и т. п.) удовлетворяют потребности человека. Для того чтобы отдельный человек мог использовать социальную среду для удовлетворения потребностей, он должен эффективно взаимодействовать с другими членами общества. Следовательно, автономность индивида по отношению к социальной среде предполагает отсутствие ограничивающей зависимости данного человека от других людей, а также эффективное участие индивида в жизни социальных структур, обеспечивающее потребности субъекта деятельности. В данном случае для современного общества универсальный журналист становится незаменимым. В экономическом плане автономный корреспондент будет всегда более привлекательным, чем телевизионная команда. Также универсал оказывается незаменимым при работе в качестве специального корре-

спондента, стрингера и т. д. Таким образом, удовлетворяя свои потребности в полной мере, универсальный журналист становится конкурентоспособным участником рынка СМИ.

Не менее важным ситуационным компонентом деятельности является «культура как совокупность социальных норм, ценностей, смыслов, знаний и технологий деятельности, согласующих и регулирующих поведение членов общества» [1. С. 24]. Соответственно культура может ограничивать деятельность человека сформулированными смыслами, целями и средствами их достижения. Также эти же смыслы и цели могут направлять активность человека, регулировать процесс и достижение результатов деятельности. Самостоятельность человека по отношению к культуре обеспечивается «отсутствием культурных ограничений деятельности этого человека (то есть степенью свободы культурного выбора – ментально-смыслового, ценностного, нормативного, научно-технологического, информационно-коммуникативного), а также освоением им характеристик культуры, обеспечивающих выбор направлений, осуществление процессов и достижение результатов его деятельности в мире» [1. С. 28]. Постигание характеристик культуры (социальных норм, ценностей, технологий деятельности) является обязательной составляющей возникновения универсального журналиста, ведь только в этом случае он сможет анализировать развитие культуры и общества в целом, а значит, и создавать достойный журналистский материал.

На наш взгляд, профессия универсального журналиста – это профессия будущего; при минимуме каких-либо затрат производится качественный материал. Все стремится к оптимизации.

Список литературы

1. Гиллер, Ю. И. Социология самостоятельной личности: монография. М. : Академический проект; Гаудеамус, 2006.
2. Психология индивидуального и группового объекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной. М. : ПЕР СЭ, 2002.
3. Штомпка, П. Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ САЙТОВ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В статье дается обзор немецких Интернет-СМИ: состав рубрик, принципы подачи информации, перспективы развития.

Ключевые слова: Интернет-СМИ, веб-ресурсы.

В традиционной системе массовой информации в последнее время появилось множество новых средств коммуникации, связанных с компьютерными технологиями и непосредственно с Интернетом. Среди них особое место занимают электронные издания, часто представляющие собой аналоги печатных газет и журналов. Несомненным преимуществом такого вида изданий является оперативность подачи новостей и возможность корректировки различных досадных оплошностей – таких, как опечатки, синтаксические и грамматические ошибки. К тому же у читателей, благодаря Интернету появилась возможность обсудить статью, оставить собственное мнение на форуме, открыть дискуссию. Причём подбирается особый круг заинтересованных читателей, из которого формируется сообщество, практически постоянно присутствующее на форуме того или иного издания. Т. е. такие СМИ предлагают более гибкие и индивидуальные формы общения с потребителем, в том числе большую степень интерактивности, двусторонней связи между изданием и читателем.

Наиболее интересными и профессионально оформленными чаще всего являются сайты известных изданий, имеющих богатую историю, сформировавшуюся целевую аудиторию и солидный тираж в реальной жизни. Именно о таких электронных изданиях и пойдёт речь в статье. Если англоязычные издания ещё как-то известны и посещаемы представителями Рунета, с помощью Google-переводчика или без, то без внимания чаще всего остаются известные европейские издания, выпускаемые в таких странах как Германия, Австрия, Нидерланды, Дания и Швеция. Это западногерманское направление, выделенное на основе лингвистической схожести языков, на которых говорят в перечисленных странах. Поэтому речь в настоящей статье пойдёт именно о них, о наиболее известных и популярных электронных газетах и журналах в перечисленных странах.

Являясь наиболее развитой в экономическом плане, а значит, и влиятельной страной Евросоюза, Германия пользуется большим успехом у читателей из России и центральные немецкие издания довольно популярны. Это электронные журналы Spiegel-online, Focus-online, газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung, Berliner Zeitung, Süddeutsche Zeitung. Их названия чаще всего упоминают на форумах, ссылаются на статьи из них. В Австрии наиболее популярными являются следующие электронные издания: Österreich Journal, DerStandard, Kurier, Wiener Zeitung. В Нидерландах чаще всего посещают такие электронные издания как De Telegraaf, De Pers, De Volkskrant, Trouw, NLC Handelsblad. В Дании известны такие издания как Berlingske Tidende, Ekstra Bladet, Politiken. Шведские электронные издания упоминаются довольно редко. Чаще всего это Aftonbladet, Svenska Dagbladet, Tidningen Metro.

В каждом из этих изданий присутствует стандартный набор рубрик: новости внутри страны, зарубежные новости, политика и политико-экономическая аналитика, культура, спорт, криминальные события, а также, что является характерной особенностью изданий в странах с конституционной монархией – светская хроника, сообщающая о значимых событиях в жизни королевской семьи. На странице может присутствовать вкладка колумнистов, общего читательского форума издания.

В названии страницы издания чаще всего перечисляются те рубрики, которые наиболее выгодны с точки зрения пользователей Интернета, т. е. побуждающие к общению, дискуссии, может быть, и полемике. Чаще всего, это упоминание слова «новости» и «мнение». Если сравнить названия сайтов с позиции лингвистики, прослеживается определённое сходство:

В названии сайта голландского издания De Volkskrant (Фольскрант) указано сокращение и домен VK.nl и пояснение «Nieuws en opinie van de Volkskrant» (новости и мнения «Фоль-

кскрант»). Т. е. подчёркивается принадлежность сайта к аналитически ориентированным изданиям, что привлекает соответствующую аудиторию.

В названии сайта датской газеты «Berlinske Tígende» (Берлинскер Тигенде) указана аббревиатура В. Т. и подробно перечислены рубрики: *nyheder*, *kendte*, *sport* (спорт), *krimi* (криминальные новости), *krongelige og politik* (коронованные персоны и политика). В данном случае внимание потенциального читателя акцентируется на новостях, спорте и криминальных новостях, поскольку они занимают первые позиции при перечислении. Далее следуют светская хроника и политика. Подобное расположение рубрик свидетельствует скорее о развлекательной направленности издания, но читатели, интересующиеся «серьёзными вещами» – политикой и светской хроникой, также найдут здесь что-нибудь соответствующее своим интересам.

В названии сайта шведской газеты «Expressen» даётся полное название издания и перечисляются следующие рубрики: *Nyheter*, *Sport*, *Ekonomy*, *Nöje* (новости). Если сравнить рубрику «*Nyheter*» с соответствующей рубрикой «*nyheder*» в датской газете «*Berlinske Tígende*» (Берлинскер Тигенде), то совершенно очевидно практически идентичное написание слов. Причём первая позиция в списке наблюдается как в шведской, так и в датской газете. На последней позиции находится слово «*Nöje*» (новости) в шведской газете, а в датской. Это свидетельствует о том, что данные издания скорее ориентированы, хотя наличие рубрик о политике, зарубежных новостях придает изданию се-

рьёзность в глазах читателей, что увеличивает количество посещений.

Таким образом, наиболее популярными из выделенной западно-германской группы электронных СМИ в Европе являются издания Германии и Австрии. Но если сравнивать названия сайтов и рубрик у рассмотренных СМИ, то наблюдаются общие тенденции в подаче материала, использовании схожих по звучанию и написанию слов, принадлежащих разным языкам, но имеющих общую коммуникационную функцию привлечения к сайту внимания читателей с различными интересами.

Список литературы

1. Ким, М. Н. Технология создания журналистского произведения. СПб., 2001.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Учёнова, В. В. Метод и жанр: диалектика взаимодействия // Методы журналистского творчества. М., 1982.
4. Brockhaus. Die Enzyklopaedie. 20. Auflage. Leipzig-Mannheim, 2000.
5. Buescher, Wolfgang. Vergeilte Triebe IV. Die Krise des Qualitätsjournalismus. Die Reportage taete es gut, wenn sie ein bisschen stuerbe. [текст] // Die Welt. 2002. 28. Juni.
6. GaЯmann, Reinhard; Greiner, Monika. Die Reportage – Ein unterhaltsames und informatives Lese-Erlebnis. URL: www.sowi-online.de/methoden/lexikon/reportage_gassmann.htm.

Е. Б. Футерман

СОВРЕМЕННАЯ ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ДОКУМЕНТАЛИСТИКА: ОСОБЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТСКОГО КОНТЕНТА

В статье исследуется современное наполнение телевизионных документальных телепроектов, формулируется идиома современного журналистского контента, его телевизионные особенности и форматное содержание.

Ключевые слова: документальные телепроекты, телевизионный журналистский контент, телевизионный формат.

Документалистика – старейший вид искусства, который берет свое начало еще с братьев Люмьер. Неигровое кино существует в разных формах. Оно подобно хронике – прямая летопись, документ, публицистика (задачи сродни

журнальной очеркистике), постановка, разбор острейших вопросов на злобу дня, важных для всего общества. Есть ещё лирические, эпические жанры, портреты и пр. Есть научно-популярная и научно-публицистическая об-

ласть. Неигровое кино в массе своей всегда превышает поток игровой. Наконец, есть ещё теледокументалистика, способная глубже разбираться в проблемах личной, интимной жизни современников плюс решать познавательные образовательные задачи. Именно в документальном кино всегда шёл поиск, разработка киноязыка, достижения которого переходили в кино игровое. В документальных жанрах работать сложнее: нет актёра, лишь герои повествования. Именно документалистика предшествовала всегда подъёму игрового кино, насыщая его злободневностью, поисками выразительности, буквально вторгаясь стихией реальной жизни в очерченные постановочно рамками площадки, кадра. О целях и задачах киноискусства лучше всего сказал А. Тарковский: «Кино – запечатлённое время»¹.

Если же говорить о генеральном различии теледокументалистики и кинодокументалистики, то первое есть кино, основанное на слове, а второе – кино, основанное на изображении².

В словаре В. Егоров так формулирует термин «документальное телевидение»: это вид вещания, объединяющий разделы информации, публицистики, научно-популярного вещания, кино- и телехроники и другие неигровые жанры передач и фильмов³.

Документальное кино на телевизионных каналах в последнее время определенно вызывает зрительский интерес. Как показал интернет-опрос на соответствующую тему, около 24 % респондентов хотя бы один раз в месяц, 38 % – хотя бы раз в неделю, а 17 % – почти каждый день смотрят документальные фильмы на ТВ. Наибольшим предпочтением у зрителей пользуются документальные фильмы (37 %) и телепередачи на разные темы (37 %). Около 22 % предпочитают документальные циклы – несколько фильмов на одну тему. В числе образцов качественной кино- и теледокументалистики чаще всего зрители упоминали циклы передач и отдельные авторские программы Л. Парфенова, В. Вулфа, Л. Млечина, Ф. Разумовского, Н. Сванидзе, Э. Радзинского, А. Гордона. Лучшими же образцами документального кино «на все времена» были названы «Обыкновенный фашизм» М. Ромма, «Неизвестная война» Р. Кармена, «Фаренгейт 9/11» М. Мура, «Подводная Одиссея команды Кусто» Ж. Кусто, «Барака» Р. Фрика, «Дух времени» П. Джозефа, «Намедни 1961-2003: Наша Эра» Л. Парфенова, «Вторая Мировая. День за днем» В. Правдюка, «Исторические хроники» Н. Сванидзе⁴.

Так же, по оценкам экспертов РБК ТВ, рейтинги многочисленных телевизионных ток-шоу падают, при этом растет зрительский интерес к документальным фильмам. Однако при росте популярности и увеличении объемов производства качество многих документальных проектов оставляет желать лучшего⁵. По каким законам развивается российская теледокументалистика? Какие жанры наиболее востребованы сегодня? Что нужно, чтобы сделать по-настоящему качественный документальный фильм?

Ответ, как кажется автору данной статьи, сводится к двум идеям: современная телевизионная документалистика должна иметь, во-первых, журналистскую (авторскую) составляющую и, во-вторых, иметь современную организацию и подачу материала. Другими словами: для того, чтобы современная документалистика была востребована на ТВ, необходимо наличие оригинального контента и его (контента) новое технологическое построение.

Сегодня при современном применении доступных и удобных способов получения, отбора и организации (форматировании) информации применяется правило: документальный телепроект будет размещен на центральных каналах ТВ в прайм-тайм, будет скачиваться пользователями Интернета для повторного просмотра, будет покупаться на DVD только в том случае, если имеется журналистское наполнение (контент) и современная подача (формат). Современная форма организации материала подразумевает использование всех приемов: харизматичный автор, интересная личность героя (героев), важное событие, показанное с интересной точки зрения, с применением графики, постановки, с использованием уникальных кадров, стенд-апов, интервью. Это должно быть захватывающее исследование, но в форме инфотеймента. Набор огромного количества фактов из разных источников – первый признак журнализма. Но – без правильной организации материала (современной), притягивающей, захватывающей – нет документальных проектов. Докопроекты должны существовать по законам современного ТВ, а значит быть рейтинговыми в первую очередь. Достичь этого просто – докофильмы, по определению, смотрит наиболее развитая и продвинутая часть телесмотрителей, значит – на них и надо ориентироваться, а не на мидмассы (от слова *средний*). Пример – Леонид Парфенов, чьи проекты «Намедни – наша эра» собирали огромные аудитории не смотря на документальность.

Теледокофильм должен познавательно развлекать, то есть вызывать познавательный интерес, возбуждать работу органов чувств и разума. Сопричастность, а не повествование, не лекция про интересное.

Термин «документалистика» ввел Самарий Зеликин. Современная телевизионная документалистика – не про современную жизнь (т. е. речь не о тематике), а о современных форматах, жанрах, методах, наполнении (контенте)⁶.

Сейчас мы являемся свидетелями того, насколько масштабно явление документалистики, насколько оно развито в нашей стране и в мире, как документалистика становится главной составляющей того диалога, который ведет с обществом телевидение. В России ежегодно для телевидения делается более 2000 часов документальной продукции. Количественные показатели с однозначностью говорят об успехе. Но количество не единственное «доказательство жизни». Более важное – способность к развитию. Развитие киноискусства происходит вне конвейера, вне основного потока. Развитие обеспечивается индивидуальностью. Оно плод художественного подвижничества. Неигровой кинематограф обращается не к массам, а к индивидуальностям, ставит перед собой художественные задачи и развивает язык документального кино – тот язык, на котором заговорит и массовая документалистика будущего. Из неигрового арт-кино выросли и будут вырастать все телеформаты будущего. «Мы уверены, – написано в манифесте теледокументалистов, – от документального киноискусства зависит будущее телевидения и прочих медиа форматов, еще не известных человечеству»⁷.

Подчеркнем еще раз: чтобы документальное кино на ТВ (читай – документальный телевизионный проект) стало успешным и его поставили в прайм-тайм, посмотрело большинство зрителей и оно имел высокий рейтинг, необходимо соблюсти как минимум два условия. Первое: должна быть современная журналистская составляющая (не хроника, начитанная трагичным голосом, не непроверенная желтизна, не тематическая спекуляция): факты, основанные на документах и поданные в стиле инфотейнмент с детализацией и прорисовкой мелких человеческих черт и повседневных характеров. И второе – все это должно быть облечено в современный формат – с постановками, реконструкцией, интересными стенд-апами, расследованиями, роуд-муви, графикой, может, даже художественной актерской игрой и приемами

клипового монтажа. Одно без другого существовать не может. Чтобы получился успешный документальный проект, должно быть именно *сочетание* двух составляющих. «Провиснет» что-то одно – не будет попадания в «десятку».

Однако, телевизионное понятие «формат-неформат», прочно вошедшее в обиход телевизионщиков-практиков, никак не хочет быть признано телевизионщиками-теоретиками. Впервые о понятии «формат» заговорила Галина Лазутина. По ее определению, формат – это совокупность признаков массового информационного продукта; способ коммуникативной деятельности СМИ; совокупность журналистских технологий, редакционных стандартов и жанровых форм⁸.

Доцент Т. И. Фролова на семинаре «Динамика жанров и форматов» МГУ обозначила: «...перед нами стояла достаточно конкретная и прагматичная задача: оценка удачных современных форматов на телевидении, не отличающемся, как мы знаем, глубиной контента, поиск таких форм, которые были бы современны и желанны для аудитории, но при этом оставляли бы резервы для размещения актуальных смыслов – «сосудов», которые бы вызвали желание попробовать содержимое и остаться в живых»⁹.

Причины актуализации понятия, связанного, в частности, с фрагментацией аудитории, с различием интересов аудиторных групп, с возможностью и необходимостью упаковки контента, с бытием СМИ как отрасли экономики, т. е. с медиаиндустрией в целом – это так же важно, как и смысловые нюансы, как стилистические особенности текстов, зримо воплощающие различия между форматами. Образующие формат факторы «живут» не только на текстовом уровне, но и, видимо, на всех уровнях и этапах медиапроизводства.

Формат (от лат. *formato* – придаю форму) – способ презентации продукта журналистской деятельности в тех его особенностях и характеристиках, которые ориентированы на коммерческий успех и определяются вкусами массовой аудитории. Подобно «бестселлеру» в литературе или «блокбастеру» в кинематографе, формат на ТВ отражает экономическую составляющую журналистской работы, внешнюю по отношению к ней, но оказывающую решительное влияние на ее внутреннюю природу¹⁰.

Суммируя сказанное, опираясь на Г. Лазутину, можно заключить, что понятие «формат» в настоящий период выступает в качестве меры

соответствия какого-либо информационного продукта ключевым признакам той совокупности продуктов, с которой он соотносится. Поэтому и возможно использовать это понятие как инструмент, позволяющий оптимизировать структуру массовых информационных потоков, реализуя ту или иную коммуникативную стратегию.

Сегодня тенденции в телевизионных документальных проектах таковы: уравновесить, свести воедино коммерческий интерес, законы жанра, весы Фемиды и суд совести. Решение тут одно – выстраивая формат, ориентироваться на лучшее в зрителе, а не на худшее, не опускать его, а поднимать. И тогда будут чаще прорываться на телеэкраны и полосы газет «высокие» жанры вроде показанного с подачи Сергея Шумакова на канале «Россия» документального фильма Олега Дормана «Подстрочник», от которого отказалась даже «Культура», поскольку ее тогдашние руководители не верили, что такой фильм будет интересен аудитории. «Проталкивал» «Подстрочник» на экран Леонид Парфенов, который никогда не встраивался в формат, он эти форматы задавал, сам стал «форматом» современной телевизионной документалистики. И поэтому Константин Эрнст с удовольствием ставит документальные проекты Парфенова на Первом в прайм. Его последние работы: «Птица-Гоголь», «Хребет России», «Зворыкин-Муромец» полностью оправдали все ожидания канала-вещателя. В промежутке был фильм к юбилею газеты Коммерсант «С твердым знаком на конце». Везде – новые приемы и технологии, неизменная стильная узнаваемость (форматный признак), фирменный стиль. Проекты Парфенова – это познавательно-развлекательные жанры (инфотейнмент).

С точки зрения массового одновременно доступа к аудитории, ТВ несопоставимо с другими медиа. С другой стороны, для аудитории телевидение предлагает принципиально иные содержательные продукты. Не случайно именно телевидение дало рождение новым синтетическим типам содержания – *инфотейнменту*, *политейнменту*, *бизнесейнменту* (*infotainment* от англ. *information* – информация и *entertainment* – развлечение, аналогично: *politainment* от англ. *politics* – политика, *businessainment* от англ. *business* – бизнес). Смешанная в различных пропорциях серьезная информация о политике, экономике и развлечениях стала основой большинства телевизион-

ных жанров для прайм-тайм, в том числе и для документальных проектов¹¹.

Сам термин «контент» утвердился в употреблении благодаря Интернету. Контент (англ. *content* – содержимое) – любое информационно значимое наполнение информационного ресурса – тексты, графика, мультимедиа – вся информация, которую пользователь может загрузить на диск компьютера с соблюдением соответствующих законностей, как правило, только для личного пользования.

Вывод: самые передовые и острые приемы современности – как по контенту, так и по формату – опробует в первую очередь телевизионная документалистика, демонстрируя проявления как журналистского мастерства, так и чудеса современной технологической революции, образность языка и площадку для дискуссий и являясь смещением как информации, так и художественности. Не вся «документалка» идет в прайм на Первом, а лишь только тогда, когда продюсеры уверены, что будет рейтинг. А рейтинг документальная линейка в 22–30 может заработать, только если будет использовать современные методы подачи информации, одевать ее в нужную форму. Пожалуй, самым наглядным примером такого «самостояния» и форматной самостийности (исключительности) может являться Леонид Парфенов. В последние годы можно проследить его возрождение из пепла: несколько многосерийных документальных проектов в год и все в прайм на Первом. Плюс книги, которые тоже можно назвать документалистикой нового формата.

22 декабря 2009 г. портал Вести.Ru обнародовал итоги опроса «Самый влиятельный интеллект России», организованного в Рунете порталом Openspace.ru. В голосовании участвовало более 40 000 человек. В первую десятку рейтинга вошли писатель Виктор Пелевин, журналист и блогер Даниил Шеповалов, телеведущий Леонид Парфенов, политик и публицист Михаил Ходорковский, публицист и блогер Константин Крылов, Патриарх Кирилл, учёный и телеведущий Сергей Капица¹².

Таким образом, небезосновательно будем считать Парфенова влиятельным журналистом и на его примере рассмотрим заявленную проблему. Каковы же особенности современного журналистского контента в теледокументалистике – как самом передовом, гибком и подверженном структурным изменениям (оправдать прайм, борьба с художественными фильмами, «псевдодокументальными» программами типа

«Ты не поверишь» и «Последний герой») из журналистских информационных жанров?

Если говорить о журналистике, то это особый синтаксис и внутренний ритм повествования, яркий стиль автора-журналиста, а не диктора или конференсье, природный артистизм и чувство меры, особое чувство экрана и камеры, стенд-апы в движении (персонификация), без которых сегодня совсем нельзя, даже в новостях, тонкая ирония, разновеликие (на первый взгляд) факты: Зворыкин создал телевидение, а у себя на даче однажды провалился под лед. Должно быть восприятие, должен быть монтаж, внутренний ритм. Сам Парфенов так говорит о журналистской составляющей документальных телевизионных проектов: «Комментарий в телевизионном документальном фильме – это журналистика. Именно в документальном. И когда перед тобой такая вот задача: средствами телевидения передать журналистику про то, как Гоголь жил в Риме, тогда элементы артистизма требуются для правильного произнесения комментария в кадре. Это как пример задачи: это просто адекватное поведение в кадре, если ты хочешь, чтобы такими средствами была восстановлена документальная журналистская вполне основа и это не игра»¹³.

Если говорить про формат, то это современные графические заставки, как в «Хребте России», где графическая картина деревень времен Ермака выполнена как будто на каменной глыбе, которая трескается с характерным звуком и создает эффект присутствия той «каменной» эпохи. Реконструкция, как в «Птице-Гоголь», где под руками журналиста возникают и стол, и комод, где по улицам летает призрак Гоголя. Это специально написанные саунд-треки, завораживающе погружающие зрителя в то время, создающие тактильный контакт, эманацию места. Динамичный, с элементами клиповости монтаж, прорисовка деталей, акценты на личности и героев, а не на «достижениях в труде».

Сначала казалось непривычно: словно уравнивая, перечисляются: полет Гагарина, танец

твист, Карибский кризис, туфли на шпильках, кастрюля-сковорода... Но потом смотришь и понимаешь: да, жизнь так и идет – сплошным потоком, мешая быт с политикой, а музыку с войной.

Примечания

¹ Баша, В. Жить по совести. Интервью с Андреем Можайевым. URL : <http://www.proza.ru/2007/07/18-335>.

² Матизен, В. От «Миража» до «Пассажирки». На кинофестивале «Окно в Европу» раздали награды. URL : <http://news.samaratoday.ru/news/150628/>.

³ Егоров, В. Терминологический словарь телевидения: основные понятия и комментарии : словарь. М. : Изд-во: Ин-т повыш. квалификации работников телевидения и радиовещания. 1997. 322 с.

⁴ Иванов, А. Документальное кино. URL : <http://www.faraa.ru/publ/7-1-0-238>.

⁵ Левченко, А. Сфера интересов. URL : <http://www.rbctv.ru/schedule/index>.

⁶ Федосеев, В. На 77-м году жизни скончался Самарий Зеликин. URL : <http://www.kinodocument.ru/tag/novosti/page/2/>.

⁷ Дондурей, Д. Манифест фестиваля. URL : <http://www.artdocfest.ru/Manifest/index>.

⁸ Лазутина, Г. В. Терминологическая дискуссия как экспертиза профессионального сознания и путь к конвенции. URL : <http://mediascope.ru/node/520>.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Варганова, Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран : учеб. пособие. М. : Изд-во Аспект Пресс, 2003. 462 с.

¹² Баранов, А. Леониду Парфенову – 50. URL : <http://www.vesti.ru/search.html?q>.

¹³ Берман, Б. На ночь глядя / Б. Берман, И. Жендапев. URL : <http://www.1tv.ru/sp/si=5711&im=21>.

НОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В статье анализируются примеры лексических заимствований из других языков и формирование новых значений у исконно русских слов в разных СМИ.

Ключевые слова: СМИ, слово, лексическое значение, стиль и сфера употребления слова, полисемия, омонимия.

Лексический состав языка – самый подвижный, зависимый от потребностей общества в обозначении новых реалий. Многожанровость современных СМИ позволяет быстро отреагировать на появление нового явления. Первичное употребление нового слова или нового значения у освоенного слова отмечается преимущественно в передачах радио, на телевидении – в выступлениях деятелей различного ранга, в жанрах интервью, ток-шоу и других устных формах. Вслед за ними появляются подобные примеры в печатных СМИ. Материал для данной работы выбран из разных жанров радио («Эхо Москвы», «Радио России», «Свобода», «Южный Урал»), нескольких каналов телевидения и печатных изданий («Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Новая газета», «Челябинский рабочий», «Итоги») с января 2008 по февраль 2010 года. Лексические значения слов, освоенных русским языком, приводятся по авторитетному источнику [1].

Иноязычные заимствования, большинство которых пока не вошло в толковые словари, относятся преимущественно к сфере информационных технологий и к общественно-политической жизни страны. История заимствования, их включение в систему лексики, продолжительность активной жизни – всё это зависит от необходимости обозначаемой реалии в жизни носителей языка.

Техническая терминология очень быстро входит в широкое употребление носителей языка, для которых необходим обозначаемый предмет, а также в связи с расширением компьютерной связи: *домен, промоутер, онлайн, флэшмоб* и многие другие.

Небольшое количество иноязычных слов имеют короткую, но бурную историю существования. Например, *валоризация* – «денежное повышение оценки пенсионных прав», что в переводе с официально-делового стиля

обозначает «увеличение пенсии с учётом “советского” стажа»: для разовой кампании государства этот термин ненадолго стал массово употребляемым – сначала в речах руководителей государства, затем в материалах всех СМИ, вплоть до рекламных баннеров города (подобную историю имел термин приватизации *ваучер*).

Более долгую историю существования имеют заимствования, не имеющие лексических параллелей в русском языке. Например, *омбулсмен* – «уполномоченный по правам человека»: «*Кто важнее для школы – психолог или омбулсмен?*» (*Эхо Москвы. 2010. 14 февраля*) Назначение на эту должность известных людей отразилось в новых словосочетаниях, с плеоназмом *по правам*, входящим в содержание иноязычного слова: *омбулсмен по правам ребёнка, омбулсмен по правам ребёнка в Москве*.

Сложившаяся сегодня ситуация с двумя руководителями нашего государства вызвала к жизни политические термины о форме правления: *дуомвират* и новое, омонимичное, значение, спортивного термина *тандем* «два лица, сообща занимающихся какой-либо деятельностью». Пока будет сохраняться положение двоевластия – эти слова в общественно-политической лексике сохранятся как активные.

Продолжительность жизни профессионализмов, всё чаще пополняемых за счёт единиц других лексических пластов, трудно предвидеть на начальных этапах их заимствования. Одни слова постепенно, другие сразу входят в активное употребление отдельных профессиональных групп, иногда оставаясь на правах жаргонизма. Так, активно употребляются как юридический термин *новелла* в значении «статья закона в кодексе (уголовном, административном) с описанием правонарушения», *фабу-*

ла «документ с описанием правонарушения»: «*Слушайте, я получила [в отделении милиции – А. С.] вашу **фабулу***» (Эхо Москвы. 2009. 23 ноября). Получило распространение как экономический термин слово *интервенция* «денежные средства, вложения»: «*Интервенции в молочную отрасль начнутся в 2010 году*» (Эхо Москвы. 2009. 9 октября).

В общественно-политическую лексику прочно вошли существительные *пейзаж* «место, территория каких-либо действий, событий»: «*Это дело [Г. Гонгадзе. – А. С.] стало заметным на фоне украинского политического **пейзажа***» (Свобода. 2009. 29 января); а также *парадигма* «условия, обстоятельства развития чего-либо»: «*Советская **парадигма** состояла в другом: будет полезная среда – и можно воспитать советского передового человека*» (Эхо Москвы. 2009. 30 августа), «*Оранжевая революция в Украине построила **парадигму**, поставила рамки, в которых возможна только демократическая система*» (Свобода. 2010. 18 января), «*«Предприятия живут в новой **парадигме**: у них не меняется положение к худшему»* (Эхо Москвы. 2009. 22 декабря), «*Он [Н. Хрущёв. – А. С.] мыслил в рамках **парадигмы** украинского вождя*» (Эхо Москвы. 2010. 10 января), «*Трудно ждать от одной встречи [Д. Медведева и Б. Обамы. – А. С.] изменения **парадигмы** в отношениях двух стран*» (Свобода. 2009. 7 июля).

В спортивную журналистику вошли слова *сегмент* «часть, этап соревнований», *паркет* «место проведения соревнований»: «*Гонимые выходят во второй **сегмент** гонки*» (Эхо Москвы. 2009. 13 марта), «*Футболисты выиграли на своём **паркете***» (Эхо Москвы. 2009. 27 ноября), «*Олимпиадос на домашнем **паркете** обыграл соперников*» (Эхо Москвы. 2009. 11 декабря).

В профессиональной речи образуются новые обозначения по устойчивым языковым моделям: *премиант* – от *премия* (ср.: *дипломант* – от *диплом*): «*На последней странице мы публикуем фотографии **премиантов**, которые получили премии за свои публикации в нашем журнале*» (из выступления редактора издания на «Эхе Москвы». 2009. 20 декабря).

Некоторые заимствованные слова и производные от них единицы пока не признаны системой языка как самостоятельные номинации, они существуют как избыточные обозначения каких-либо новых явлений в профессиональной сфере: *мувер* – «коммерческий перевоз-

чик», *мувинг* – «услуги по перевозке коммерческих грузов»; *формула* – «законное основание, условия какого-либо действия»: «*Я не могу сказать, по какой **формуле** будет передаваться Музей Б. Окуджавы. Но эта **формула** должна быть правовой*» (из выступления работника Министерства культуры на «Эхе Москвы». 2010. 26 января).

Оправданно ли и перспективно широкое употребление в современных СМИ названных выше существительных, а также таких, как *тренд* «направление развития», *месседж* «суть, основа происходящего, описываемого», – на этот вопрос скорее всего ответит время. Кстати, второе существительное имеет два написания, что свидетельствует о его недостаточной освоенности в лексической системе: «*Месседж, как сейчас принято говорить, в следующем <...>*» (Аргументы и факты. 2009. № 40), «*В романе есть и серьёзный социальный **месседж**, и глубокие философские размышления*»... (Челябинский рабочий. 2010. 23 января).

Существительное *формат*, обозначающее размеры чего-либо [1. Т. 4. С. 576]), и образованное от него прилагательное *форматный* сформировали в профессиональных жаргонах новые значения. В официально-деловой речи дипломатов, политиков *формат* обозначает «определённые условия»: «*Нужно вернуть украино-российский отношения в дружественный **формат***» (из выступления В. Януковича на «Эхе Москвы». 2010. 13 февраля). В речи работников радио, телевидения и тех, кто с ними связан, от этих слов образованы новые слова с приставкой *не*: *формат* и *неформат*, которые имеют антонимичные значения – «что-либо, соответствующее / не соответствующее чьим-либо, каким-либо требованиям», *форматный*, *неформатный* «соответствующий / несоответствующий требованиям»: *песня, фильм, сценарий*.

От давно освоенного существительного *статус* «положение в обществе, закреплённое юридически» в городском просторечии и в жаргонах образовано прилагательное *статусный* – «престижный, особый, важный», в котором ядерной стала сема «избранный, выделяющийся»: *статусное мероприятие, статусная встреча, статусное знакомство, статусный фильм* и т. п. Это значение встречается в сообщениях о важных государственных мероприятиях: «*В Красноярске откроется самый **статусный** форум*» (Эхо Москвы. 2010. 12 февраля). В речи модельеров и журналистов,

пишущих о моде, формируется ещё одно значение «опытный, занимающий особое положение», у которого есть мотивирующая связь с исходным существительным: «Такие платья носят не только молоденькие модели, но и статусные “серебрянки”» (в примере на «Эхе Москвы». 2010. 4 января «серебрянками» названы немолодые модели).

Закрепление новых значений у хорошо освоенных русских слов перспективно, они закрепляются в лексической системе, формируя многозначные слова. Например: у родственных слов *линия*, *линейка* «прямая полоса, черта на какой-либо поверхности» сформировалось переносное значение «модель, разряд, группа каких-л. предметов», прямое и переносное значения объединены понятием «предметы, имеющие общие характеристики, признаки». Наиболее частотным становится второе слово: «Австралийская компания создала **линию** мужского нижнего белья, на 27 % состоящая из волокон бананового дерева» (Аргументы и факты. 2010. № 8.), «Работает новая **линейка** твёрдых сыров» (Эхо Москвы. 2010. 10 февраля), «<...> **Линейка** новых российских вин» (Эхо Москвы. 2010. 7 февраля), «На канале [ДТВ. – А. С.] появится юмористическая **линейка**» (Эхо Москвы. 2010. 24 января).

Активной базой для формирования новых значений и новых слов является система разговорной речи. Вполне объяснима причина замены словосочетания одной лексемой, это активный процесс в разговорной речи. Например: у словосочетаний *цифровая аппаратура*, *цифровая кинокамера* и подобных есть разговорный эквивалент *цифра*, так как это слово по закону экономии вбирает в себя всё, что связано с *цифровыми* технологиями: «Россию ждёт “**цифра**”» – ответ на вопрос читателя «Когда *цифровые* [выделено нами. – А. С.] технологии появятся у всех?» в газете «Аргументы и факты. 2009. № 31».

В разговорной речи формируются новые, омонимичные слова, мотивированные одним производящим словом. Например, два слова

мотивируются одним глаголом *уклоняться* (от чего) – *уклонист* «человек, не желающий служить в армии», *уклонист* «человек, не платящий алименты своим детям»: «Налоговая служба придумала новый метод борьбы с **уклонистами**: на дорогах ДПС пробивает номера всех машин» (Эхо Москвы. 2009. 30 октября).

Формирование новых значений у лексических единиц языка обусловлено несколькими факторами:

- степенью семантической и грамматической освоенности этих слов – чем быстрее осваивается слово, тем активнее оно формирует новые значения и становится многозначным;

- новые значения закрепляются быстрее, если слово способно вступать в системные отношения (синонимические, омонимические, антонимические) с другими словами русского языка;

- новые значения слова обнаруживаются в его специфической, собственной сочетаемости с контекстом, отграничивая его от исходных, производящих значений слова;

- слово с новым значением изменяет свою стилистическую принадлежность, закрепляясь в другой стилевой системе: исходное значение принадлежит к книжной лексике, производное значение – к общеупотребительной, разговорной или жаргонной лексике;

- новые значения обнаруживаются прежде всего в устных формах речи и фиксируются журналистами и их собеседниками на радио и телевидении, затем их используют печатные СМИ.

Список литературы

1. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981–1984.
2. Соловьёв, Н. Ф. Словарь правильной русской речи. М. : Астрель, 2008. 847 с.

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И КРИТИКИ

Е. Ю. Панова

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА З. Н. ГИППИУС В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются особенности обращения к творчеству З. Н. Гиппиус в современной культуре, которая ориентирована на поиск так называемых «икон стиля» не только в современности, но и в исторической перспективе.

Ключевые слова: З. Н. Гиппиус, современная культура, рецепция, стиль.

Зинаида Гиппиус – писатель, поэт, критик, законодатель литературной «моды» дореволюционного Петербурга – по праву может считаться одной из самых оригинальных женщин литературного Олимпа (и, может быть, не только в рамках эпохи Серебряного века). Сейчас бы ее назвали «публичным человеком», «медийной персоной» – настолько мощным и индивидуально-непредсказуемым был ее голос в полемике мнений и калейдоскопе «творимых легенд» рубежа XIX–XX веков. Современная ситуация отличается поиском «особых», культовых фигур в истории, своего рода «икон стиля». Да, безусловно, ряд имен (женских) открывают Анна Ахматова, Марина Цветаева, но имя Гиппиус должно было занять в нем свое законное место, если бы не причины идеологического, политического плана, связанные с эмиграцией и крайне непримиримой позицией по отношению к «Совдепии-Большевизии». Тем знаменательнее обращение к имени «декадентской мадонны» в современном глянцево-модном журнале. Так, в июльско-августовском номере журнала «Generation Эгоист» за 2008 год появилась статья Романа Багдасарова с тенденциозным названием «Императрица декаданса»¹. Безусловно, в статье много преувеличений и вполне предсказуемых поворотов, утверждений и «ярлыков», ставших штампами в отношении З. Н. Гиппиус, но все это говорит о стремлении создать, а не воссоздать нужный автору (шире – культурному запросу общества) образ если не кумира, то «персоны стиля». А потому и к мужу [Мережковскому. – Е. П.] чувство обязательно «любви-ненависти» с упоминанием не совсем традиционных супружеских отношений, и сама Гиппиус – «мечущаяся, ловящая духов эпохи»², ее женственность – «синтез хлыстовской богородицы с ужимками пажа при дворе Людовика XIV <...> Гиппиус была девой в квадрате, а женщиной в минусе»³, и,

наконец, апофеоз авторской оценки в статье: «Две медведицы в одной берлоге не живут»⁴, – об односторонне неприязненных отношениях императрицы России и «императрицы декаданса». За этими преувеличениями удивительно верно, однако, вырисовывается образ самой Гиппиус, склонной к эпатажу, акцентации, порой весьма назойливой, наряду с глубокими символическим подтекстом, стремлению «договорить», «довыразить» идею до конца.

Мысль о востребованности творчества данного автора, возможно, является преувеличением, но очевиден «поворот» современного «культурного запроса» к забытым оригинальным художественным мирам, в частности, к миру представлений (философско-религиозно-личностным) З. Гиппиус. Свидетельство тому упоминаемая в вышеприведенной статье театральная постановка «Адажиетто» по мотивам рассказов Гиппиус «Мисс Май» и «Suor Maria».

Расскажем немного о специфике этой постановки. Официальная премьера состоялась 6 октября 2007 года в Париже, в театре Пьера Кардена, в России премьера прошла 22 сентября 2008 года, в Театральном центре «На Страстном». Инсценировка, постановка, пластическая, световая и звуковая партитуры выполнены Ксенией Маршанской. Ксения Маршанская – московская танцовщица и постановщик. Она дебютировала в качестве режиссера в 2000 году драматическим спектаклем «Любили вы Брамса?» по одноименному бестселлеру Франсуазы Саган. Спектакль был назван критикой «самой стильной постановкой сезона», театральная же общественность признала режиссерский дебют Ксении «рождением нового, ни на кого не похожего театрального языка, называемого не иначе, как Marchanskaya-style»⁵.

Во всех своих работах Ксения выступает не только в качестве постановщика, но и автора

инсценировки, пластической, музыкальной, световой партитур, а также художника по костюмам.

Как было указано в программке к спектаклю: «Строгое, серо-черное пространство сцены заполняют три изысканные фигуры, расположенные в столь изысканных мизансценах, что возникает впечатление от пролистывания дорогого, стильного альбома»⁵. Очевидный неслучайный стилистический повтор позволяет предположить и целевую аудиторию спектакля – вся изысканная публика столицы, которая просто не может пропустить театральное действо стильного молодого режиссера.

Это совершенно особый, ни на что не похожий драматический спектакль. Французские театральные продюсеры навали его «эксклюзивным» и организовали ему дебют на сцене престижного театра Пьера Кардена в Париже. Очередь желающих попасть на «Адажиетто» в день премьеры выстроилась 100 метров, из-за чего спектакль был задержан на 45 минут. На следующий после премьеры день парижские журналисты назвали спектакль «инновационным», «с огромным будущим», «рождением нового театрального стиля». «Адажиетто» Ксении Маршанской очень необычен по форме и визуальному ряду. На сцене нет ни одной декорации, ни одного предмета реквизита. Мужчина и две женщины как два возможных пути развития его духовного «я». Какой выбор мужчина сделает? В сторону Повседневности или Любви? Спектакль не перегружен текстом. Построенный как один большой монолог – воспоминание главного героя Андрея (этапная роль известного московского актера Анатолия Смирнина, звезды телесериалов «Две судьбы», «Золотые парни», х/ф «Дом солнца»), «Адажиетто» органично соединяет в себе элементы как современного, так и классического танца, не уступающие по своей выразительности словам. Женские, пластические, роли исполняют танцовщицы – солистка балета Большого театра Мария Володина (Май) и Анастасия Коваленко (Катя). «Это непозволительно красивый и очень самодостаточный спектакль. С красивыми мизансценами, красивыми актерами. И очень красивым, емким, точным литературным текстом, впервые открывающим московской публике талант выдающейся русской писательницы Серебряного века, властительницы дум петербургской молодежи рубежа веков, “декадентской мадонны”, “сильфиды” Зинаиды Гиппиус»⁵. Вот так был оценен спектакль по

рассказам З. Н. Гиппиус: режиссер стильный, спектакль – стильный, многозначный в своей простоте, свободный от текста, наполненный движением и цветом, полностью соответствующий «стильной», не до конца понятной современникам и потомкам художественной и личностной парадигме З. Н. Гиппиус.

Интересным представляется вопрос, почему же именно эти рассказы привлекли внимание молодого современного художника. Рассказы представляют диалогию, они были опубликованы в 1895 и 1905 годах соответственно (в сб. «Новые люди» (1896) и «Алый меч» (1906)). Первый сборник познакомил современников с «прозой поэта» З. Н. Гиппиус, и здесь само название предполагает некую тенденциозность и идейную «предзаданность», отличавшую всю прозу Гиппиус в целом. Второй – наверное, самый «символический», цельный, но сохраняющий ту же схематичность в обрисовке конфликта, в предсказуемости поведенческих реакций персонажей. По мнению Е. М. Криволаповой, рассказы «Мисс Май» и «Suor Maria» объединены «вечным нездешней радостью»⁶. Возможно, писательница сама ощущала «надмирность» такой любви, ее неосуществимость, осознавала несбыточность своих упований. Тем не менее Гиппиус в своих произведениях утверждает ту любовь, которая, говоря словами В. Соловьева, должна быть, и отвергает ту, которая бывает. Не случайно, что выразительницей своих идей, воплощением того, что наперекор всему должно быть, Гиппиус делает не русскую девушку, а иностранку (Мисс Май): представленная ею любовь, вознесенная над рутинным бытом и повседневностью, которые неизбежно ассоциируются с русской жизнью, действительно, выглядит инако.

Очень четко организована образная система и пространственно-временная организация – по принципу «распадения» на два мира, на реальность и мечту, должное и сущее. В «Мисс Май» это жара и полдень, связывающиеся и «дремотой» того мира, в который обещает погрузить Андрея женитьба на Кате, и, напротив, вечер и прохлада как символ недосказанности вечерних теней, вечной неготовности той любви, о которой мечтают утонченные, искреннее и тонко чувствующие души, и одновременно некой холодности и непонятности Мисс Май и Андреем (несмотря на возникающую между ними симпатией), и всем обществом. И такая прозрачная, четко организованная и выдержанная антиномия сохраняется и в рассказе «Suor

María», где действие переносится на курорт. Уже повзрослевшие герои, но коллизия та же: душный быт, теперь дополняющийся образами детей как знака отсутствия свободы (здесь, кстати, стоит отметить, что образ детства и детей для Гиппиус неоднозначен: с одной стороны, символ быта, с другой – признание и восхищение инаковым, детским сознанием, чистым и открытым для восприятия любых идей, и даже столь близких ей метафизическим), и противопоставлена этому по-прежнему Мисс Май, теперь сестра Мария, все так же обещающая Андрею новую жизнь, новую любовь, доселе ему неведомую. Финал рассказа, правда, не решает коллизию, но как бы обещает продолжение: Андрей уезжает в Россию, но сестра Мария обещает ему, что обязательно будет новая встреча, будет новая жизнь.

Близкая не только Гиппиус, но и многим другим декадентам проблема примирения дисгармоничных начал (или признания их фатальной непримиримости) составляет ключевой идеологический момент рассказов. Но в то же время ряд исследователей усматривает и прямо биографический контекст этих художественных текстов. Так, Д. Томсон склонен видеть в этих рассказах «предвестие» и художественное воплощение заветной для Гиппиус идеи андрогинности, принципиальной «инаковости» некоторых людей, ситуацию поиска снятия мучительных противоречий. В раннем рассказе «Мисс Май» предвосхищаются главные черты истории Гиппиус и Овербек, духовно и плотски неоднозначной. Катя отмечена стереотипными женскими чертами, но Мисс Май и Андрей представлены как двуполые или бесполое. Мисс Май, как почти все любимые героини Гиппиус, – высокая и тонкая: она напоминает герою бесполого серафима, во внешности Андрея Николаевича подчеркивается отсутствие brutality и некая женственность в чертах лица, да и характер его лишен жесткости и волевых черт (в отличие от «домовитой» Кати, способной к ведению хозяйства на интуитивном уровне).

При чтении этого рассказа сначала не приходит в голову искать в нем автобиографического подтекста. Однако в свете дальнейшего развития этой системы в творчестве Гиппиус рассказ не будет восприниматься столь прямолинейно. Можно заметить также, что после разрыва с Овербек Гиппиус написала «Suor María» (1904), продолжение раннего рассказа «Мисс Май». Действие происходит в Италии, в тех же местах, что и встречи Гиппиус с Овербек.

Итак, очевидно стремление «приоткрыть» художественный мир З. Н. Гиппиус современному зрителю, читателю, может быть, даже обывателю. И очень важно предположить причины такого поворота и его механизмы. Частично о причинах мы рассуждали в начале статьи, говоря о стремлении найти персону, приближенную к современному пониманию «иконы стиля», а шире, возможно, исторически продлить «стильность» как качество эпохи, возможно, уникальных эпох переходного, кризисного периода, каковыми и является практически любой рубеж веков. Ключевым и объединяющим словом становится понятие отнюдь не стиля как сугубо индивидуальной характеристики, а стилиности, то есть качества, признаваемого таковым неким обществом, порой весьма неопределенным. И тогда любой «невнятный» культурный текст (в том числе и жизнеописание исторической персоны) может признаваться подходящим под знак «стильности». В случае с Гиппиус, на наш взгляд, изначальное стремление «массовизировать» феномен ее личности и творчества в настоящее время с помощью использования традиционных в этом случае приемов (например, сообщения скандальных анекдотов, упоминания широко известных эпатажных выходов, создания мифа, а не реконструкции образа и т. д.) столкнулось с явлением действительной неординарности писательницы, уникальным внутриличностным стержнем, той линией «жизнеповедения», при которой «стиль – это человек», и это органично, неразрывно и естественно. Иными словами, обращение к творчеству З. Н. Гиппиус в том виде, каком мы наблюдаем его сейчас, носит, скорее, все же, элитарный характер, постулируя идею некой «недоступности» и «недопонятости» для всех, несмотря на «глянцевый» формат статьи о «Сильфиде» Серебряного века.

Примечания

¹ Багдасаров, Р. Императрица декаданса // *Generation Эгоист*. 2008. № 7–8 (83–84). С. 183–189.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 188.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ URL : <http://www.homepage.ru/events/201304-adazhietto-v-teatralnom-tsentre-na-strastnom>.

⁶ Криволапова, Е. М. «Преодолеть без утешения» : Зинаида Гиппиус и ее время. Орел, 2006. С. 143.

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ «НЕВОЛЬНИЧЬЕГО ПОВЕСТВОВАНИЯ»
И «ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЖИЗНИ ФРЕДЕРИКА ДУГЛАСА, АМЕРИКАНСКОГО
НЕВОЛЬНИКА. НАПИСАНО ИМ САМИМ» ФРЕДЕРИКА ДУГЛАСА (1845)**

В статье анализируется лучшее произведение жанра «невольничье повествование» (*slave narrative*) – «Повествование о жизни Фредерика Дугласа, американского невольника. Написано им самим» Ф. Дугласа (1845) – в сопоставлении с произведениями его предшественников из XVIII – начала XIX веков и современников и выявляется новаторство книги Ф. Дугласа.

Ключевые слова: жанр, «невольничье повествование», документальный жанр, публицистический жанр, художественно-публицистический жанр, автобиография, афро-американский фольклор, Фредерик Дуглас, Олауда Эквиано, Бенджамин Франклин, проблема выбора, грамотность, свобода, идентификация.

«Повествование о жизни Фредерика Дугласа, американского невольника. Написано им самим» Ф. Дугласа (*Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself*, 1845)¹ создано по уже сформировавшимся к 40-м годам XIX века законам жанра, и вместе с тем оно глубоко новаторское, obrazовавшее новые традиции, являющееся лучшим образцом «невольничье повествования» как художественно-публицистического жанра, а потому обеспечившее внимание читателей к другим *slave narratives*.

Главный и достойный образец, на который, по-видимому, ориентировался Ф. Дуглас, – это книга О. Эквиано «Увлекательное повествование о жизни Олауда Эквиано, или Густава Вазы, африканца. Написано им самим» (*Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself*, 1789)², о чем свидетельствуют заглавие, темы грамотности, свободы, религии, разоблачение рабства и расизма, установка на документальность и широкое включение фактического, документального материала, понимание роли музыки и песни в жизни чернокожих, проблема идентификации, показ эволюции автобиографического героя, начиная с детства и отрочества, и его прихода к участию в аболиционистской деятельности.

Заглавие *Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself* явно следует за заглавием *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself*³. Но и отличия, начиная с заглавия, существенны. Уже в заглавии Ф. Дуглас отказался от внешней увлекательности, убрав прилагательное “In-

teresting”, и первым среди авторов «невольничьих повествований» идентифицировал себя как одного из американских невольников (“an American Slave”).

Второе, европейское «имя» Эквиано – Густав Ваза – против его воли было навязано ему английским рабовладельцем и является напоминанием о рабстве.

Фредерик Бейли, бежав на Север, предложил аболиционисту, оказавшему ему помощь, выбрать для него (в том числе и из соображений безопасности) новое «имя» свободного человека, непременно сохранив его первое имя «Фредерик», данное ему матерью при рождении («чтобы сохранить мою идентичность»)⁴. Мистер Джонсон, в это время увлеченно читавший поэму В. Скотта «Дева озера», предложил фамилию Дуглас, которую Ф. Дуглас, обретя свободу, носил до конца своих дней и передал своим потомкам – свободным людям. У Фредерика Дугласа, родившегося в неволе, рано лишившегося матери, никогда не знавшего своего отца, работавшего в доме хозяина, на плантациях, на судоверфях, прожившего двадцать лет в рабстве, бежавшего из штата Мэриленд на Север и ставшего свободным и высокообразованным человеком, посвятившим всю свою жизнь и творчество борьбе за ликвидацию рабства, другой жизненный опыт, чем у африканца Эквиано, что не могло не сказаться на его книге.

Существенны и отличия от многих других произведений этого жанра, написанных до и после книги Ф. Дугласа.

Достаточно полный перечень типологических черт «невольничье повествования» дал Дж. Олни в статье с полемическим названием «Я родился»: невольничьи повествования как

автобиография и литературное произведение» (*"I Was Born": Slave Narratives as Autobiography and Literature*)⁵, полемическим, ибо Дж. Олни, теоретик и знаток жанра автобиографии, не считает slave narrative ни автобиографией (за исключением «Повествования» Ф. Дугласа), ни произведением художественной литературы, хотя и признает, что «афро-американская литературная традиция, бесспорно, по проблематике, а также очень часто по содержанию и форме берет свое начало в этом жанре»⁶.

В своей статье Дж. Олни перечислил отличительные черты «любого или всех» «невольничьих повествований» XIX века: «выгравированный портрет или фотография субъекта повествования; подтверждения подлинности ("authenticating testimonials"), помещенные в начале или конце; стихотворные эпитафии, поэтические отрывки в тексте, стихи в приложении; ...авторские отступления — декламации, адресованные читателю, и пассажи, по стилю напоминающие историю приключений, романтический или сентиментальный роман; ошеломляющее разнообразие документов — письма, купчие, газетные вырезки, извещения о невольничьих аукционах или о беглых рабах, свидетельства о бракосочетании, о выкупе, о рождении и смерти, завещания, отрывки из юридических законов, помещенные перед текстом, в самом тексте, в примечаниях, в приложениях; проповеди и антирабовладельческие речи и статьи в приложении, свидетельствующие о деятельности автора в настоящем»⁷.

Дж. Олни называет также в качестве постоянных черт первую фразу «Я родился...» с указанием места рождения; обрывочные сведения о родителях; описание жестокости рабовладельцев, надсмотрщиков, описание истязаний рабов; отчет о препятствиях, которые пришлось преодолевать, чтобы, вопреки запретам рабовладельцев, овладеть грамотой; описание рабовладельцев-«христиан», живущих отнюдь не по-христиански; описание пищи, одежды, труда рабов; рассказы о продаже рабов на аукционах и насильственном разделении семей; описание патрулей, неудачной попытки побега, преследований беглецов; описание во всех деталях удавшегося побега и встречи в свободных штатах с квакерами, которые предоставляют беглецу убежище; принятие нового имени, связанное с обретением нового статуса свободного человека; размышления о рабстве»⁸.

В книге Ф. Дугласа можно найти все эти типологические особенности, но все они транс-

формированы, выражают индивидуальное «я» автора, своеобразны, соединены с новыми чертами.

Ф. Дуглас, создавая историю своей жизни в рабстве, как и другие авторы «невольничьих повествований», стремился к точному воспроизведению фактов. На это всячески нацеливали невольников белые аболиционисты. Документальность и связанный с ней эффект достоверности призваны были донести до аудитории подлинную правду жизни в рабстве, увеличить количество сторонников ликвидации рабства. Ф. Дуглас особенно остро ощущал необходимость быть предельно внимательным к фактической стороне его пребывания в рабстве и потому, что сторонники рабства все чаще обвиняли его в фальсификации: беглый раб не может быть таким прекрасным оратором.

Ф. Дуглас начинает свою книгу с канонической фразы "I was born...", в которой называет место своего рождения: «Я родился в Такэхоу, в двенадцати милях от Истона, округ Тэлбот, Мэриленд» [47]. Он вводит в свою книгу реальные географические названия мест, где находились хижина его бабушки, дома и плантации его хозяев-рабовладельцев, ферма «объездчика рабов». На берегу Чесапикского залива он оплакивал свою несвободу, в тюрьму в Истоне его заключили после неудачного первого побега. Он дает точную, детальную топографию мест, где прошли его детство, отрочество и юность: Восточный берег, Сент-Микэлс, ручей Такэхоу, реки Уай и Майлс, названия плантаций; названия шлюпов, на которых его несколько раз отправляли в Балтимор; портовый город Балтимор; адрес, по которому он жил в Балтиморе; улицы Балтимора, на тротуарах которых он учился грамоте; верфи, где он также учился грамоте, работал учеником плотника, конопатчиком, где ему чуть не выбили глаз белые расисты; название парохода, на котором он, беглый раб, добирался из Нью-Йорка в Нью-Бедфорд.

Топографическая точность Дугласа позволила исследователям Б. Куорлзу и Д. Престону пройти по всем адресам его книги. Не случайно Б. Куорлз, готовя к переизданию в 1960 году «Повествование» Дугласа, точную копию издания 1845 года, снабдил его картой штата Мэриленд, выделив округ Тэлбот и указанные в книге географические названия и адреса⁹. А Д. Престон предварил свою книгу «Юный Фредерик Дуглас: годы жизни в Мэриленде»¹⁰ картой родного округа Дугласа, на которой указал не только все описанные Дугласом планта-

ции и фермы, но и дорогу длиной в двенадцать миль, по которой тайком по ночам приходила к ребенку его мать; дорогу длиной в пятнадцать миль, по которой Дугласа и других беглецов волочили привязанными к лошадям, отправив с плантации Фриленда в тюрьму в Истоне.

Ф. Дуглас называет даты описываемых событий (начиная с марта 1832 года, когда он, четырнадцатилетний, уже мог датировать события), подлинные имена и фамилии плантаторов, священников, фермеров, надсмотрщиков, работоторговцев, капитанов судов, невольников, аболиционистов-северян. Его книга содержит точные описания труда и быта рабов, их ежемесячного пайка, одежды, которую выдавали на год, немногих праздников, положения женщин, детей, раздела скота и рабов после смерти рабовладельца. Б. Куорлз много времени провел в архивах Мэриленда и нашел в архивных документах всех белых людей, названных Дугласом. В редких случаях Дуглас давал имена или фамилии с небольшими ошибками, ибо зачастую воспринимал их на слух. Например, «человек, которого он назвал Уильямом Гамилтоном, на самом деле был Уильямом Гамблетоном; Гаррисон Уэст из “Повествования” был Гарретсоном Уэстоном, и священник, которого Дуглас называл мистером Ивери, был преподобным Джоном Имори»¹¹. На основе тщательной проверки географических названий, имен и фамилий, некоторых событий Б. Куорлз сделал вывод о том, что в книге нет ни одного вымышленного персонажа или места действия¹².

Этот документальный материал, который не мог не внушать доверия читателям, Ф. Дуглас дает от своего имени, в своем восприятии («Я часто просыпался на рассвете от душераздирающих криков моей тети...», «Я никогда не забуду...», «Я сам видел...», «Я сам слышал...», «Нет слов, чтобы выразить...», «В этот момент я увидел более ясно, чем когда-либо...») и использует для развернутой аргументированной полемики с рабовладельческой системой.

Он создает целую галерею рабовладельцев, надсмотрщиков, «объездчиков негров», фермеров, нанимавших у рабовладельцев рабов. Крупным планом даны индивидуализированные социально-психологические портреты южного аристократа, самодура, деспота, жестокого тирана, полковника Эдварда Ллойда и членов его многочисленного семейства; главного надсмотрщика в огромных владениях семьи Ллойдов капитана Аарона Энтони, получавшего наслаждение от наказания рабынь

плетьюми, и его родственников; скупого, безжалостного, капризного и набожного Томаса Олда, его родственников в Балтиморе Хью Олда и Софии Олд; образованного и воспитанного южного джентльмена Уильяма Фриленда и его матери, отправивших Фредерика в тюрьму; невежественного, примитивного, хитрого «объездчика негров», арендатора Эдварда Коуви; надсмотрщиков – пьяницы, сквернословия и садиста Пламмера, жестокого Сивиз (очень подходившая ему фамилия, по характеристике Дугласа), «доброго надсмотрщика» Хопкинса, надсмотрщика из надсмотрщиков Остина Гора. Разное происхождение, разное материальное положение, образование, разные характеры, показанные с большим психологическим мастерством. Но всех их сближает отношение к рабам как недочеловекам, жестокость и насилие по отношению к рабам, жизнь за счет труда рабов.

Портреты, созданные Ф. Дугласом на основе совершенного владения языком (лексикой, синтаксисом, интонацией, ритмом), лаконичны и убедительны.

Глубокий психологизм документальных портретных очерков, вписанных в контекст эскизных набросков родственников, соседей, знакомых, также совершающих чудовищные преступления против рабов, сочетается с яркой образностью в изображении насилия над бесправными рабами. Автор воспроизводит реальные картины жизни в рабовладельческом штате Мэриленд: неоднократно повторяющиеся садистские истязания Аароном Энтони тети рассказчика, красавицы Хестер, показанные глазами потрясенного ребенка; хладнокровный расстрел Гором раба Демби, пытавшегося в отчаянии спрятаться в ручье от наказания бичом; убийство миссис Хик рабыни за то, что девочка-подросток, не спавшая уже несколько ночей, не услышала ночью плач ребенка миссис Хик и не подошла к нему; убийство мистером Бондли голодного старика-раба, принадлежащего полковнику Ллойд, за то, что посмел ловить рыбу в его владениях; убийство мистером Томасом Ланменом двух рабов. Дуглас предоставляет убийцам слово, например Т. Ланмену: «Я слышал, как он в теплой компании, смеясь, говорил между прочим, что он просто благодетель своей страны и что, если другие последуют его примеру, мы избавимся от “проклятых черномазых” (“the d___d niggers”）」 [68].

Ф. Дуглас подводит итог: ни один из рабовладельцев и надсмотрщиков, совершивших уголовные преступления по отношению к ра-

бам, не был наказан. Мало того, общественное мнение было целиком на стороне палачей и убийц. Он констатирует с великой горечью: «Существовала поговорка, которую знали даже белые дети, о том, что полцента стоит убить “черномазого” и полцента его похоронить» [69]. Ф. Дуглас подчеркивает, что это не единичные случаи, а система: «Я заявляю с полной ответственностью: убийство раба или любого цветного человека в округе Тэлботе штата Мэриленд не является преступлением ни для судов, ни для общества» [68].

Особо следует сказать об отношении авторов «невольничьих повествований» к религии.

Религией рабов на американском Юге стало христианство (методистская, баптистская церкви с их личностным подходом, с тезисом о вознаграждении земных страданий в загробном мире). «Для народа, угнетенного рабством, гонения на ранних христиан и мучения распятого Христа были понятными. <...> Из нищеты Иисуса Христа, из Его жизни во благо и служении, из Его смерти и установления Его церкви на земле рабы были в состоянии извлечь существенные аналогии и сделать необходимые выводы. <...> религия предоставила рабам не только способы бегства от испытаний каждодневной жизни, но также и возможность утвердить себя как личность»¹³.

Христианская религия и Библия оказали сильнейшее воздействие на их мировидение, нравственные ценности, жизненное поведение и творчество.

О глубине влияния христианской религии свидетельствует и то, что многие авторы «невольничьих повествований» (Соломон Бейли, Джосая Хенсон, Ной Дэвис, Джереми Уэсли Лоугьюэн, Джеймс Пеннингтон, Сэмюэл Рингольд Уорд) стали проповедниками.

Вместе с тем практика христианской церкви на американском Юге, оправдывавшей рабство, была подвергнута авторами «невольничьих повествований» резкой критике с точки зрения основ христианской религии и морали.

Начало было положено в XVIII веке, когда Юпитер Хэммон, нью-йоркский поэт и эссеист¹⁴, в своей поэме *A Dialogue Between the Kind Master and the Dutiful Servant* писал от имени слуги, что он не может следовать путем своего религиозного хозяина, так как тот рабовладелец и дурно обращается с рабами. Поэтому он не является истинным христианином. Эта мысль была продолжена и получила дальнейшее развитие в произведениях беглых рабов

XIX века, где подчеркивается резкий разрыв между сутью христианства и его воплощением в жизнь рабовладельцами.

В «Повествовании» Ф. Дугласа это сквозная тема. Подвергнув в основной части своей книги резкой критике церковь и практику христианства на Юге, он считал необходимым снабдить книгу полемическим приложением, в котором пишет об огромной разнице между «христианством этой страны и истинным христианством». Он, как и другие авторы «невольничьих повествований», верующий человек, христианин, и он объясняет: «Я люблю чистую, миролюбивую и справедливую религию Христа; следовательно, я ненавижу продажную, рабовладельческую, избивающую женщин плетьюми, грабительскую, несправедливую и лицемерную христианскую религию этой страны. Поистине я не вижу никаких оснований, кроме самых лживых, называть религию этой страны христианской» [153].

Политические задачи борьбы с рабством обусловили жанровые особенности «Приложения» – соединение ораторской речи, использующей лексический и синтаксический параллелизм, высокий библейский стиль, инвективы, прямые цитаты из Библии, с памфлетом, углубляющим сатирическое изображение набожных рабовладельцев в основной части книги.

На рабовладельческом Юге церковь и ее служители, с точки зрения Ф. Дугласа, – преступное орудие рабовладельческого общества: «Колокольчик распорядителя на аукционе и церковные колокола звенят в унисон, и душевраздирающий крик раба тонет в громких молитвах его набожного хозяина. Религия и работорговля идут рука об руку. Невольничья тюрьма и церковь располагаются рядом. Звон кандалов и цепей в тюрьме и торжественное богослужение можно услышать в одно и то же время. Торговцы телами и торговцы душами людей <...> являются сообщниками. Торговец жертвует церкви золото, забрызганное кровью, а церковь в ответ освящает его дьявольский бизнес авторитетом христианства. Религия и разбой – союзники дьявола, одетые в ангельские одеяния, ад, прикидывающийся раем» [154–155].

Ф. Дуглас приводит строки из сатирического стихотворения Дж. Г. Уиттьера «Церковники-угнетатели». В нем поэт-аболиционист обличает служителей церкви, которые «проповедуют и похищают людей» [155].

Ф. Дуглас включил в памфлет и свои собственные стихи – пародию на «Небесный

союз», духовный гимн, который часто пели в церквях Юга [157–159].

Внутренняя связь, внутреннее единство, публицистический характер присущи всем составным частям книги Ф. Дугласа. Повествованию самого Дугласа, который в заглавии подчеркнул, что книга написана им самим, предшествуют предисловие Уильяма Ллойда Гаррисона и письмо к Дугласу соратника Гаррисона, известного аболициониста Уэнделла Филлипса.

По сложившейся традиции авторы подобных предисловий главные усилия сосредоточивали на том, чтобы удостоверить авторство книги, ее правдивость, расположить читателей к личности автора, причем зачастую им не удавалось избежать покровительственного тона¹⁵.

У. Л. Гаррисон, следуя традиции, также удостоверяет авторство Ф. Дугласа: «Это произведение целиком и полностью написано им самим...» – и подчеркивает, что тоже соответствовало канону, документальную точность «Повествования» [38]. Но для Гаррисона, общественного деятеля и публициста, главное – на материале жизни и книги Ф. Дугласа, достоинствами которой он справедливо восхищается, на документальном материале, известном ему самому, доказать читателям необходимость борьбы с рабством, привлечь в ряды аболиционистов новых борцов, использовать страницы книги как ораторскую трибуну. «Никаких компромиссов с рабовладением! Никакого Союза с рабовладельцами!» [42] – так заканчивается предисловие У. Л. Гаррисона, в котором он отдал дань уважения личности Ф. Дугласа и силе воздействия его книги.

У. Л. Гаррисон, рассказав об аболиционистском митинге, на котором он слушал первое выступление Ф. Дугласа перед белыми, собранием, описанием которого Дуглас завершил свою книгу, как бы включил себя не только в ряды ее читателей, но и ее персонажей, стал частью текста Дугласа. Создается своеобразная рама – аболиционистское движение, в котором участвуют У. Л. Гаррисон, Ф. Дуглас, его книга, направленная против рабства.

Открытое письмо У. Филлипса, обращенное к «дорогому другу», также связано как с предисловием У. Л. Гаррисона, так и с «Повествованием» Ф. Дугласа своей публицистической, антирабовладельческой направленностью.

Таким образом, предисловие Гаррисона, письмо Филлипса, «Повествование» самого Дугласа, основная часть и «Приложение», ко-

торое является заключением, написаны единомышленниками, равноправными участниками борьбы с рабством, являются публицистическими по содержанию и подаче материала, служат политическим задачам борьбы с рабством и представляют, в отличие от других «повествований беглых рабов», внутреннее единство.

Композиционное единство книги создается и авторским приемом обрамления. Для Дугласа, за плечами которого прометеевская история овладения не огнем, но словом¹⁶, как и для его предшественников, чрезвычайно важно показать читателям, что он написал свою книгу сам. Тема грамотности, прочно соединенная с обретением свободы, проходит через всю книгу и вставлена в очень важное для него, личностное кольцо обрамления. Не только в заглавии стоит знаковая формула “Written by Himself”, а портрет автора сопровождается факсимильной подписью, но и последняя страница текста заканчивается словами: “I subscribe myself,

FREDERICK DOUGLASS.

LYNN, Mass., April 28, 1845” [159].

Книга Ф. Дугласа, в отличие от большинства «невольничьих повествований», не сводится только к фактической, событийной стороне. К тому же такое важное событие, как успешный побег, традиционно являющийся кульминацией, Дуглас только констатирует, предпочитая использовать прием умолчания, психологический подтекст. В центре внимания Ф. Дугласа, вопреки традиции, две противоположные, борющиеся между собой тенденции, определившие его духовную жизнь: превращение в духовного раба, низведение его до уровня животного (отсюда такое количество анималистических образов¹⁷) и стремление невольника стать человеческой личностью, свободной и духовно независимой, даже если он находится в оковах рабства, поиск и обретение своего «я». Факты, события трансформируются в «историю воспитания», в исповедь, в автобиографию. Документ и автобиографию роднит достоверность. «Для автобиографии действительно важно, идет ли речь об убедительной (проверенной) истине или же нет. Основной категорией жанра является его достоверность»¹⁸. Но большинство документальных и посему достоверных «невольничьих повествований» не являются автобиографиями, ибо им не хватает личностного начала, психологизма, воссоздания истории души. В «Повествовании» Дугласа внимание автора направлено на становление и идентификацию личности в условиях рабства,

проблему выбора, поиск и обретение свободы.

На примере собственной жизни, с помощью честного и тщательного самоанализа, фиксируя внимание на ключевых моментах духовного «обращения», пробуждения самосознания, Дуглас показал процесс обретения невольником человеческого достоинства, интеллектуальной независимости, воли к сопротивлению, наконец имени, способности свободно говорить и писать, обретения своего «я», процесс идентификации афроамериканца – путь, который предстоит пройти многим героям афроамериканской литературы и публицистики.

В «Повествовании» Ф. Дугласа отчетливо звучит характерная для этого жанра тема провиденциализма. Тем не менее, много раз оказываясь в ситуации выбора, автобиографический герой делал его совершенно сознательно, анализируя ситуацию и чувствуя себя свободным и несущим бремя ответственности за этот выбор. По мере изменения его состояния выбор становился все более осознанным и свободным.

Спасительную роль провидения Ф. Дуглас связал с главным смыслом своей жизни – обретением свободы для него и его народа. Во имя этой главной цели на протяжении всей своей жизни он делал выбор. Проблема выбора в центре его «Повествования».

Первый выбор был сделан в детстве, когда он услышал, как его хозяин Хью Олд строжайше запрещает жене учить мальчика грамоте, ибо грамотный раб не захочет оставаться рабом. Рассказчик оценивает слова Олда и как факт сакральный, еще одно вмешательство провидения («откровение», показавшее «путь от рабства к свободе»), и как «бесценную инструкцию», полученную от хозяина [78]. Убежденная и эмоциональная речь Олда подтолкнула к размышлениям, которые Ф. Дуглас воспроизводит в фольклорной музыкальной тональности: «В то время как я был глубоко опечален утратой помощи моей хозяйки, я был глубоко обрадован ценным наставлением, которое по чистой случайности получил от моего хозяина. <...> То, чего он больше всего опасался, я больше всего желал. То, что он больше всего ценил, я больше всего ненавидел. То, что ему казалось величайшим злом, которого следует тщательно остерегаться, для меня было величайшим благом, которого следовало усердно добиваться. И доказательства вреда обучения меня грамоте, которые он так пылко приводил, только вдохнули в меня желание и решимость учиться» [78–79]. Дальнейшая его жизнь в Бал-

тиморе обрела смысл. Отныне хлебом насущным для него стал «хлеб знаний» [83].

Несмотря на строжайший запрет мистера Олда и установленную за ним слежку, с помощью белых сверстников на улице он научился читать, а затем и писать, используя в качестве образца буквы, которыми корабельные плотники судостроительной верфи помечали готовые детали, прописи в учебнике по правописанию Уэбстера и исписанные школьные тетради мастера Томаса. «Моими тетрадями были дощатый забор, кирпичная стена и мостовая; вместо пера и чернил – кусок мела. <...> Таким образом, после долгого, утомительного труда я наконец преуспел в умении писать» [87].

Рассказчику запомнились на всю жизнь две книги – сборник упражнений по правописанию и первая купленная им книга – учебное пособие по ораторскому мастерству «Колумбийский оратор», составленное в 1797 году учителем и писателем из Массачусетса Калемом Бингхэмом. «Колумбийский оратор» включал в себя теорию и лучшие образцы ораторского искусства, начиная с античности и кончая XVIII веком, в том числе речи, направленные против рабства, на защиту свободы и демократии. По справедливому замечанию Д. Блайта, «будущий великий оратор и проповедник свободы не мог найти более полезной и содержательной книги»¹⁹. По учебному пособию автобиографический герой учился не только искусству красноречия, но и американскому духу Просвещения и свободы. Много раз он перечитывал диалог между рабовладельцем и рабом, трижды совершавшим побег, и мысленно участвовал в дискуссии на стороне раба. Впервые пришлось осознание немоты, неумения выражать словами свои мысли. Чтение «Колумбийского оратора» вызвало желание «выразить свои мысли и опровергнуть доказательства в защиту рабства» [84]. Может быть, тогда и родился один из лучших ораторов и публицистов своего времени, который лучше других сумел выразить мысли и чувства своего народа. Чтение привело к осознанию своего положения раба, стало толчком для мучительных размышлений, принесших глубокие страдания, пробудило душу героя. Подросток прошел через мучительный кризис обновления (так страдал, что хотел умереть и умер бы, если бы не возникла надежда на свободу). Показательно, что автор употребил слово “existence”, «существование», которое вместило мысли о смерти и появившуюся надежду.

В результате в него «ударила свобода». «Се-ребряная труба свободы вознесла мою душу к вечному бодрствованию. Мне явилась свобода, чтобы не исчезнуть больше никогда. <...> Она смотрела с каждой звезды, она улыбалась в тишине, она дышала вместе с ветром и присутствовала в каждой буре» [85]. Это первое в книге Ф. Дугласа, хотя и не последнее, стихотворение в прозе, посвященное свободе. Выбор всегда связан с этапами обретения свободы. Первым и самым главным этапом стала грамотность, овладение умениями понимать письменное слово и самому писать.

Одним из существенных побудительных мотивов учиться писать для Дугласа стала возможность написать для себя пропуск, что он и осуществил во время побега из Балтимора. Значение слова «аболиционист» он, еще будучи рабом, также узнал из письменного слова – из балтиморской газеты «Америкэн». С тех пор он стал читать газеты и искать в них все, что имело отношение к аболиционизму и осуждению рабства.

Таким образом, тема грамотности в книге Дугласа играет даже большую, чем у О. Эквивано, роль и имеет другие функции в этой жизненной истории.

Второе стихотворение в прозе в «Повествовании» Ф. Дугласа – знаменитый лирический монолог-иеремиада юного Фредерика, изливающего трогательно и горестно душу свою, мольба о свободе, обращенная к Богу: «O God, save me! God, deliver me! Let me be free! Is there any God? Why am I a slave? I will run away. There is a better day coming» [106–107]. Монолог перекликается со спиччуэлс *Better Days Are Coming, We'll Soon Be Free, Lord, Remember Me, Nobody Knows the Trouble I've Had, Song of the Coffle Gange*, завершается прямой цитатой: «Наступят лучшие дни» – и предшествует решающему и воплощенному в поступке выбору раба в пользу свободы духа.

Автобиографический герой оказал физическое сопротивление «объездчику рабов» Коуви, выбирая между существованием на положении животного и обретением статуса человека. Рассказчик извлекает поучительные уроки из этого остро драматического эпизода (одна из главных притч книги): «Это было великое вознесение из преисподней рабства к небесам свободы. Мой долго подавлявшийся дух наконец-то воспрянул, трусость отступила, освободив место открытому неповиновению, и я твердо решил, что, сколько бы я ни оставался

рабом юридически, я больше никогда не позволю себе быть рабом по духу» [113].

Результат осознанного выбора, единоборство с Коуви, ставшее для героя воскрешением, обретением чувства внутренней свободы, является подлинной кульминацией книги. Удавшийся побег лишь закономерное следствие обретенного состояния духа. Не случайно автор так скупко пишет о побеге даже в последней, третьей версии автобиографии.

Ф. Дуглас обращается в «Повествовании» к самой проблеме выбора, которая встает перед рабами, думающими о побеге. Он воспроизводит ситуацию коллективного выбора, когда несколько рабов, которым он предложил бежать с фермы Фриленда, обсуждают альтернативу: остаться в рабстве или бежать на Север. Процесс выбора его товарищам по рабству дался нелегко, в спорах, колебаниях и сомнениях.

«Иногда ситуация представлялась нам такой: <...> С одной стороны, рабство, безжалостная, пугающая нас реальность. <...> С другой стороны, на неопределенном расстоянии, в мерцающем свете Полярной звезды, за крутыми холмами и снежными вершинами находилась сомнительная свобода, зовущая нас придти и воспользоваться ее гостеприимством. Этого иногда было достаточно, чтобы заставить нас колебаться. Но когда мы позволяли себе представить наш путь, мы приходили в ужас. Всюду мы видели неумолимую смерть, выступающую в разных обличьях. То это был голод, заставляющий нас поедать собственную плоть; то мы боролись с волнами и тонули; то нас нагоняли преследователи и ужасные овчарки разрывали нас в клочья; нас жалили скорпионы, преследовали дикие звери, кусали змеи, и, наконец, когда мы почти достигали желанной цели после того, как мы переплывали реки, сражались в лесу со свирепыми зверями, ночевали в лесу, страдали от голода и холода, нас настигали преследователи и убивали нас, сопротивляющихся, в том месте, куда мы так стремились. Эта картина ужасала нас и заставляла думать, что

“мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться”» [123–124].

Мифологически-фольклорную картину воображаемого рабами бегства автор завершил цитатой из монолога Гамлета «Быть или не быть», поместив выбор рабов в один ряд с трагическими колебаниями шекспировского героя.

Страхи рабов не были надуманными, выбор делался в суровых, жестких условиях, и все-

таким он был сделан в пользу свободы, хотя бы и ценой жизни.

«Придя к твердому решению бежать, мы превзошли Патрика Генри, выбравшего свободу или смерть. В нашем случае свобода была очень неопределенной и почти определенной смерть в случае неудачи. Что касается меня, я предпочитал смерть безнадежному существованию в рабстве» [124]. Таким образом, Ф. Дуглас обращается, что делает неоднократно в своем творчестве, к традициям Американской революции. П. Генри, член законодательной ассамблеи Виргинии, выступавший за независимость колоний, закончил свою знаменитую речь в Ричмонде 23 марта 1775 года словами: «Для меня нет иного выбора, кроме как свобода или смерть». В 1920 году П. Генри был включен в «Галерею славы великих американцев».

Перед второй, удавшейся попыткой бегства автобиографический герой еще раз формулирует для себя альтернативу, из которой делает выбор: «Не требовалось большого воображения, чтобы представить самые страшные сцены, через которые я должен был бы пройти в случае неудачи. Ужас рабства и блаженство свободы были постоянно в моем сознании. Это был для меня вопрос жизни и смерти. Но я оставался тверд в своем решении...» [143]

После обретения юридической свободы в 1846 году Ф. Дуглас последовательно осуществлял выбор в пользу свободы своего поработанного народа, каким бы трудным ни был для него этот выбор.

История о том, «как раб стал человеком», воспроизведена Ф. Дугласом в библейских образах преисподней (рабства и духовной слепоты), вмешательства провидения, откровения, обращения в истинную веру, ухода Адама из ложного рая — цветущего сада полковника Ллойда, сада, огороженного забором, вымазанным смолой, вознесения из преисподней в небеса свободы, духовной смерти и воскрешения. Символичны белые парусники. Они обозначают для героя свободу и ассоциируются с белыми ангелами грядущей свободы.

Характерная особенность книги Ф. Дугласа — связь с афро-американским фольклором.

Самые знаменитые страницы его книги — о пении рабов с плантации, идущих получать паек.

Ф. Дуглас первым обратил внимание на глубокий смысл песен, которые поют невольники: «Я иногда думаю, что если внимательно вслушаться в эти песни, то они скажут больше об

ужасах рабства, чем целые тома философских сочинений на эту тему. <...> Каждый звук был свидетельством против рабства и молитвой об освобождении от его оков» [57–58].

Он первым обратил внимание и на художественный синтез противоположностей и его причины: «Я всегда поражаюсь, когда здесь, на Севере, встречаю людей, утверждающих, что песни рабов свидетельствуют о том, что невольники довольны своей судьбой и счастливы. Это абсолютно неверно. Невольники поют, потому что они глубоко несчастны...» [58]

Ф. Дуглас осмысливает и свой собственный опыт: «Я часто пел, чтобы заглушить тоску, но редко — чтобы выразить радость» [57]. И он призывает читателей вслушаться в эти песни, в которых «о печальном поется радостно, о радостном печально», в которых «звучат одновременно и величайшая радость, и глубочайшая печаль» [57].

Особенности афро-американского фольклора, как и породившее их народное мировосприятие, свойственны и прозе Ф. Дугласа, который умеет передать сопряжение противоположных чувств уныния и оптимизма, отчаяния и радости, охватывавших его душу, широко пользуется антонимами, парадоксами, горьким юмором чернокожих американцев, рассказывает о трагических событиях сдержанным тоном, пользуется приемом умолчания и недосказанности.

Следует отметить и черты устной проповеди в стиле прозы Ф. Дугласа: проповеднические приемы вовлечения слушателей, где «мы» включает слушателей, риторические приемы и восклицания, инвективы, юмор и иронию, ораторскую, проповедническую интонацию, включение притч, библейскую образность, особенности синтаксиса (синтаксический параллелизм, нанизывание).

У Р. О'Милли были все основания охарактеризовать книгу Дугласа как «текст, предназначенный для того, чтобы его проповедовали»²⁰.

Биографии беглецов из рабства обогатили историю борьбы американского народа за свободу, стали продолжением героических страниц борьбы американского народа за независимость, великой революционной традиции XVIII века. Лучше всех о том, что думали и чувствовали эти люди, рассказал Ф. Дуглас в своей книге.

Вводя в свою книгу подлинные даты, имена, географические названия, яркие подробности жизни невольников, психологически точно очерченные характеры рабовладельцев и надсмотрщиков, драматические эпизоды, огром-

ный фактический материал, почерпнутый из жизненного опыта и **разоблачающий преступления** рабовладельцев и надсмотрщиков, свою собственную историю поисков свободы и своего «я», Ф. Дуглас ставит национальные американские проблемы: рабства во всей его бесчеловечности, показанного изнутри, глазами его жертвы – чернокожего раба, начинающего оказывать сопротивление; опустошающих последствий рабства для черных и белых американцев; расизма на Юге и Севере; американской государственной системы, охраняющей рабство и расизм; христианской религии, извращенной рабовладельцами и превращенной в орудие в руках рабовладельцев; роли афроамериканской музыки как средства духовного выживания невольников.

Постановка этих проблем, а также сама подача материала (беспощадная, документальная точность и художественная образность, психологизм, связь с афро-американской фольклорной традицией, ораторские инвективы, ирония, перерастающая в сарказм памфлета, открытая полемика с рабовладельческим обществом и его религией, моралью, правом, экономикой, публицистический поиск истины, стремление недвусмысленно и четко сформулировать свои взгляды на рабовладельческую систему в США, стремление воздействовать на общественное мнение, убедить американцев в необходимости ликвидации рабства) делают книгу Ф. Дугласа ярким художественно-публицистическим произведением, классикой жанра *slave narrative* и афро-американской автобиографии.

Интересно сопоставить мотивы, побудившие авторов двух знаменитых автобиографий Б. Франклина и Ф. Дугласа написать свои книги, и автобиографических героев.

Б. Франклин объясняет свои побуждения в обращении к сыну: «Выбившись из бедности и безвестности, в которой я родился и рос, и достигнув в сем мире благосостояния и некоторой известности, притом что до сих пор моя жизнь протекала счастливо, я полагаю, что потомкам моим небезынтересно будет узнать, какими средствами я, милостью Божией, этого достиг, и, буде иные из этих средств покажутся им пригодными и для них, они пожелают последовать моему примеру»²¹.

Во многом его книга – рассказанная в духе просветительских идей история “*self-made man*”, история обретения героем из низов жизненного преуспевания, достатка благодаря самообразованию, самовоспитанию, личным

достоинствам, разуму, здравому смыслу, трудолюбию и энергии.

В «Автобиографии» Б. Франклина «впервые совершилось художественное открытие национального характера»²².

Главная цель Ф. Дугласа – «пролить свет на американскую рабовладельческую систему и ускорить приход радостного дня освобождения миллионов чернокожих братьев в оковах...» [159], помочь невольникам обрести себя и свободу.

Автобиографическая проза Ф. Дугласа – история невольника, проделывающего мучительный путь от рабства к свободе, внутренней и внешней, поиск и обретение своего «я». Это художественно-публицистическое открытие характера афроамериканца, его жизненной философии стойкости и веры в человека, его стремления к свободе.

Дж. Т. Казер обратил внимание на то, что в двух последовавших за первой автобиографических книгах Ф. Дугласа «Моя жизнь в рабстве и на свободе» (1855), «Жизнь и эпоха Фредерика Дугласа» (1881; 1892) автор, «вместо того, чтобы писать продолжение первой книги и не включать пребывание в рабстве в свои автобиографии... предпочитает время от времени перерабатывать и дополнять рассказ об этом; он возвращается к пребыванию в рабстве и освобождается от него снова и снова»²³.

Действительно, в книге «Моя жизнь в рабстве и на свободе» из двадцати пяти глав двадцать одна посвящена пребыванию в рабстве. Во втором, дополненном и переработанном издании «Жизни и эпохи Фредерика Дугласа» двадцать две главы посвящены пребыванию в неволе, а остальные тридцать одна могли бы вместить в себя рассказ о жизненных успехах бывшего раба, с которым во время Гражданской войны несколько раз советовался президент Линкольн. Однако эти страницы посвящены главным образом «эпохе Фредерика Дугласа». Пребывание в рабстве важно для автора, ибо он хочет показать историю «обращения» раба в веру свободного человека, процесс роста самосознания афроамериканца, его страстную одержимость свободой. «Невольничье повествование» стало в его дальнейшем творчестве архетипическим ядром автобиографии и повести.

Примечания

¹ Douglass, F. *Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself.*

Boston : Anti-Slavery Office, 1845. xvi, 125 p.

² Equiano, O. The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself. London : Author, 1789. Vol. 1. 278 p. Vol. 2. 255 p.

³ Точно так же за Ф. Дугласом в формулировке заглавия (и не только) будут следовать многие авторы «невольничьих повествований», например Г. Бибб (*Narrative of the Life and Adventures of Henry Bibb, an American Slave, Written by Himself*, 1849). У. У. Браун, Г. Б. Браун и другие при переиздании своих книг изменяют названия, сделав их аналогичными названию книги Дугласа, включив самоидентификацию “an American Slave”. Так, У. У. Браун заменит название *Narrative of William W. Brown, a Fugitive Slave. Written by Himself* (1847) во втором издании своей книги на *Narrative of William W. Brown, an American Slave. Written by Himself* (1849).

⁴ Douglass, F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself ; ed. with an introd. by H. A. Baker, Jr. New York : Penguin Classics, 1986. P. 147. Далее все цитаты из «Повествования» Ф. Дугласа приводятся в тексте в квадратных скобках по этому изданию, идентичному изданию 1845 года.

⁵ Olney, J. ‘I Was Born’ : Slave Narratives as Autobiography and Literature // The Slave’s Narrative / ed. by Ch. T. Davis, H. L. Gates, Jr. Oxford ; New York, 1985. P. 148–175.

⁶ Ibid. P. 168.

⁷ Ibid. P. 151–152.

⁸ Ibid. P. 152–153.

⁹ Douglass, F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself / ed. with an introd. by B. Quarles. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1960. xxiv, 163 p.

¹⁰ Preston, D. J. Young Frederick Douglass : The Maryland Years / D. J. Preston. Baltimore ; London : The J. Hopkins University Press, 1980. 242 p.

¹¹ Quarles, B. Introduction / B. Quarles // Douglass, F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself. Cambridge, Mass., 1960. P. xxii.

¹² Ibid. P. xxi.

¹³ Williams, K. J. They Also Spoke : An Essay on Negro Literature in America, 1787–1930 /

K. J. Williams. Nashville, Tennessee : Townsend Press, 1970. Pp. 51–52.

¹⁴ Hammon, J. America’s First Negro Poet : The Complete Works of Jupiter Hammon of Long Island ; ed. with an introd. by S. A. Ransom, Jr. ; biographical sketch of J. Hammon by O. Wegelin ; critical analysis of the works of Jupiter Hammon by V. Loggins. Port Washington, N. Y. : Associated Faculty Press : Kennikat Press, 1983. 122 p.

¹⁵ См.: Stepto, R. B. From Behind the Veil : A Study of Afro-American Narrative. Urbana ; Chicago ; London : University of Illinois Press, 1979. P. 7–9.

¹⁶ Baker, J. The Journey Back : Issues in Black Literature and Criticism. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1980. P. 38.

¹⁷ См.: Franklin, H. B. Animal Farm Unbound // Frederick Douglass’s “Narrative of the Life of Frederick Douglass” / ed. and with the introd. by H. Bloom. New Haven ; Philadelphia, 1988. P. 29–43.

¹⁸ Медарич, М. Автобиография / Автобиография // Автоинтерпретация : сб. статей / под ред. А. Б. Муратова, Л. А. Иезуитовой. СПб., 1998. С. 8.

¹⁹ Douglass, F. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself / ed. with an introd. by D. W. Blight. Boston ; New York : St. Martin’s Press, 1993. P. 112.

²⁰ O’Meally R. G. The Text Was Mean to Be Preached // Frederick Douglass’s “Narrative of the Life of Frederick Douglass” / ed. and with the introd. by H. Bloom. New Haven ; Philadelphia, 1988. P. 94.

²¹ Франклин, Б. Автобиография // Брэдфорд У. История поселения в Плимуте ; Франклин Б. Автобиография. Памфлеты ; Кревекер Сент Джон де. Письма американского фермера : пер. с англ. М., 1987. С. 327.

²² Франклин, Б. Автобиография / Б. Франклин ; пер. с англ., подготовка текста, комм. М. Коренева. М. : Моск. рабочий, 1988. С. 8.

²³ Couser, G. T. American Autobiography : The Prophetic Mode. Amherst : The University of Massachusetts Press, 1979. P. 51.

МЕТОДЫ И ФОРМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

В. В. Антропова

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДАХ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Статья посвящена неоднозначной теоретико-методологической проблеме, связанной с методами исследования журналистики. В частности, автор рассматривает возможность применения лингвистических методов в журналистской науке и указывает исследовательскую область, в которой они могут быть использованы.

Ключевые слова: теория журналистики, метод, когнитивная лингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, медиатекст, медиадискурс, ментальность, концепт, концептосфера.

«Ввиду стремительных перемен, которые претерпевает на наших глазах журналистика (внедрение новых информационных технологий, изменение типологической культуры, расширение источников информации и приемов и методов ее сбора, трансформация жанров и т.д.)», исследователи констатируют все усложняющуюся природу современной журналистики; как следствие, не представляется возможным дать однозначное, исчерпывающее определение самой журналистики [5. С. 177]. Каждый теоретик журналистики отмечает какую-то одну, на его взгляд, самую важную ее сущностную характеристику.

Так, С. Г. Корконосенко определяет журналистику как общественную деятельность по сбору, обработке и распространению актуальной социальной информации. Е. П. Прохоров дает более развернутое, комплексное определение журналистики, рассматривая ее как комплекс профессий, необходимых для обеспечения различных областей журналистской деятельности; комплекс каналов для передачи массовой информации; совокупность учебных дисциплин и особую отрасль науки; особый социальный институт, представляющий собой систему различных учреждений, а также систему видов деятельности, необходимых для функционирования этого социального института. И. Д. Фомичева отрицает теоретическую самостоятельность журналистики, понимая ее как прикладную науку. Однако все исследователи видят специфику журналистики в том, что «объекты ее отражения многообразны и практически не знают границ» [4. С. 7]. «Журналистское произведение может совмещать текст, графику, цвет, динамические изображения; выступать средством суперактивности и предъявляться в режиме интерактивно-

сти. <...> Журналисты осваивают новые методы постижения действительности и новые формы презентации информации на разных носителях» [4. С. 7–8]. В силу этого методологические вопросы журналистики являются наиболее сложными для освоения.

К сожалению, работ по методологии журналистики написано немного, во всех подробно рассматривается понятие метода, перечисляются общенаучные методы (историко-сравнительный, системно-аналитический, формально-логический, метод структурного анализа), однако далее можно наблюдать неясность, размытость рассуждений о собственно журналистских методах и методах из смежных научных областей.

Хорошим подспорьем в решении этого вопроса стало учебное пособие Г. С. Мельник и М. Н. Кима, вышедшее в 2008 году, в котором авторы различают междисциплинарные, филологические, социологические методы, методы экономики и менеджмента и так далее. Мы видим, что журналистика заимствует различные методы из других областей гуманитарного знания, и это вполне объяснимо, поскольку, как говорили уже выше, современные СМИ характеризуются динамичностью, всеобщностью, универсализмом, всеохватностью, глобализмом, быстротой распространения, а сама журналистика как наука существенно расширяет свои исследовательские горизонты.

В последнее десятилетие в сфере гуманитарных наук заметно усилился интерес исследователей к тексту в целом и журналистскому тексту в частности – такой вывод можно сделать исходя из количества научных работ, посвященных медиатекстам. Данное направление в журналистике представлено диссертаци-

ционными работами В. В. Богуславской, М. А. Волкодава, С. С. Галстян, Б. Н. Головки, М. Ю. Горохова, Ф. Т. Грозданова, Е. К. Долгушиной, Н. М. Кириллова, К. Д. Кирия, М. С. Корнеева, В. Н. Степанова, Ч. Цзюйси, С. В. Федоровой, Е. С. Щелкуновой и мн. др. С одной стороны, это продиктовано в первую очередь качественно новым – онтологическим, антропологическим – пониманием самого текста, который рассматривается как транслятор ментальности, определенной идеологии, другими словами, как «пространство мысли и <...> дом духа» (по образному определению академика Ю. С. Степанова) [8. С. 31]. С другой стороны, «журнализм эпохи глобального информационного поля становится все более универсальным, всепроникающим, ценностно разностильным [подчеркнуто нами. – В. А.], суперактивным, интерактивным и саморегулирующим, синтезным и дуальным, совмещающим разные тенденции (шаблонизацию и креатизм, массовизацию и индивидуализацию, массбульваризацию)» [4. С. 7]. Поэтому необходимы такие лингвистические методы, которые позволили бы рассмотреть ценностно-смысловое пространство масс-медиа. Этой задаче в меньшей степени отвечают традиционные лингвистические методы (метод компонентного анализа семантики, метод валентностного анализа, трансформационный метод, дистрибутивный метод), в большей – методы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики – новых ответвлений лингвистики, рассматривающих базовые, ключевые концепты национальной концептосферы, а также «дискурсивные лики концепта» [9].

Лингвокультурологическое исследование медиатекстов (по типу социолингвистического), соотносящееся с филологической ветвью теории журналистики, предполагает выделение тех или иных концептов, при помощи которых происходит контентообразование медиатекстов. Основные направления лингвокультурологического анализа масс-медиа наметил профессор С. В. Иванова [1]. На сегодня существует не так много работ, изучающих медиа в аспекте лингвокультурологии: это исследования Э. М. Аникиной (лингвокультурная специфика реализации интертекстуальности в дискурсе СМИ), С. В. Губик (когнитивно-дискурсивное исследование экономического массмедийного дискурса), Е. В. Декленко (лингвокультурологический аспект патриотического дискурса), Т. Ю. Чигириной (газетные заголовки в аспек-

те лингвокультурологии), Ю. В. Южаковой (толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности). Отдельные лингвокультурные концепты медиатекстов только начинают изучаться. Имеем в виду работы С. В. Аносовой (концепты агрессии в современной газете), О. А. Гришиной (концепт «Америка» в публицистических текстах), О. И. Десюкевич и А. А. Литвин (концепт «воскресение» в белорусской публицистике), О. В. Киселевой (этические концепты в журнале «Нева»), О. А. Куданкиной (концепт «Германия» в российской публицистике), К. В. Никитиной (концепты политического дискурса), О. В. Годес (концептосфера «ирреальное» в информационной картине мира), Т. А. Пашутиной (транслируемость лингвокультурных концептов в СМИ), Н. Н. Рухленко и А. А. Черкашиной (концепт «труд» в белгородской газетной периодике), Д. М. Костиной (концепт «патриотизм» в медиатекстах).

В заключение скажем, что «теория должна стремиться синтезировать в себе достижения различных дисциплин, но нельзя забывать об условиях самосохранения журналистской науки в отношении со «смежниками»» [2. С. 202–203]. Здесь важно найти золотую середину: «требуется конвергенция разных научных подходов к изучению журналистики» [3. С. 18], и изучение СМИ действительно «ведется в широком диапазоне методов, приемов и технических средств, большинство из которых не имеет жесткой отраслевой привязки», однако необходимо обязательно учесть «специфику их приложения к анализу журналистики» [2. С. 201].

Список литературы

1. Иванова, С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. Вып. 1 (24). Екатеринбург, 2008. С. 29–33. URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/ivanova-08.htm>.
2. Корконосенко, С. Г. Моделирование теории журналистики: методологические подходы // СМИ – Общество – Образование: модели взаимодействия : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. И. А. Фатеева. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2007. С. 199–212.
3. Короченский, А. П. Отечественная журналистская наука: между прошлым и будущим // Журналистика и медиаобразование в XXI веке : сборник научных трудов международной

науч.-практ. конференции. Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. С. 11–18.

4. Мельник, Г. С. Методы журналистики : учебное пособие для студентов факультетов журналистики / Г. С. Мельник, М. Н. Ким. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2008. 272 с.

5. Палиева, З. И. Природа современной журналистики: сущностные характеристики // Журналистика в 2005 году: трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве : сборник материалов научно-практической конференции. М. : Факультет

журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2006. С. 177–178.

6. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики : учебное пособие. М. : Изд-во РИП-холдинг, 2000. 308 с.

7. Прохоров, Е. П. Исследуя журналистику. М. : Изд-во РИП-холдинг, 2006. 202 с.

8. Степанов, Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука XX века : сборник статей. М. : РГГУ, 1995. С. 7–34.

9. Токарев, Г. В. Дискурсивные лики концепта : монография. Тула, 2003. 108 с.

Н. А. Кузнецова

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ, ЛЕЖАЩЕМУ НА СТЫКЕ ДИСЦИПЛИН

В статье назван ряд объективных причин, вызывающих в современном научном сообществе потребность в междисциплинарных исследованиях. Это дает возможность анализа работ, выходящих за рамки одной науки и проводящихся на стыке различных дисциплин. Здесь так же описан ряд возможных научных подходов к таким исследованиям и определены наиболее универсальные из них.

Ключевые слова. Междисциплинарные исследования, системный подход, синергетический подход, методологический индивидуализм.

Современная научная мысль накопила множество различных подходов к исследованиям в разных областях науки. Среди этого множества существует несколько наиболее популярных. Например:

1. Натуралистический подход. Он, предполагает изучение объекта как материала природы, существующего априори. Здесь не рассматриваются вопросы «откуда появился этот объект?», «как?» и «почему?», а исследователь лишь изучает данные как факты, применяя свои знания, проводит опыты и формулирует выводы.

2. Методологический индивидуализм. Он рассматривает общество как сумму индивидов, а социальные явления исследует через поведение людей.

3. Каузальные и телеологические объяснения, как отдельные научные подходы, отталкиваются от причин поведения и различаются тем, что первое объясняет его с точки зрения причинно-следственных связей (почему поведение было таким), а второе — с точки зрения целесообразности.

4. Генетическое объяснение опирается на генетические особенности людей, дающие возможность выделять индивидуальные характеристики.

5. Натурфилософский подход. Он старается решить научную проблему философскими методами.

6. Системный (или системнодеятельностный) подход в центр внимания ставит человеческое мышление об объектах вместо самих объектов.

7. Синергетический подход сопровождает изучение процессов возникновения, разрушения и самоорганизации различных систем и явлений.

На определенном этапе развития научного знания, ученые сталкивались с рядом проблем, требующих формирования нового подхода к организации исследований. В настоящее время накопились вопросы, требующие оперативного ответа:

во-первых, в научной среде стало частым прецедентом дублирование тематики. Одни и те же сюжеты встречаются в научных работах экономистов, педагогов, психологов, философов и других ученых;

во-вторых, есть проблема концептуального пиратства. Схемы, модели и выводы, полученные в одной дисциплине, переводят в другую словесную форму и переносят в другую науку. В связи с этим возникает потребность в экс-

пертах, которые способны определить степень новизны научного труда;

в-третьих, результаты исследований чаще стали носить условный характер и не претендуют на оригинальность.

Таким образом, возникла необходимость в исследованиях, лежащих на стыке наук, так как самые интересные результаты появляются именно на границе дисциплин. Открытия, которые рождаются в процессе таких работ, являются уникальными. В то же время далеко не все научные подходы приемлемы для использования в пограничной области исследований.

В связи с этим в середине XX века появляются подходы, способствующие развитию междисциплинарных исследований. В частности, в методологии стал активно фигурировать системный подход, который продвигали Г. П. Щедровицкий, В. Г. Афанасьев и другие сторонники. Системный подход претендовал на то, чтобы быть инструментом к объяснению не только природных явлений, но и социальной стороны современной жизни.

Англичанин Г. Спенсер создал уникальную модель объяснения, которая сравнивала мир с человеческим организмом. «По Спенсеру, весь социальный мир представляет собой некое целое как организм, который можно представить совокупностью взаимодействующих частей: сердца, почек, мозга и других органов, которые в целом выполняют функцию жизнеобеспечения или, иными словами, выживаемости данной системы» [6]. Основными принципами системной модели является целостность и иерархичность строения, поэтому если одно звено в цепи разрушается, то это влияет на всю систему. Можно сказать, что аналогичные процессы происходят и в системе общественного строя.

Большой вклад в теорию системного подхода внесли А. А. Богданов и Л. фон Берталанфи, которые разработали ряд принципов и положений, касающихся ее функционирования. По сути, они являются основоположниками системного подхода, наряду с П. Друкером и А. Чандлером, хотя идеи данного подхода вытекают еще из исследований К. Маркса.

В 1988 году в России был создан Комитет по системомыследеятельностной методологии, возглавляемый Г. П. Щедровицким, который в 1990—1994 годах, будучи главным редактором журнала «Вопросы методологии», из номера в номер публиковал статьи, раскрывающие выгоды новых методов изучения глобальных во-

просов. В частности, он предлагал определять системный подход с позиции «направления методологии исследования, в основе которого лежит рассмотрение объекта как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними, то есть рассмотрение объекта как системы» [1, 8].

В дальнейшем ученые заметили, что с помощью системного подхода можно объяснить, что происходит, но нельзя показать, как изменяются системы. Решение проблемы было ознаменовано новой мыслью о том, что на место разрушившегося звена системы может встать дополняющее звено, таким образом, система не рушится — она самоорганизуется. На этом принципе выведен и осуществляется синергетический подход в развитии общества в целом и в исследованиях разных направлений, в частности.

Синергетика считается междисциплинарным направлением научных исследований, изучая сложные системы существования материи и места человека в мире. Будущее состояние сложных систем лежит вне возможностей нашего контроля и предсказания. Это означает, что будущее открыто и неоднозначно. Но в то же время нелинейная среда выступает в качестве носителя определенного спектра «целей» эволюции, возможных форм будущей организации. Здесь важен не любой произвольный путь эволюции, а только определенный набор эволюционных путей. Спектры «целей» эволюции обусловлены исключительно внутренними свойствами открытых нелинейных сред. Поэтому дальнейшее развитие зависит от выбора каждого из индивидуумов своего поведения и ответственности за этот выбор. Основным для ответственности является чувство уверенности человека в своих силах, наличие четких собственных критериев деятельности и способности их отстоять, добиться своего

Ю. А. Данилов и Б. Б. Кадомцев дают ей следующее определение: «...наука, занимающаяся изучением процессов самоорганизации и возникновения, поддержания, устойчивости и распада структур самой различной природы...» [2]. Синергетику также определяют понятием «универсальная теория эволюции», которую используют для описания механизмов появления новаций любого происхождения. Синергетический подход изначально можно было применять в исследованиях всех областей естествознания, однако он пришелся кстати и в междисциплинарных исследованиях, так как

причиной его применения является изучение возникновения принципиальных новаций. Для образного сравнения возьмем здесь пример межнациональных браков, когда невозможно предсказать, какая кровь будет преобладать в потомстве. Аналогично, синергетический подход вытек от слияния дисциплин, когда невозможно стало определить, что превалирует, и, соответственно — каким будет результат. Итог в этом случае зависит от множества факторов

Таким образом, первые работы, проведенные на стыке наук, как бы «обрамлены» системным подходом, который помогает показать, как системы сосуществуют и чем различаются. Но это неизбежно приводит к тесному их переплетению в поиске решений, и вынуждает искать новые методологические пути.

Уникальность открытий, появившихся на границе дисциплин, подтверждает множество работ выдающихся ученых мировой и российской практики. В частности, такими являются труды советского ученого Бонифатия Михайловича Кедрова (1903 – 1985 годы.). К примеру, в исследовании «О творчестве в науке и технике», он описывает психологию научного и инженерного творчества с учетом барьеров, которые необходимо преодолевать в процессе творческого поиска. Ученый вывел формулу ППБ (познавательного психологического барьера). Это может говорить о том, что познавательный психологический барьер лежит в основе исследований любой области. Именно он в процессе исследований развивает рассуждение и одновременно препятствует его развитию. Такое противоречие порождает новое мышление.

Проведя огромное число исследований на стыке наук, ученый написал более тысячи научных трудов, имеющих различные идеи по философии, логики, химии, истории, методологии науки, психологии. Он был популяризатором науки. Кедров внес большой вклад в саму классификацию наук. В частности в научной среде известен так называемый треугольник Кедрова [3]. Он различает науки по объекту изучения, которым выступает либо природа (органическая и неорганическая), либо человек (т. е. человеческое общество и мышление). Грань между этими объектами условна. Таким образом, выделяются естественные и гуманитарные науки; последние делятся еще на социальные и философские. Так, в треугольнике углы обозначены тремя главными разделами — это естественные, общественные и философские дисциплины. А кроме них, выделяются физи-

ка, химия, биология, математика, технические направления, и так далее, которые расположены между главными углами. Им ученый отводит роль междисциплинарных наук.

Психологию Кедров располагает в центре треугольника, она связана со всеми тремя большими группами дисциплин. Так как грань между объектами изучения условна, то и выводы исследований всегда зависят от человека, его индивидуальностей, целей, которые он преследует. Определить заранее, куда выведет результат исследования, почти невозможно наверняка.

В подтверждение вышесказанного о возможностях междисциплинарных трудов, а также о значении психологии в проведении научного исследования приведем пример из собственной научной практики. Используя описанный ранее синергетический подход, мы разработали модель создания психологической службы в редакции СМИ. В основе этой модели лежит субъект-субъектный подход в развитии отношений внутри редакции. Функцией модели является использование психологического инструментария как гаранта профессионального долголетия журналистов [4]. Эта модель апробирована в журналистских коллективах. Она состоит из взаимоотношений руководителя, творческого коллектива и психологической службы, а также включает необходимое психологическое оснащение с набором методов работы с сотрудниками СМИ.

Модель построена на теориях, связанных с разными науками — философией, журналистикой, психологией. Такое сочетание научных дисциплин потребовало более узкого подхода в объяснении креативной среды, в развитии профессиональной мотивации журналистов, где важную роль играют индивидуальные стандарты достижений, которые они вырабатывают для себя сами.

Учитывая, что ядро личности — это совокупность действенных отношений, реализуемых в деятельности и обнаруживающих себя в ее мотивах, мы особое внимание уделили профессиональной мотивации, подкрепляющейся в процессе деятельности. Для того, чтобы предмет и исходящие от него побуждения были представлены субъекту деятельности на сознательном уровне и могли направлять процесс целеобразования, они должны приобрести субъективную форму своего существования. Это становится возможным благодаря тому, что у мотива есть смыслообразующая функция. развитию которой способствует креативная среда.

Под креативной средой мы понимаем психологически безопасную среду, ориентирующую профессионала на свободный выбор своего поведения при взаимодействии с целевой аудиторией, с коллегами и главным редактором в процессе создания творческого продукта. Креативная среда вырабатывает продуктивное мышление, направленное на разрушение стереотипов. Реальные проблемы, с которыми сталкивается журналист в своей деятельности, не имеют однозначных правильных ответов и поэтому ему приходится в режиме сжатого времени находить оптимальную стратегию поведения, развитие которого заложено в описываемую модель психологической службы в редакции. В результате повышается уровень таких мыслительных способностей, как:

- 1) беглость – способность быстро генерировать поток идей, возможных решений, и т.д;
- 2) гибкость – способность применять разработанные подходы и стратегии при решении проблем, готовность рассматривать любую информацию с разных точек зрения;
- 3) оригинальность – способность придумывать нестандартные, уникальные, необычные решения и идеи;
- 4) детальная разработка – это способность расширять, развивать и подробно разрабатывать какие-либо идеи [7].

Таким образом, с развитием данных способностей повышается психическая устойчивость к стрессовым ситуациям, что приводит к сохранению здоровья журналиста и не теряется профессиональная мотивация

Обобщая мысль о совершенствовании методологических подходов в научных исследованиях на примере нашей модели, хочется подчеркнуть роль психологии в социально-гуманитарных науках. Например, британский философ и социолог Карл Раймунд Поппер

считал, что язык этих наук можно свести к языку психологии. Принцип методологического индивидуализма, отражающийся в нашей модели психологической службы, он формулирует, следующим образом: «...задача социальной теории состоит в том, чтобы строить социологические модели и анализировать их в дескриптивных или номиналистических терминах, иначе говоря, в терминах индивидов, их установок, ожиданий, отношений и т.д.» [5].

Список литературы

1. Википедия – свободная энциклопедия. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Системный_подход.
2. Данилов, Ю. А. Что такое синергетика? / Ю. А. Данилов, Б. Б. Кадомцев // Нелинейные волны. Самоорганизация. М., 1983.
3. Кедров, Б. М. Классификация наук. М., 1985.
4. Кузнецова, Н. А. Модель создания психологической службы в редакции СМИ : дипломная работа. Челябинск, 2007.
5. Поппер, К. Ницета историцизма : пер. С. Кудриной. М., 1993.
6. Системный подход [Электронный ресурс] // СОЦИО все об организации. URL : <http://s0ci0.ru/osnovnye-etapy-razvitiya-teorii-organizacij/9-sistemnyj-podxod.html>.
7. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность. М. : Педагогика, 1986. 452 с.
8. Щедровицкий, Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системнодеятельностного подходов // Вопросы методологии. 1991. № 2. URL : <http://www.circle.ru/archive/gp91a.html>.

**ОСЕВОЕ КОДИРОВАНИЕ КАК МЕТОД КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
МЕДИАТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА
РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАБОЧИЙ»
(МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

В настоящей статье рассматривается использование метода осевого кодирования как одного из методов качественного анализа текста. На примере анализа цифрового контента региональной газеты «Челябинский рабочий» автор демонстрирует алгоритм применения данного метода, приводящий к выделению тематических полей цифровых обозначений. Дается описание выявленных тематических групп, формулируются некоторые выводы по использованию цифрового контента в журналистских материалах.

Ключевые слова: качественный анализ, обоснованная теория, кодирование, осевое кодирование, цифровой контент, тематическое поле, Челябинский рабочий, методика исследования, медиатекст.

На сегодняшний день существуют различные трактовки понятия «качественного анализа» или «качественного исследования». Например, В. В. Семенова так трактует данное понятие: это «...исследование, где данные получены путем наблюдения, интервью, анализа личных документов (текстовых, реже визуальных – фото- и видео-источников)» [3]. Автор продолжает: «Если в количественном исследовании на вопросы: как часто? как долго? мы получаем достаточно объективный ответ, фиксирующий количество (в единицах счета: много-мало), то в качественном исследовании на вопрос: как вам понравился фильм? мы получаем номинальный ответ, обозначающий *качество* отношения или, другими словами, субъективную ценность, значимость данного предмета для индивида в его собственных словах, исходя из его социального опыта (например, фильм скучный, интересный, любопытный и т. д.). Такие данные анализируются *не* математически, а путем аналитического раскрытия их субъективного смысла. Качественное исследование проводится прежде всего для изучения **индивидуального** аспекта социальной практики – реального опыта жизни конкретных людей в конкретных обстоятельствах. Но через анализ индивидуального могут исследоваться и более широкие социальные проблемы, касающиеся социальных групп, движений или даже характера функционирования социальных институтов в конкретной социальной ситуации. Дополнительными источниками информации могут служить и количественные данные (например, статистика), но их анализ также будет

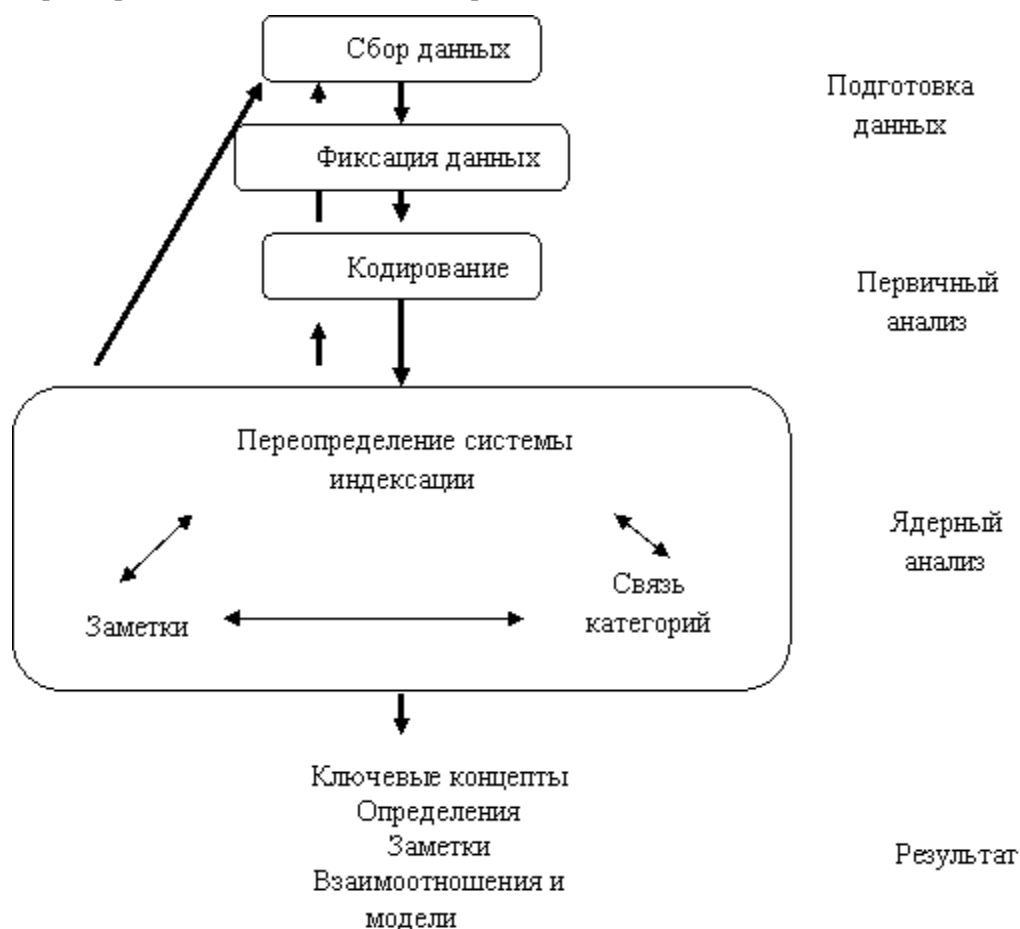
осуществлен на основе аналитического подхода» [3]. Достаточно близкое к сформулированному выше определению качественного анализа, дают определение и другие ученые, такие, как Ансельм Страусс и Джульет Корбин. Вслед за ними мы будем придерживаться следующего определения: «под термином *качественное исследование* мы подразумеваем любой вид исследования, в котором данные получаются нестатистическими или неколичественными способами. Этот термин может относиться к исследованию истории жизни и поведения индивидов, деятельности организаций, социальных движений или интерактивных взаимосвязей» [2. С. 16].

В учебном пособии «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» В. В. Семенова отмечает: «Глубинное изучение человеческого мира представляется в этом аспекте все более актуальным. Процесс постепенного погружения социологов во все более глубокие слои индивидуальной жизни представляется аналогичным обращению биологов к тайнам микромира» [3]. Данный процесс неизбежно приводит к выводам о необходимости собственных методов исследования – «методов качественного анализа индивидуального» [3].

Осевое кодирование – один из методов качественного анализа текста, в основу которого положена так называемая «обоснованная теория». Термин «обоснованная теория», как специальное понятие, был введен социологами Гласером и Строссом (книга «The Discovery of Grounded Theory», B. Glaser, A. Strauss, 1967), которые были сосредоточены на теоретизиро-

вании исследований, связанных с проверкой качественных данных, полученных в конкретных условиях, например, неструктурированных данных интервью, включенного наблюдения и архивных исследований. В дальнейшем эта теория получила свое развитие в таких трудах как «Theoretical Sensitivity» (Glaser, 1978) и «Qualitative Analysis for Social Scientists» (Strauss, 1987), «Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques» (Anselm Strauss, Juliet Corbin, 1990). Стоит отметить, что последняя из названных книг является первой работой в этой области, пере-

обоснованная теория рассчитана на широкий спектр применения, прежде всего, в социологии, антропологии, философии. Тем не менее разработанные позднее на основе этой теории методики оказались вполне приложимы к большим массивам данных и, в том числе, явились своеобразным развитием и совершенствованием известного метода контент-анализа. Наиболее значимой в этой связи может рассматриваться общая схема проведения исследования, предложенная Н. Пиджиным и К. Хенвудом [9. С. 257]:



веденной на русский язык (Ансельм Страусе, Джульет Корбин. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техника / пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М. : Эдиториал УРСС, 2001).

По словам Н. Пиджина и К. Хенвуда, «подход представляет собой попытку поиска средств противодействия позитивизму, ориентированному на подтверждение предсуществующих теорий, имеющих слабое отношение к конкретной исследовательской области и к описаниям реальности, воспринимаемой самими участниками исследования» [9. С. 253–254].

Прокомментируем эту схему. Для наглядности рассмотрим ее использование при анализе цифрового контента ежедневной региональной, общеполитической газеты «Челябинский рабочий». Итак, согласно предложенной схеме, выделяются четыре исследовательских этапа.

Первый из них – подготовка данных, включающая сбор и фиксацию материала. Конкретно в нашем случае чрезвычайно значимо обоснование самой выборки. Теоретики обоснованной теории предлагают использовать здесь гипотетический подход (какие данные, предположительно, окажутся валидными для

получения результата). По мнению Н. Пандита, это должны быть «теоретически полезные данные» [8].

Принципиально важным является обосновать основную базу данных, взятых для анализа. В центре нашего внимания оказалась годовая подборка ежедневной общественно-политической газеты «Челябинский рабочий». Газета отметила свой столетний юбилей, отличается стабильностью, склонностью к постоянному поиску в оформлении и содержании при сохранении лучших традиций отечественного газетного журнализма. Для анализа нами был избран «предъюбилейный» 2007 год. Основные критерии выбора периода:

- 1) отсутствие крупных потрясений в течение года (докризисный период);
- 2) общая политическая стабильность избранного периода (отсутствие каких-либо крупных внутривнутриполитических изменений);
- 3) экономически благоприятная ситуация (время широкого кредитования населения, еще не перешедшего в кредитный предкризисный бум 2008 года);
- 4) обращение к привычному циклу (год), который во многом организует социальные практики населения;
- 5) стабильность общего дизайна и оформления газеты, а также числа ее подписчиков и ее репутации в регионе.

Кроме всего, в 2007 году газета была удостоена премии Российского правительства наряду с семью другими столичными и провинциальными изданиями.

Таким образом, «Челябинский рабочий» за 2007 год может рассматриваться как показательная «площадка» для выводов и наблюдений по заявленной теме.

Опираясь на методику «конструирования недели» [7. С. 150], разработанную американскими исследователями Р. Джоунсом и Р. Картером, нами была выбрана целенаправленная квота отбора номеров – рубежные показатели: из каждой помесечной подшивки мы выбрали по два номера (начало и середину месяца) с целью получить пошаговый срез всей годовой подписки, фиксирующий именно «среднестатистические», «обычные» дни. Тем самым мы обеспечивали достоверность исследования. Очевидно, что включение в анализ выбранных номеров, равномерно представляющих весь год (годовой цикл издания), вполне может рассматриваться как достаточное для получения значимых выводов. В то же время уже отобранные

24 номера были подвергнуты методу сплошной выборки с целью учета всех случаев использования цифровых обозначений на газетной полосе. Использование сплошной выборки также направлено на получение валидных результатов эксперимента. Как известно, любая выборка в гуманитарных исследованиях ориентирована во многом на естественно-научные принципы (валидность, надежность, обобщаемость) и представляет собой важнейшую часть эксперимента (исследования).

На втором этапе исследования, этапе первичного анализа данных, было проведено кодирование цифровых обозначений.

Нам хотелось бы подчеркнуть активные попытки отечественных ученых упорядочить вопросы методологии. В связи с этим значимо для нас, было, например, исследование Г. В. Каныгина (докторская диссертация по социологии), в числе прочих, обосновывающего метод кодирования: «В каждом из контекстов своего применения функции кодирования сохраняют структурное своеобразие, которое характеризуется следующими пунктами:

(1) Исходной информацией являются качественные данные.

(2) Данные фрагментируются исследователем (аналитиком) на заранее не оговариваемых основаниях.

(3) На тех же основаниях аналитиком вводятся аналоги исследовательских понятий – коды.

(4) Коды соотносятся исследователем с фрагментами данных. Разным кодам могут соответствовать как разные, так и одни и те же фрагменты.

(5) Фрагмент данных считается контекстом для кода, т. е. формальным описанием тех обстоятельств, в которых вводится код.

(6) Аналитические процедуры с кодами не оговариваются, исследователь вводит их по собственному усмотрению. Как правило, отношения между кодами устанавливаются в виде списков, древовидных графов и т. п.

Это структурное своеобразие дополняется одним общенаучным методологическим постулатом:

(7) Данные рассматриваются как факты, т. е. обосновывают сугубо авторские коды в традиции научного эксперимента – через предъявление связи между наблюдаемым событием, существующим в виде фрагментированного свидетельства информанта, и его описанием, выраженным в виде кода» [1. С. 21–22].

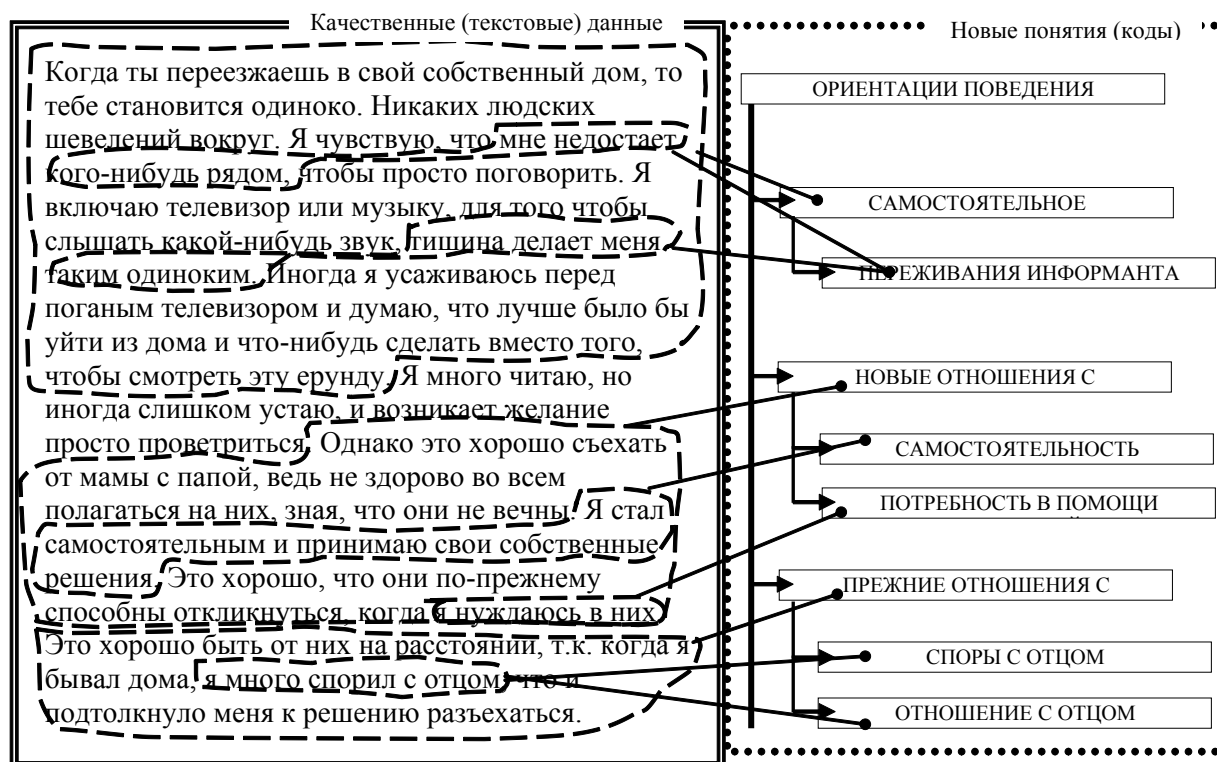


Рис. 1. Кодирование отдельных фрагментов и иерархизация кодов, выполняемые аналитиком – основа операций с качественными данными.

Каждый текстовый фрагмент выражает контекст введения понятия (кода).

Вот образец кодирования текста аналитиком из той же работы (с. 22):

Здесь особенно важно, что перед нами образец сложной сплошной проработки *нестатистических* данных. Создатели обоснованной теории специально это подчеркивают, однако на возможный вопрос о совмещении качественного анализа и контент-анализа, основанного на сплошной статистической обработке данных, они отвечают утвердительно.

Собственно кодирование определяется следующим образом: «Кодирование представляет собой операции, посредством которых данные разделяют, концептуализируют и снова соединяют по-новому. Это центральный процесс, благодаря которому из данных строятся теории» [2. С. 49].

Отметим, что общий путь анализа включает в себя три этапа кодирования (открытое, осевое, избирательное).

В. В. Семенова отмечает, что «на этапе *открытого кодирования* исследователь как бы маркирует все темы, имеющиеся в тексте, как категории, находящиеся на очень низком уровне абстракции. Они вытекают из общих исследовательских вопросов и первого погружения в текст. После первичного кодирования он составляет общий список выявленных тем, что

служит ориентацией и стимулом к дальнейшей конкретизации. Такой список наиболее полно отражает всю широту собранной информации и может содержать темы, выходящие за рамки данного исследования (они могут быть использованы в будущих проектах)» [3].

Итак, открытое кодирование – это сплошное обозначение кодов (при помощи процедуры постоянного вопрошания – Что это такое? О чем здесь идет речь?). Мы могли наблюдать процедуру открытого кодирования в примере из автореферата Г. В. Каныгина. Но уже сам факт *иерархизирования* кодов (на рисунке это изображено в виде соподчиненности кодов) говорит о переходе к кодированию осевому. В. В. Семенова продолжает: «*Осевое кодирование* является вторым «проходом» через данные. На начальном этапе темы сосуществовали разрозненно и о связи между ними исследователь не задумывался. При осевом кодировании он концентрируется на самих кодах и их возможном уточнении применительно к определенному контексту. Он движется в направлении организации идей или устанавливает ось ключевых категорий. Выясняются причины и последствия событий, условия и виды взаимодействия, стратегии и процессы. Возникает вопрос: можно ли комбинировать и выстраивать

категории в определенной последовательности и соотнести с основной темой моего интереса? Осевое кодирование стимулирует размышления о связях между темами и категориями, рождает новые вопросы. Благодаря этому усиливается *связь* между свидетельствами и концепциями, категории уточняются, переформулируются или, наоборот, отбрасываются и заменяются новыми. Устанавливается логическое отношение между центральной темой исследования и ее подтверждениями, разбросанными по разным отрывкам первичного текста» [3].

В соответствии с выше заявленной схемой исследования, осевое кодирование – это третий этап проводимого исследования (так называемый «ядерный анализ»), предполагающий установление связей между кодами. Дж. Корбин и А. Страусе определяют осевое кодирование следующим образом: «*Осевое кодирование*: Ряд процедур, с помощью которых данные после открытого кодирования соединяют по-новому, устанавливая связи между категориями. Это делается с помощью парадигмы кодирования, включающей условия, контекст, стратегии действия/взаимодействия и следствия» [2. С. 81]. Применительно к нашей конкретной задаче нам будет важно установить связи между различными единицами «оцифровывания» по принципу тематическому, для того чтобы составить ограниченное число кодов и проследить их динамику. При этом выделение категорий и субкатегорий основывается на принципах качественно-количественного анализа материалов (содержательный анализ текста): на *методе экзemplификации* (от немецкого – объяснение с помощью примеров) – конкретизация выделенной категории на основе употребления тех или иных параметров цифрового обозначения в тексте.

Наконец, по окончании осевого кодирования наступает фаза «избирательного кодирования» (в упомянутой книге В. В. Семеновой она определяется как «выборочное кодирование», автор подчеркивает, что «*выборочное кодирование* является последним «проходом» по

тексту, когда уже становится ясна центральная тема и ее формулировка, как она вырисовывается из полученных материалов. Выборочно отыскиваются подтемы или эпизоды, которые наиболее ярко иллюстрируют основную тему, одновременно осуществляется сравнение или противопоставление разных отрывков текста. Выделяется основное направление и отдельные подтемы будущего анализа» [3]).

Мы переходим к заключительному, четвертому, этапу исследования, состоящему в обобщении данных и выделении категорий. «*Избирательное кодирование*: Процесс избирания центральной категории, во время которого происходит систематическое связывание центральной категории с другими категориями, валидизация этих связей и наполнение категорий, требующих дальнейшего совершенствования и развития» [2. С. 97]. Фактически последняя процедура кодирования есть создание убедительной интерпретации данных, это именно форма интеграции полученных знаний, их изложение в виде связной «истории». С точки зрения сложившейся исследовательской практики в отечественной науке – это обязательный элемент исследования, закрепившийся под названием «анализ». Таким образом, речь идет об осевом кодировании базы данных – установлении кодов, соотнесенных друг с другом по принципу подчиненности.

Обратимся к нашему примеру. Итак, базой данного исследования послужили объекты исчисления в 24 номерах газеты «Челябинский рабочий» за 2007 год. Прежде чем мы перейдем к избирательному кодированию (анализу полученных результатов), важно было бы дать более или менее полное описание данных с точки зрения основных кодов, а также продемонстрировать саму технику сбора материала.

Рабочая таблица имела следующий вид (первый этап кодирования – открытое кодирование). Постоянно спрашивая себя: «Что это такое?», заполняем последний столбик таблицы (кодирование):

Выходные данные	ФИО автора	Название материала	Тема (краткое содержание)	Контекст	Кодирование
№ 8 (25369) Четверг 18 января 2007 Ст. 2	Михаил Бушков	Годовой «улов» наркополицейских	В минувшем году наркополицейские Южного Урала изъяли из незаконного оборота 580 килограммов дурмана.	580 килограммов почти 1900 преступлений 791 человек в 2006 году свыше 600 тонн	Вес Количество преступлений Количество людей Дата Вес
№ 8 (25369) Четверг 18 января 2007 Ст. 3	Нина Хрущева	Осень команданте	Внучка бывшего советского генсека Никиты Хрущева, а ныне – преподаватель американского Университета Нью Скул размышляет о судьбе Фиделя Кастро	9 марта 1953 года в 1985 году в 1980 году в 1990-х годах в начале 1990-х годов	Дата Дата Дата Дата Дата
№ 8 (25369) Четверг 18 января 2007 Ст. 3	Татьяна Городецкая	Мамы? Без очереди!	29 декабря прошлого года был принят Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».	с 1 января 2007 года с 1 января 2007 года в сумме 250 тысяч рублей после 1 января 2007 года после 1 января 2007 года не ранее 1 января 2010 года 261-13-13, 232-41-72.	Дата Дата Колич. руб Дата Дата Дата Номер телефона

Как видим, здесь произведено сплошное определение тематического кода каждого цифрового включения.

Задача осевого кодирования (второй этап кодирования) – установление качественных связей между всеми этими разнородными кодами.

Когда устанавливались связи между кодами, создавались так называемые промежуточные

таблицы по определенным частям выборки (в нашем случае наиболее удобной оказалась форма помесечных обобщений). Тогда коды выстраивались уже в следующем виде (выборка января 2007 года):

	субкатегория	количество	категория
1.	вес	5	мера
2.	возраст человека	12	время
3.	время	12	время
4.	высота	1	мера
5.	дата	80	время
6.	длина	1	мера
7.	количество времени	10	время
8.	количество домов	6	жилье
9.	количество денег	1	деньги
10.	количество животных	2	животные
11.	количество квадратных метров	2	жилье
12.	количество комбайнов	1	техника
13.	количество людей	15	люди
14.	количество матчей	1	спорт
15.	количество машин	1	техника
16.	количество организаций	2	власть
17.	количество посетителей	1	люди
18.	количество премий	1	деньги
19.	количество преступлений	2	преступления
20.	количество разрешений	2	власть
21.	количество регионов	1	власть
22.	количество рублей	62	деньги
23.	количество соток	2	имущество
24.	количество учреждений	3	власть
25.	количество экипажей	1	техника
26.	количество родов	3	люди
27.	номер закона	1	нумерация
28.	номер места	1	нумерация
29.	номер приказа	6	нумерация
30.	номер телефона	1	нумерация
31.	номер учреждения	14	нумерация
32.	номер программы	2	нумерация
33.	размер	1	мера
34.	расстояние	2	мера
35.	рост	1	мера
36.	стаж работы	1	время
37.	счет игры	3	спорт
38.	часть меры	2	мера
	ИТОГО	265	

Следующая процедура осевого кодирования – это определение иерархии категорий. Для конкретного примера, приведенного здесь, это было сделано следующим образом:

<i>категория</i>	<i>количество</i>	<i>доля в общей совокупности (в %)</i>
животные	2	0,75
имущество	2	0,75
преступления	2	0,75
техника	3	1,13
спорт	4	1,51
власть	8	3,02
жилье	8	3,02
мера	13	4,91
люди	19	7,17
нумерация	25	9,43
деньги	64	24,15
время	115	43,39
ИТОГО	265	100

В результате выделено было следующее количество языковых явлений:

- обозначение времени;
- мера;
- исчисление разных предметов и совокупностей («точечное» исчисление, где наиболее существенные совокупности – исчисление денег и исчисление людей);
- нумерация (порядковые номера различных предметов и объектов).

Разумеется, процедура осевого кодирования не исключает работы с каждым отдельным случаем цифровых обозначений. Для нас наиболее значимым было рассмотреть цифровое обозначение как несомненный маркер текста, обладающий определенными функциями.

Проведя качественный анализ выборки, мы убедились, что существуют тематические поля, наиболее часто маркируемые цифровыми обозначениями.

По частотности наиболее плотным тематическим полем оказалось «время». Исчисление времени в газете – ее важнейшая функция. Анализируя хронометраж, мы установили, что региональная газета «живет» в плотном круге небольшого («недалекого») времени, отмечая события, непосредственно примыкающие к сегодняшнему дню. Газета создает цифровую картину вписанности человеческого бытия во «вчера, сегодня, завтра» в прямом смысле этих слов. При этом контрольные данные, полученные по «Российской газете», показывают, что

временное поле центрального издания значительно шире: читательское сознание погружается во временной период, превосходящий рамки человеческой жизни. Мы можем в этом видеть, с одной стороны, различие самих функций региональной и центральной газеты: одна из них призвана очерчивать «ближайшее поле жизни» конкретных читателей, другая – вписывать жизни современников в более широкий временной контекст. С другой стороны, наши наблюдения свидетельствуют о большей интимизации материалов регионального издания, их ориентации на конкретного читателя, о выраженном стремлении не «выбиваться» из рамок современности, даже сиюминутности происходящего.

Вторая подгруппа временных обозначений, выявленная нами при осевом кодировании материала, это указание возраста. Мы обнаружили, что возраст человека часто заменяет его характеристику, указание на возраст необходимо в журналистских сообщениях для создания эмпатии к информации. Кроме того, своеобразным подтверждением нашего наблюдения о большей степени интимизации региональных материалов служит тот факт, что в региональной прессе указание возраста встречается чаще, чем в центральной. Для «Российской газеты» люди – скорее крупный массив данных, нежели совокупность уникальных личностей с их неповторимыми судьбами. В региональной прессе персонификации материалов уделяется значительно большее внимание: региональная газета нацелена на конкретизацию «человеческого материала» на своих страницах.

Вторая крупная группа цифровых обозначений связана с подсчетом денежных сумм. Это почти буквально подтверждает фразу «время – деньги», четко обозначающую главные «нервы» сегодняшнего существования человека. Исследуя «экономическую составляющую» ежедневной региональной газеты, мы установили наличие внутреннего конфликта между цифровыми обозначениями высокого порядка (миллионы и миллиарды рублей, евро, долларов) и копеечными исчислениями пенсий, пособий, льготных сумм. Конфликт между миллиардом рублей и копеечкой может рассматриваться как фиксирование в ежедневной региональной газете обостряющегося противостояния «больших денег» и реальных «микроскопических» доходов рядовых людей. Мы указываем также на то, что, какой бы «положительный» смысл ни имело цифровое обозначение крупной сум-

мы (например, социальное инвестирование, затраты на социальные объекты и т. п.), высокий порядок сумм не воспринимается даже журналистским сознанием (отсюда ошибки в необходимых по ходу статьи подсчетах и фактические нестыковки). Это приводит нас к заключению, что газета успешно оперирует именно «человеческим», «рядовым» уровнем исчисления денег, а высокий порядок нужен ей лишь как «примерная иллюстрация» понятия «много». Для центрального издания характеристики «экономических» цифровых обозначений оказались примерно такими же, что говорит об одинаковом уровне профессиональной рефлексии в вопросе репрезентации исчисления денег на газетных полосах. Данные «Российской газеты» показывают, что миллиардное исчисление сумм в иностранной валюте, преобладающее среди обозначений денежных сумм, формирует эффект «пустой информации», когда исчисление денег «проскальзывает» мимо сознания читателя.

Третья группа цифровых обозначений – нумерация. Мы установили, что использование порядковых номеров вместо названий (вместо именования различных объектов) – чрезвычайно распространенная социальная практика. Сегодняшнее состояние нумерования показывает, что мир вокруг человека инвентаризован, и сам он оказывается «отнесен» к различным пронумерованным социальным площадкам – от номера роддома и номера детского сада до номера участка на кладбище. В этой инвентаризации пространства мы выявили элементы стабилизации окружающего мира, стремления человека «учесть» как можно больше предметов и упорядочить объекты, объединить их в определенные «стяжки» (отсюда, например, «равные ряды» нумерации для разных рядов объектов – больницы, школы, детские дома и т. п.). В то же время большое количество номеров различных объектов на страницах ежедневной региональной газеты создает ощущение казенности и обезличения пространства обитания, исключает персональную уникальность человека из картины мира. Ту же картину мы наблюдаем и в контрольной выборке центрального издания.

Исчисление людей составило четвертую по частотности группу и изучалось нами, прежде всего, по принципу «массовое» – «единичное». Мы обнаружили наличие двух противоположенных тенденций в региональной газете, представленных примерно одинаково ярко: это исчисление огромных масс людей (миллионов

и тысяч), обычно приближенное и округленное, и учет каждого отдельного человека, значение и вес каждой судьбы, каждого голоса, каждого участия. Мы предположили, что для регионального уровня сочетание таких тенденций вполне объяснимо – с одной стороны, это маленький и обозримый мир вокруг каждого отдельного читателя газеты, а с другой – газета «вписывает» региональное пространство в большой мир, связывает людей маленькой области с человечеством всей планеты. Эти предположения подтвердились и данными центрального издания, где превалирует округленное и крупностатистическое отношение к «человеческому материалу».

Наконец, последняя по частотности группа среди лидирующих «стяжек» – это мера, измерение длины, высоты, глубины, веса, размера и т. п. Исследуя этот разнородный материал, мы выявили приоритетные позиции внутри данной группы. Самым частым измеряемым в точных числах объектах оказалась площадь, причем в двух основных типах: измерение квадратных метров жилья, что вполне ожидаемо в стране с острым и вечным «квартирным вопросом», и измерение огромных площадей земли, округленное и тяготеющее к высокому порядку (тысячи гектар). Это дает повод размышлять об отражении в газете «горизонтальной проекции» менталитета, когда пространство исчисляется именно территориально.

В ходе исследования выполнена также задача, связанная с определением фильтров исчисления: анализируя разрозненные цифровые включения, мы обнаружили, что исчисляемый мир представляет собой плотную материально-деятельностную модель конкретного места обитания человека. Здесь исчисляются действия и предметы, непосредственно включенные в орбиту ежедневной жизни. Нам не встретились исчисления каких бы то ни было отвлеченных от ежедневности региона предметов. В «Российской газете» мы обнаружили близкие тенденции, за исключением того, что группа цифровых обозначений, связанных с природными явлениями и объектами, оттеснена в центральной газете миром техники.

Таким образом, проведя качественный анализ газетных текстов с применением методики осевого кодирования, нами формулируются следующие выводы:

1. Цифровые обозначения в газетном тексте должны рассматриваться вкупе с цифровыми обозначениями в других средствах массовой

коммуникации как сильное средство воздействия на человеческое сознание и один из факторов формирования картины мира вообще и информационной картины мира в частности.

2. Цифровое обозначение в газетном тексте регионального уровня имеет тенденцию к крайностям (либо очень высокий порядок исчисления, либо точечный), что может рассматриваться как отражение распада картины мира в современном менталитете на абстрактный мир больших чисел и конкретный мир окружающих предметов и явлений, для исчисления которых достаточно простого наблюдения. Тем самым порядок цифровых обозначений становится отражением самоощущения среднестатистического человека в окружающем пространстве (центростремительная модель, тяготение к определенной точке в пространстве, которую и можно считать «своей», ее освоение, обживание и закрепление за собой).

3. Цифровые обозначения в газетных текстах не являются сегодня объектом повышенного внимания при формировании контента газеты, подчиняются лишь общестилистическим правилам, а их использование осуществляется журналистами стихийно, без учета всего комплекса психологических воздействий, которыми они обладают.

4. Целесообразно использовать материалы данного исследования в соответствующих курсах подготовки будущих журналистов для постепенного совершенствования этой стороны информационных сообщений и сознательного отношения к формированию информационной картины мира с помощью цифровых обозначений в условиях растущей математизации пространства, окружающего современного человека. Так, при ведении курсов стилистики и редактирования следует включить отдельный материал по цифровому контенту, где необходимо обозначить основные тенденции его развития и функционирования, с целью привлечения внимания будущих журналистов к значимости этой стороны журналистских произведений и выработки навыка сознательного отношения к символической нагрузке цифровых обозначений.

5. Использование цифровых обозначений в газетных текстах может регулироваться следующими правилами:

- придание крупным исчислениям денег «человеческого формата» (с целью формирования нового экономического мышления);
- точное исчисление количества людей и отказ от округления таких чисел (с целью по-

вышения гуманистического потенциала газетных материалов);

- использование именно цифровых обозначений отдельных чисел (например, «3», «7») вопреки общему стилистическому правилу (с целью активизации позитивного символического воздействия этих иконических знаков);
- внимание к тенденции вытеснения нумерации структурных объектов именованием.

Список литературы

1. Каныгин, Г. В. Разработка контекстно-ориентированных методов анализа качественных данных в социологии управления : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2009. 22 с.
2. Корбин, Дж. Основы качественного исследования : обоснованная теория, процедуры и техника / Дж. Корбин, А. Страусе ; пер. с англ. и послесл. Т. С. Васильевой. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
3. Семенова, В. В. Качественные методы : введение в гуманистическую социологию : учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. М. : Добросвет, 1998. 289 с.
4. Симакова, С. И. О чем «говорят» цифры на газетной полосе (на примере изданий «Челябинский рабочий» и «Российская газета») // Социокультурные аспекты развития регионов : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Челяб. обл.; Обществ. Палата Челяб. обл.; Челяб. ин-т экономики и права им. М. В. Лadoшина. Челябинск : НОУ ЧИЭП им. М. В. Лadoшина, 2009. С. 178–180.
5. Симакова, С. И. Интерпретация цифровых обозначений времени в газетном тексте (время как число) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. Вып. 36. № 34 (172). С. 106–110.
6. Симакова, С. И. Цифровые обозначения как элемент газетного текста (на примере «Челябинского рабочего») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 24 с.
7. Федотова, Л. Н. Анализ содержания – социологический метод изучения СМИ. М. : Ин-т социологии РАН, 2001. 202 с.
8. Pandit, Naresh R. The creation of theory : a recent application of the grounded theory method // Qualitative Report. 1996. № 2 (4). URL : <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR2-4/pandit.html>.
9. Pidgeon, N. Using grounded theory in psychological research / N. Pidgeon, K. Henwood. L., 1998.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ЖУРНАЛИСТОВ

В статье предпринимается попытка приблизиться к понятию «формирование духовных ценностей студентов журналистов» посредством прямого контакта с представителями православной церкви и просмотра фильма «Форпост», включенного в программу курса «Психология журналистики».

Ключевые слова: гуманитарное образование, методология, духовные ценности, средства массовых коммуникаций, неолиберальная модель в развитии общества.

Рано или поздно, у каждого человека возникают вопросы о смысле жизни: «кто я?» «откуда я взялся?» «для чего я здесь?». Ответы на них вплотную связаны с формированием мировоззрения и определенных жизненных принципов, регулирующих поведение человека в процессе его жизнедеятельности. Но «духовная неочевидность нашего времени выплескивается в череде вопросов без ответов, в бесконечности личностного вопрошания, блуждающего по тупикам духовно-нравственного возрождения» [3. С. 6]. Средства массовой коммуникации способствуют этому процессу.

В современном развитии наук гуманитарного направления наблюдается обращение к аксиологической стороне явлений [4. С. 487–496]. И это происходит из-за дефицита тематики и методов, раскрывающих изменение ментальности бывшей «совковой» идеологии, перешедшей за короткое время в идеологию «само-разрушения».

Из стен нашего факультета каждый год выходит несколько десятков специалистов, работающих в области СМК. Они направлены на профессиональную деятельность, тесно связанную с формированием духа времени, духа общества. Замечательно, если они хорошо знают историю журналистики и теории массовых коммуникаций, владеют грамотным русским языком, имеют широкий литературный кругозор, умеют оперативно пользоваться техническими средствами передачи информации, но если у них нет эмоциональной восприимчивости к анализу своих личностных особенностей, то знания могут больше навредить, чем принести успех.

Под «эмоциональной восприимчивостью» мы понимаем особое свойство личности журналистов – быть открытым навстречу проблемам, связанным с «духовным полем» в картине

мира. Но как воздействовать на этот «тонкий», иногда уже «надломленный» эмоциональный фон студентов, чтобы быть уверенным в правоте направления выбора метода или приема при передаче психологических знаний и умений духовного свойства? В этом контексте, хочется привести фрагмент из интервью известного политолога и журналиста Алексея Пушкова, рассматривающего современное общество с позиции духовного обнищания экономической и политической элиты. «Последние тридцать лет мировая цивилизация существует и развивается в рамках неолиберальной модели, которую исповедует почти вся мировая экономическая элита. В соответствии с ней целью предпринимательства является сверхприбыль, основой общества – неограниченная свобода рынка, а главной функцией человека – потребление. Развитие личности, углубление личности уходит на задний план. Критерием успеха объявляется уровень дохода. В основе «неолиберальной модели» - новый лозунг: «процветает сильнейший». Это своеобразный социальный дарвинизм, и в этой системе координат речь идет уже не о благосостоянии, а о сверхприбыли как о смысле жизни...» [5. С. 14].

Эта модель направлена на привитие молодому поколению крайнего индивидуализма, отрицания ответственности перед обществом, культа денег. Студент журналист не является исключенным из такой среды. Наоборот, он впитывает ее быстрее уже потому, что в процессе обучения сталкивается с неразрешимым противоречием теории и практики: с одной стороны этический кодекс трактует профессиональные нормы, за гранью которого журналиста можно привлечь к ответственности, с другой – сама жизнь заставляет идти вразрез с этим Кодексом и пренебрегать нормами. Поэто-

му в процессе преподавания психологических курсов есть проблема, связанная с методами и приемами подачи материала, содержанием которого стало бы «спасительное» духовное начало человека. Эта проблема связана еще и с важной особенностью – совпадении объекта и предмета науки психологии. Человек изучает человека. Сразу же возникает вопрос об особом роде профессиональной пригодности. Другими словами, как может обыкновенный преподаватель прививать духовные ценности студентам? На наш взгляд, здесь может помочь метод прямого или косвенного контакта с представителями разных конфессий.

Одним из таких методов является просмотр фильмов с последующим его обсуждением. Фильм «Форпост» мне принесла знакомая женщина, работающая в одном из детских домов нашего города. Она рассказала историю, связанную с просмотром этого фильма подростками и детьми начальной школы, к которым пришла на ночное дежурство.

«Ребята, сказала она, сегодня мы будем смотреть духовный фильм». Реакция детей последовала незамедлительно: «Да ну его на ... этот ваш духовный фильм!». Повысив голос, воспитательница раздраженно крикнула: «Так!!! Быстро сели все!!! Будем смотреть кино!» В начале дети шумели, выкрикивали грубые слова, похихикивали. Но, по мере просмотра фильма, становилось тише и тише, и в какой-то момент наступила полная тишина. В этой тишине дети просмотрели фильм до его завершения и какие-то «приглушенные» стали расходиться по своим местам, укладываясь спать. И когда Алла Алексеевна выходила из комнаты, в которой жили старшие мальчики, ее окликнул один из самых агрессивных подростков группы. Он сказал шепотом: «Спасибо Вам за этот фильм». Глаза подростка были мокрые от слез. Что это? Разве это не естественный отклик детской души на искреннюю любовь, пусть показанную на экране? Такая оценка дорогого стоит, потому что только ребенок может сказать, что «король-то голый».

Перед просмотром фильма студентами на занятие по психологии журналистики был приглашен настоятель Владимирского храма отец Владислав, которому студенты задавали разные непростые вопросы. Например, «Как научиться легко прощать?» «А верите ли вы сами в Бога?» «Что бы делало ваше добро, если бы не было зла?» «Как вы помогаете тем, кто в тюрьмах?» «А что вы можете дать людям?»

и др. Реакция на ответы настоятеля храма показывала желание студентов продолжать общение на вечные темы поиска смысла и обретения веры. И фильм «Форпост» был как бы продолжением ответа на вопрос: «А что вы можете дать людям? Но обращенный к нам, живущим для себя, «играющим в свои игры» [2. С. 398] и считающими себя непогрешимыми.

Реакция студентов, так же как и реакция подростков, демонстрировала переживание эмоционального воздействия, схожее с катарсисом, озарением, «АГА-переживанием» [6. С. 568–569.]. На вопрос: «Можно ли сказать, что этот фильм о том, как настоящие мужики совершают подвиг в мирное, казалось бы, время?» – около 85% всех студентов ответили утвердительно. Что это? Разве это не признание своим ощущениям, появившимся от сопереживания с искренним и пронзительным «тоном» фильма? Такая оценка тоже дорогого стоит, потому что в возрасте двадцати лет душа еще отзывчива и способна к гармоничному созвучию с «голосом» Творца, если можно так сказать.

По мнению студентов, этот фильм «...является своеобразной диагностикой личностного восприятия мира и вызовом обществу с преобладанием молчаливого и ни во что не верящего большинства, обществу, в котором человек отменяется»; «он учит радоваться высшей радостью за успехи других, за счастье других, за радость других»; «учит дарить беспомощным существам такую любовь, которая способна совершать чудеса»; «намерением авторов этого фильма было разбудить уснувших душой...». Поэтому фильм побуждает. Кого-то что-то изменить в своих взаимоотношениях с другими, кого-то помочь ближнему своему, а кого-то – к раздражению, всплеску или взрыву гнева, к протесту против этого раздражения и гнева. Что это? Разве не демонстрация того гармоничного созвучия с «голосом» Творца, формирующим духовность?

Реакция преподавателей после просмотра этого фильма в корне отличалась от реакции детей, подростков и юношей. Его оценили как «манипулятивный», «тяжелый, давящий», «опасный». Что это? Разве это не проявление наших механизмов защит от картин действительности? [7. С. 3–28]. И вместе с этим неприятие определенного груза ответственности. Что такое «духовность», об отсутствии которой так часто стали говорить во всех СМИ, точно определить наукой не представляется возможным. «Душа по природе своей христианка» [8. С. 41].

Современная Россия стоит на перепутье обретения новой ментальности. «Неуверенность духа времени выражается в участившихся дискуссиях о его иррациональности, возрастании рисков, почти статусном оформлении идеологии беспомощности перед разрушающими воздействиями эпохи. Центростремительная сила духовно-ценностных исканий оказывается в вакууме духовности, заполнить который нечем, кроме ставших похожими на заклинание сентенций о переходности, маргинальности, нестабильности времени и ощущения себя в нем» [3. С. 6].

Таким образом, проблема поиска методов в преподавании гуманитарных дисциплин у студентов журналистов остается, но вместе с тем остается и надежда на духовное возрождение страны, потому что у подрастающего поколения сохранен потенциал эмоциональной восприимчивости к темам, связанным с проблемой духовности. Это подтверждает и контент-анализ завершающей части практик по курсу «Психология журналистики». Для обозначения основных ценностей был принят термин «ассоциативное поле» [1. С. 133]. Таким образом, на слова-стимулы в вопросе: «Что особенно ценным для вас было в курсе?» студентами (43 информанта), были даны следующие расширенные ассоциаты:

21: «дарить теплоту чувств»; «позитивные эмоции»; «в приподнятом настроении»; «бесценные минуты, когда я могла расслабиться»; «в светлом и по-летнему теплом ключе»; «стали для группы спланивающим моментом»; «опыт переживаний важен»; «мы стали ближе и интереснее друг другу»; «на интуитивном уровне решить важные вопросы»; «ощущение раскрепощенности было позитивно, потому что мы сплотились»; «интересно было наблюдать и участвовать»; «ощущение искренности и доброжелательности»; «говорил, что думаю на самом деле, и от этого было хорошо»; «доверие»; «было тепло из-за доверия»; «всех выслушивали, а этого так не хватает – внимания и участия»; «общение без лицемерия»; «таинство»; «одухотворенность»; «очень искренне, исповедально, лично». Этот ассоциативный ряд мы назвали: «*Ценностные состояния*».

17: «душевные качества людей»; «понимание людей»; «видеть в людях положительное начало»; «узнавать своих одноклассников и знакомить их с собой»; «вокруг особенные люди, и я их вижу!»; «мы познаем других через себя»; «люди открываются во время общения»;

«взаимоотношения внутри нашей группы, чего нам явно не хватало до этого»; «познание себя и других»; «раскрыла для себя наших студентов с новых неожиданных сторон»; «другие стали поближе»; «поняла, что многие схожие качества, которые мне не нравились в себе, присутствовали и другим и нет в этом ничего страшного»; «удалось наладить более близкий контакт»; «одноклассников открыла для себя с новой стороны, как если бы мы прожили месяц вместе на острове». Этот ассоциативный ряд мы назвали: «*Другие, как субъекты самопознания*».

15: «ценное приобретение о себе»; «заглянуть внутрь себя»; «самовыражаться»; «познание своего внутреннего мира»; «толчок к самоизучению»; «поиск своего «дома и огорода»»; «катарсис, который помог решить когда-то неразрешимый жизненный вопрос»; «осознание себя»; «мне было тяжело»; «много открыла для себя»; «смысл неформального общения в кругу – доверять себе»; «училась доверять и быть искренней как перед собой, так и перед другими»; «понимание и принятие себя»; «разобрался с самооценкой». Этот ряд мы назвали «*Я-концепция*».

Таким образом, наибольшее значение для студентов имеет переживание духовных состояний (21) от возможности поставить себя на место другого. Поэтому «другие, как субъекты познания себя» (19) выходят на второе место. А на третье место студенты выводят ценность открытия своего потенциала в «Я-концепции» (15), что является основой профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Антропова, В. В. Ассоциативное поле «духовность» в языковой картине мира студентов-журналистов // Провинциальный мегаполис в современном информационном обществе : материалы Международной научной конференции (Челябинск, 24–26 марта 2010 г.) / под общ. ред. М. В. Загидуллиной. Челябинск : Энциклопедия, 2010.
2. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М. : «Прогресс», 1988.
3. Зубанова, Л. Б. Духовное лидерство в современной России : монография. Челябинск, 2009.
4. Маслоу, А. Гуманистическое направление в теории личности // Хьелл, Л., Зиглер, Д. Теории личности. – СПб, 1997.

5. Пушкин, А. Последнее предупреждение // Фома. Православный журнал для сомнеющихся. 2009. март.

6. Флоренская, Т. А. Бессознательное : в 2 т. Т. 2. Тбилиси, 1978.

7. Фрейд, З. Психология бессознательного : сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вст. ст. М. Г. Ярошевского. М. : Просвещение, 1990.

8. Юнг, К.-Г. Психологические типы / под общ. ред. В. Зеленского. М. : «Университетская книга», 1996.

Н. Н. Лебедева

ЭТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский язык характеризует особая этическая направленность. Это проявляется как в бытовой речи, так и художественной литературе. Считается, что истоки этого явления лежат в христианской культуре. Древнерусская литература отражала духовные ориентиры человека. В современных произведениях продолжают традиции исследования нравственных проблем. Внимательное изучение русского языка дает ключ к пониманию психологии русского человека.

Ключевые слова: моральные суждения, религиозные и духовные ориентации, нормативная регуляция, негативные и позитивные оценки, нравственные проблемы, культурные сценарии, ценностные идеалы.

Язык – сложная система значений, смыслов, знаков, средств выражения. В языке особым образом переплетены история, культура, психология народа. Язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, понимая язык, мы лучше представляем себе людей, использующих его.

Каждый язык обладает только ему присущими чертами. Он отражает культурные сценарии, сформулированные в терминах универсальных человеческих концептов, позволяющих сравнивать различные культурные нормы во всей их специфике.

Если говорить о своеобразии русского языка, то одной из отличительных характеристик специалисты называют любовь к моральным суждениям [2]. Существующая межкультурная инварианта предполагает описание морали с точки зрения нормативного регулятора, одного из способов управления социальным поведением. Помимо морали этой же функцией обладает право и более ранние формы нормативов в виде ритуалов и обычаев. Мораль осуществляет свою регулятивную функцию посредством общих для данной культуры фундаментальных представлений о добре и зле, о правильном и неправильном, о достойном и недостойном, то есть посредством системы нравственных ценностей.

Моральные категории находят свое отражение в языке. Именно в языке раскрывается значение чести, долга, совести и другие этические понятия. Проблема лингвокультурологической относительности нравственности проявляется в своеобразии отражения «картины мира» представителями той или иной языковой группы. Каждый язык имеет собственную культурную традицию описания моральных явлений. Существующие кросс-культурные отличия моральных норм отражают специфические особенности мировоззрения в рамках данного культурного пространства. Велика роль религиозных и духовных ориентаций, являющихся основой для появления моральных представлений. Изучение истории развития языка способствует пониманию его содержания.

Русский язык очень много взял в себя из церковнославянского языка, заимствования из которого органично вошли в ткань письменной и устной речи. О последствиях для русского языка этого явления М. В. Ломоносов написал в своей последней филологической статье «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», которой открывалось университетское собрание его сочинений [3], где он говорит, что русский язык получил «...богатство к сильному изображению идей важных и высоких». Это обстоятельство можно считать

одним из факторов появления большого количества моральных понятий в русском языке.

Эти же причины называет Д. С. Лихачев, объясняющий направленность русской литературы на моральную проблематику, ситуацией, при которой древнерусская литература явилась наследницей восточно-христианской письменной культуры, пришедшей на Русь вместе с древнеболгарским алфавитом. Произведения русского средневековья отличала подчиненность этическим правилам, распространявшимся на художественные приемы при описании героев повествования. Д. С. Лихачев приходит к выводу, что в основе древнерусской литературы находилось стремление увидеть в явлениях природы, в событиях человеческой жизни, в исторических событиях – во всем временном и тленном – символы и знаки вечного, вневременного, духовного.

Изучая культурные темы в русском языке, А. Вежбицкая обращает внимание на «любость к моральным суждениям» [2. С. 33], ее просто поражает количество и категоричность моральных выражений. Обилие позитивных и негативных оценок для выражения своего отношения является, по мнению исследователя, отголоском моральной и эмоциональной ориентации русской души, стремления к «этической манере выражения». По ее мнению, русские ждут моральных оценок, в отличие, например, от американцев, которых больше интересует, нравятся они или нет.

Другие исследователи, как из области языкознания, так и психологии, обращают внимание на моральную направленность социального сознания. Обобщая результаты исследования российской ментальности, К. А. Абульханова-Славская отмечает «преобладание морального сознания – моральных представлений над политическими и правовыми» [1. С. 23]. Кроме того, автор обращает внимание на чувство веры у русского человека в высший идеал. Русский идеализм сочетает в себе определенную умозрительность, возвышенный характер размышлений, выразившихся в поисках правды, истины и смысла жизни [1. С. 7].

В русской литературе в ярком виде отразилось тяготение народа к нравственным проблемам. Русская литература является событием в истории мировой культуры – ее принято называть «великой русской литературой». Современные психологи все чаще обращаются к произведениям русской литературы для описания многих явлений человеческой психики. Обра-

зы, представленные в трудах великих писателей, дают очень четкую картину психической реальности. В произведениях точно передаются характеры, отношения и в целом менталитет русского человека.

Исследования отечественных и зарубежных филологов и психологов показывают отличительные особенности тем, сюжетов, образов в русской литературе. По наблюдению А. Вежбицкой, основные культурные сценарии, раскрываемые в художественных произведениях, также обладают моральными характеристиками: как быть личностью среди других людей, как думать, как чувствовать, как добывать и передавать знания, как говорить с другими людьми [1. С. 393]. Доминирование моральных тем является одной из самых характерных черт русской литературы.

Произведения Достоевского, Толстого, Пушкина, Чехова насквозь пронизаны моральной проблематикой. Герои произведений часто стоят перед моральным выбором. Описывается их нравственный поиск, решение моральных дилемм.

В диалогах часто употребляются понятия, характеризующие человека с нравственных позиций. Такие негативные оценки, как *подлец*, *негодяй*, *мерзавец*, встречаются с высокой частотой, в то время как в других языках (например, в английском), слов для выражения категорического морального осуждения на порядок меньше и ситуации их применения встречаются реже. Часто наблюдаются и позитивные оценки как личности в целом, так и отдельных поступков. Вспомним только одно высказывание из «Войны и мира»: «Это была такая благородная, такая возвышенная душа!». Л. Н. Толстой в своих произведениях и в жизни прошел свой путь поиска истины. В русской речи часто встречается выражение «прекрасный человек», подразумевающее человека высоких моральных качеств.

Русские писатели в своем творчестве часто решали проблемы нравственного самоопределения. Строки «поэт в России больше, чем поэт...» можно отнести ко всей русской литературе. Проблема человеческой души, поиск ценностных идеалов – эти вопросы волновали представителей как золотого, так и серебряного века русской поэзии. Даже наши современники – Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко, Р. Рождественский – в своих произведениях часто обращаются к проблемам совести и другим моральным явлениям.

Постижение и усвоение моральных норм невозможно на уровне абстрактных обобщений, нравственность формируется в процессе усвоения культурного опыта. В моральных представлениях находят отражение не только локальные условия бытия какой-то отдельной группы, но и исторический всеобщий опыт многих эпох, различных обществ. В языке проявляются все этапы развития социальной общности, и русский язык в процессе своего становления приобрел и активно использует большое количество моральных категорий.

Нравственные оценки находят отражение как в литературе, так и в обыденной речи. Большое внимание к моральным суждениям становится одной из ярких черт и отличитель-

ной особенностью русского языка, основой для понимания менталитета русского человека.

Список литературы

1. Абульханова-Славская, К. А., ред. Российский менталитет. Вопросы психологии, теории и практики : колл. монография, М., 1997.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познавание. М., 1997.
3. Ломоносов, М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Собрание разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова. М. : Московский Университет, 1757. Кн. 1. С. 3–10.

ЯЗЫКОВАЯ СВОБОДА В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Статья посвящена языку как инструменту формирования информационного пространства Интернет-среды и его влиянию на устройство современного общества.

Ключевые слова: Интернет-пространство, виртуальная коммуникация, язык, безграмотность, узуальная норма

В эпоху информационного господства, когда основной ценностью, товаром для торговли, залогом успеха становится информация, особое значение приобретает инструмент передачи информации – язык. Действительно, именно язык материализует идеи и представления, созревающие в умах человеческих, и доносит их до широкого круга потребителя. Профессор В. И. Аннушкин в своем труде «Язык и жизнь. Книга о русском языке – речи – слове» отмечает, что «... Языковая жизнь современного общества бывает то клипо-гламурной, то агрессивной, то суетно поднимающей «ветр от лица земли», но все мы не можем не видеть и не чувствовать как на наших глазах творится новый информационный мир, новый стиль жизни, и творится по преимуществу словом». Именно слово является тем инструментом, с помощью которого воздвигается здание общественной жизни.

Современное общество отметило свое присоединение к информационному веку путем создания Интернета, объединившего разрозненные фрагменты информации в единое виртуальное пространство, не имеющее четко лимитированных границ и обладающее огромным потенциалом для расширения. Будучи средой, создаваемой не путем реформ «сверху», а посредством инициативы «снизу», данное пространство формировалось при отсутствии внутренних и внешних законов и регламентов, ограничивающих в какой-либо степени информационный поток и пути его подачи. Действительно, внедрение подобного ограничителя представляется достаточно трудным, так как Интернет охватывает реальное пространство не одного государства и даже не группы государств, входящих в единый союз, а фактически всю планету, где присутствуют электронные средства коммуникации и возможность принимать сигнал со спутника. В силу того, что

законы разнятся в зависимости от национальной и географической принадлежности субъекта, достаточно трудно найти общие точки соприкосновения, способные сформулировать действующую законодательную базу, регулирующую взаимодействие в рамках глобальной сети. Законодательные органы не были готовы к такому быстрому подъему и распространению Интернет-коммуникаций, неограниченными, таким образом, юридическими рамками.

Виртуальный мир предоставил возможность для контактов представителей различных культур, различных сословий и социальных групп, что является затруднительным в обстоятельствах реального общения. Каждый из участников («жителей») принес с собой свои привычки, традиции, особенности поведения, культуру, создавая своеобразный микс «своего» и «иного». Отсутствие первоначального модерирования и эталона для подобного действия породило такое явление как вседозволенность, пренебрегающая рамками этики и нравственности. На данный момент многие сайты общения вводят свои собственные кодексы, недолгое время существует Сетикет (свод неформальных общих правил для виртуального общения), берущие свое начало в «Декларации о толерантности», принятой мировым сообществом. Однако укоренившиеся традиции и, самое главное, стереотип поведения в Интернете уже сформировали стиль поведения и общения пользователей сети.

Еще одним фактором, имеющим решающее значение для определенного поведения в Сети, является анонимность пользователя. Личность участника виртуального общения скрыта под «ником», который не предоставляет сведений о его реальном имени, возрасте и социальном положении. Подобная анонимность позволяет пользователю совершать поступки, которые он не готов совершать в реальной ситуации лишь

под страхом наказания. Другими словами, виртуальная личность пользователя полнее раскрывает его морально-этические принципы, неограниченные мнением окружающих или юридическими мерами. Анонимность позволяет пользователю существовать в виртуальном мире одновременно под несколькими «никами», выбирая тот, который ему необходим для реализации определенной коммуникативной стратегии. Теоретически количество «ников» пользователя может приближаться к бесконечности. Таким образом, анонимность создает эффект «вседозволенности», снимает чувство ответственности за свои поступки, в частности речевое поведение.

Три перечисленных фактора – нечетко оформленная законодательная база, несформированность морально-этического кодекса и анонимность – являются причиной того явления в Интернет-пространстве, которое получило название «виртуальной свободы». Под виртуальной свободой большинство пользователей понимает вседозволенность поведения, отсутствие каких-либо границ и возможность поступать, руководствуясь лишь собственными интенциями и не принимая во внимание мнение окружающих, аргументируя подобное видение Интернет-среды фразой «в Интернете все равно».

Однако понятие «свобода», будучи многогранным явлением, не синонимично, на наш взгляд, понятию «анархия». Анархия отрицает любой порядок, отвергает любые законы, подобное явление носит негативный, разрушительный характер, стремящийся уничтожить существующее положение вещей, но не собирающийся созидать нечто вместо искорененного. Свобода не стремится к разрушению существующего, а пытается выйти за пределы оногo. Свобода не подразумевает уничтожение границ, рамок или существующего режима, но она предполагает нарушение установленных пределов, ограничивающих ее. Подобное желание носит созидательный, творческий характер, так как оно ведет к постижению неизведанного и к познанию нового.

Свобода подразумевает ответственность того, кто ею пользуется, по отношению к другим обладателям свободы за свои поступки, интенции и мысли. На наш взгляд, наиболее близким по значению синонимом к слову «свобода» в данном контексте является понятие «независимость». Независимое отношение не подразумевает уничтожение существующего

порядка, то есть не несет деструктивной составляющей; независимость подразумевает толерантное восприятие бытия, но при этом отказывается от подчинения оному.

Искаженное понимание свободы в виртуальном мире приводит не только к деструктивной подаче информации, но и к определенным языковым искажениям. Язык, выполняя инструментальную функцию, является так называемым «строительным материалом» виртуального текста; фактически виртуальный мир создается из языка и посредством языка. Язык, будучи пластичным и податливым явлением, изменяется в Интернет-среде в двух направлениях: первое – сознательное изменение языка как материала с целью определения его границ, возможностей и потенциала, так называемая языковая игра. Результатом подобной игры являются такие явления как «язык падонкафф» и «албанский язык». Данные эксперименты с языком, на наш взгляд, носят позитивный характер, так как они создают некую узусальную норму, помогают оценить языковые возможности, превращают язык из некой стандартизированной застывшей формы в живой, изменяющийся организм.

Второе направление языковых изменений обусловлено безграмотностью носителей информации и особенностями общения в виртуальной среде. Язык Интернета искажается благодаря обилию грамматических и орфографических ошибок в следствие незнания пользователями правил языка, а также благодаря режиму общения, в котором письменная речь максимально приближена к речи устной. Данный режим общения обязывает коммуникантов предельно быстро реагировать на сообщения других участников общения, что приводит к пренебрежению знаками препинания и заглавными буквами, опечаткам по невнимательности, редукции основы слова и т.д. Подобные искажения не являются целенаправленными, имеют хаотичный характер и не являются следствием словотворчества. На наш взгляд, данное направление языковых изменений носит деструктивный характер, прививающий небрежное отношение к языковым нормам и разрушающий единство языковой структуры в целом.

В. И. Аннушкин в книге «Язык и жизнь. Книга о русском языке – речи – слове» приводит следующий постулат: «Каков язык – такова и жизнь». Действительно, изменения, происходящие с языком, оказывают непосредственное

влияние на стиль жизни, на особенности человеческого существования. Небрежность по отношению к языку в виртуальном пространстве может привести к небрежности и нежеланию нести ответственность в событиях реального характера. Вседозволенность языковых изменений в Интернете может послужить основанием для формирования чувства вседозволенности в реальной жизни. С другой стороны, биполярность изменений языка в Интернет-пространстве отражает социально-бытовые условия современной жизни в обществе. Таким образом, мы наблюдаем двоичную взаимосвязь языка и общества на примере виртуального мира, где язык выступает как инструмент для формирования и одновременно как рефлексор происходящего.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что язык становится инструментом лишь в устах человека, вне человеческой интеракции он не имеет самостоятельного потенциала. Таким образом, именно человеческое сознание и интенции являются решающим фактором для формирования определенной статусности языка в пространстве виртуальной коммуникации.

Список литературы

1. McLuhan, M. Understanding Media : The Extensions of Man / M. McLuhan. NY : Gingko Press, 2003.
2. Енина, Л. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // URL : www.tolerance.ru/biblio/dzyalosh_1/p-bib-multi.html
3. Иванов, Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста // URL : www.ivanoff.ru/rus/OZHWEB.htm
4. Компанцева, Л. Ф. Специфика нормы и узуса в Интернет-дискурсе // URL : <http://www.textology.ru/public/uzus.html>
5. Купер, И. Р. Гипертекст как способ коммуникации // URL : www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00kuper.html
6. Трофимова, Г. Н. К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете // URL : www.dialog-21.ru/archive.asp?y=2001&vol=6077&parent_menu_i=233.
7. Уолцер, М. О терпимости. М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000.

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Е. И. Голованова

ЛЕКСИКА НОВЫХ ГОРОДСКИХ ПРОФЕССИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЧАТНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ)

Средства массовой информации современного города рассматриваются в статье как пространство, в котором проходят «обкатку» новые коммуникативные технологии и внедряются новые профессиональные понятия. На примере двух сфер профессиональной деятельности, интенсивно развивающихся в современной городской среде, – реклама в сфере продаж и кадровый менеджмент – выявляются особенности этого процесса.

Ключевые слова: городская среда, новая лексика, профессиональная коммуникация.

Мы являемся свидетелями стремительных изменений в жизни общества. Смена эпох повлекла за собой смену когнитивных парадигм, пересмотр ценностных ориентиров. Вместо интересов большинства на повестке дня оказались потребности отдельного человека или группы людей (корпорации). В условиях постиндустриальной культуры город, городская среда, в том числе средства массовой информации, выступают тем пространством, где проходят «обкатку» новые технологии и внедряются новые понятия.

Деятельность диджея и промоутера, менеджера и риэлтора, брокера, мерчендайзера, спичрайтера и сомелье сосредоточена в городе, привязана к городской среде, а потому характерные для этих областей специальные лексические единицы встречаются на страницах городских газет и журналов.

Мобильную городскую жизнь невозможно представить сегодня без персонального компьютера, а значит, и таких слов-понятий, как *ноутбук, флэш-карта, электронная почта, спам, локальная сеть* и др. Эти иноязычные названия являются общими для представителей целого ряда профессий, вошли в быт современного человека и, естественно, стали принадлежностью языка печатных СМИ. Одновременно с этим в лексикон многих собственно городских профессий, таких, например, как *промоутер, супервайзер, специалист по связям с общественностью (PR-менеджер)* и подобных, прочно вошли наименования *пресс-релиз, промоакция, флаер, промоушн (промоушинг), ресепшен, корпоративный имидж* и др. Использование этих и подобных наименований в языке СМИ стало привычным. По мнению

специалистов-филологов, регулярное употребление тех или иных заимствованных наименований в массовых печатных и других изданиях рассматривается как необходимое условие для их вхождения в язык (см. работы Л. П. Крысина, Е. В. Мариновой и др.).

В рекламных объявлениях и статьях широко представлены сложные профессиональные обозначения с аббревиатурным компонентом в составе: *BTL-агентство, BTL-мероприятия, btl-акции, btl-услуги* (от англ. Below the line promotion букв. «промоушн под чертой» – нестандартные средства продвижения, например, *спонсоринг, продакт плейсмент, директ-мейл и проч.*) (подробнее см. [3]).

На страницах городских журналов и газет в самых разных контекстах и жанрах употребляются новые названия из разных профессиональных сфер: *оцифровка, авторинг, транскодирование* из речи фотографов и кинооператоров; *полный электропакет, тюнинг, круиз-контроль, рестайлинг* – из лексикона продавцов автомобилей; *спонсоринг, маркетинговый проект* – из языка маркетологов и рекламистов; *тураучеры* – из словаря туристических агентов; *котировка, аукцион, зарплатные схемы* – из коммуникации бухгалтеров и финансистов.

Новое профессиональное понятие может стать своеобразным символом времени и тогда оно получает активную разработку в языке СМИ, на его основе возникает целый ряд производных. Так произошло со словом «бренд», выступающим символом современной эпохи рекламы и маркетинга, ср.: *брендинг, личный брендинг, ребрендинг, бренд-менеджер, бренд-менеджмент, бренд-коммуникация, бренд-реклама, бренд-маркетинг, брендинговая поли-*

тика и проч. Данный ряд слов, объединенных тематически и словообразовательно, можно считать ярким примером концептуального выравнивания, то есть сближения концептуальных пространств двух контактирующих культур в результате интериоризации одной культурой концептуальных систем и парадигм, характерных для другой [1]. Языковой уровень в данном случае выступает отражением процессов, происходящих на ментальном уровне.

Профессиональные журналисты, работающие в «модных» городских изданиях, используют в своих статьях серии неологизмов, связанных с литературным и кинотворчеством: *мейнстрим* («главная струя» в литературе), *сетература* (сетевая литература), *нон-фикшин* (книга или фильм, основанные на реальных событиях), *ситком* (комедия ситуаций), *римейк* (новая «версия» фильма по тому же сценарию), *сиквел* (продолжение фильма), *саспенс* (приемы по нагнетанию страха), *флэшбеки* (вставные эпизоды), *файтинг* (боевой эпизод) и др.

Обратимся к анализу лексики в двух профессиональных областях, которые, на наш взгляд, относятся к числу наиболее стремительно развивающихся в начале нового века, – **реклама в сфере продаж** и **кадровый менеджмент**. Эти профессиональные сферы являются относительно новыми для российской действительности, не случайно так велико здесь число иноязычных заимствований. При этом новые лексемы отражают динамику общественного сознания. Проиллюстрируем это на двух конкретных примерах, актуализированных в современных электронных СМИ.

Первое слово – *воблер* – связано с развитием рынка потребительских товаров. Данное обозначение относится к группе наименований POS-материалов (< англ. Point of Sale ‘точка продажи’), то есть предметов, используемых для лучшей визуализации товаров в магазине. Слово *воблер* употребляется наряду с такими названиями, как *шелфтокер*, *диспенсер*, *мобайл* и др. Наше внимание привлекло даже не столько звучание этого слова, сколько сфера-источник нового рекламного термина: *воблер* в первоначальном значении – рыболовная снасть, спиннинговая приманка. Название восходит к английскому wobble ‘качание’.

Главная особенность воблера – способность покачиваться от движения воздуха, и это привлекает внимание. Рекламный воблер представляет собой ламинированный или лакированный печатный материал, закрепляемый на

вертикальной поверхности с помощью держателя («ножки»). Воблеры размещаются непосредственно в местах продаж – с торца полки супермаркета, на стекле окошка кассы в аптеке и т. д. Интересно, что покупатель в данной ситуации выступает в роли «дичи», на которую охотятся (примерно тот же образ воспроизводится в термине «целевая аудитория товара» и т. п.).

Второе слово имеет отношение к сфере кадрового менеджмента. О развитии этой профессиональной области можно судить прежде всего по таким понятиям, как *оценка персонала*, *управление персоналом*, *развитие персонала*, *линейный персонал*, которые отражают современные кадровые стратегии, а также по новым названиям типа *тренинговый центр*, *бизнес-тренинг*, *HR-директор* (< англ. *Human Resources* – *человеческие ресурсы*). Помимо *менеджера по персоналу*, появились другие профессии (и соответственно – должности): *менеджер по развитию персонала*, *менеджер по развитию и обучению*, а также *тренер-консультант*, *бизнес-тренер* и др. Одной из новых профессий является и профессия *коуча*, на содержание которой мы бы хотели остановиться.

Коуч – это специалист, объединяющий знания и умения профессионального консультанта, наставника, психолога и тренера. Последнее особенно важно, поскольку само слово возникло в спортивной среде. К кадровому менеджменту имеет отношение прежде всего корпоративный коучинг, т.е. метод обучения организованному управлению своей деятельностью.

Как отмечается в электронных материалах, коуч помогает каждому сотруднику организации четко определить свои цели и задачи, сконцентрироваться на их достижении и получать результаты за кратчайший срок и с меньшими усилиями. Профессиональный коучинг предполагает сотрудничество, взаимодействие. При этом коуч не решает проблему за человека, он лишь помогает ему найти решение. Следовательно, коуч вовсе не должен быть экспертом в той или иной профессиональной области. Задавая вопросы и активно слушая, коуч помогает сотруднику в анализе его собственных возможностей.

Вокруг слова «коуч» в русском языке группируется целый ряд производных: *коучинг*, *коуч-сопровождение (персонала)*, *коуч-консультант*, *коуч-сессия*, *коуч-форум*; *бизнес-коучинг*, *ABC-коучинг* и др. Употребляются сочетания *школа коучинга*, *стиль коучинг*, *коучинг реализации и*

др. Так, возникнув в российской культуре совсем недавно, данное явление оказалось весьма востребованным, а слово-понятие – концептуально значимым. Следовательно, в нем реализована некая важная для современного человека потребность в психологической поддержке, наставничестве, профессиональном партнерстве.

Проведенный нами анализ на основе статей и рекламных материалов в городских газетах, журналах и на электронных сайтах г. Челябинска позволяет судить не только о новых тенденциях профессиональной коммуникации, но также об открытости средств массовой информации для широкого отражения реальных сторон жизни и профессиональной деятельности жителей современного города.

Список литературы

1. Голованова Е. И. Профессиональная коммуникация через призму языка // Теоретические и прикладные аспекты профессиональной коммуникации: коллект. монография. Челябинск : Энциклопедия, 2010 (в печати).

2. Голованова, Е. И. Словарь актуальных профессий. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2004. 103 с.

3. Епимахова, А. Ю. Межъязыковое заимствование наименований лиц по профессии в когнитивно-коммуникативном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 23 с.

4. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 142–161.

5. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Просвещение, 1968. 208 с.

6. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

7. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М. : Эллис, 2008. 495 с.

М. В. Загидуллина

РУССКАЯ КЛАССИКА В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (РОМАНЫ Б. АКУНИНА «FM» И В. ПЕЛЕВИНА «Т»)

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 09-04-00337а

Статья посвящена сопоставлению двух романов известных писателей. Автор соотносит позиции Акунина и Пелевина в самом отношении к классическому наследию.

Ключевые слова: Акунин, Пелевин, классика, классический пантеон, ремейк.

Пелевин и Акунин относятся к «безусловному» верху сегодняшней массовой литературной культуры, являя собой не только и не столько писателей, сколько жизнестроителей, как свойственно отечественной традиции. Именно поэтому тенденции их творчества имеют такое большое значение для осмысления современного литературного процесса и могут рассматриваться как своеобразные флюгеры, указывающие направление тренда.

Обращение обоих писателей к знаковым фигурам отечественной классики симптоматично. Разумеется, это не единственный пример использования классических текстов в рамках повествований обоих писателей, однако в случае

с обозначенными в теме романами мы имеем дело с замечательным параллелизмом: и Акунин (в 2006 году¹), и Пелевин (в 2009-м²) поставили в центр своего повествования фигуры классических русских писателей первого ряда – Достоевского и Толстого.

Следует отметить, что этих писателей уже с легкой руки Мережковского можно было бы считать культурными героями-близнецами, принесшими в отечественную словесность ослепительный свет прозрения (по Мережковскому, оба они провидцы, Достоевский – провидец духа, а Толстой – плоти). Впоследствии культурная пара «Толстой и Достоевский» превратилась в «Толстоевского» у Набокова, стре-

мещающегося этим уничижительным перевираанием выразить свое презрение к их «идеологии». Однако для нас важнее было бы обратить внимание на саму возможность создания такого гибрида, «тяги-толкая» русской литературы. Высказывание «литература Толстого и Достоевского» может рассматриваться как синекдоха всего понятия «классическая русская литература». Здесь следовало бы добавить, что если Пушкин – «наше все», некая точка отсчета, альфа и омега русской литературы, то Толстой и Достоевский суть его продолжатели и «разъяснители». Возможно, чрезвычайно интересна была бы подборка упоминаний этих двух имен в сегодняшних журналистских текстах именно в значении общего «ярлыка» отечественной классики. На фоне этих «ярлыков» имя Пушкина смотрится как сакральное «все» и «ничто» одновременно. «Толстой» и «Достоевский», напротив, олицетворяют смысл и даже совесть отечественной словесности.

В известной книге «К критике буржуазной художественной культуры XX в.», выпущенной в Москве в 1972 г., в качестве иллюстрации полного падения «их» нравов приводилась реклама коньяка «Хеннесси», где рядом с бутылкой стояли два томика «Войны и мира» на английском языке в дорогах переплетках. Слоган был краток: «The classics». Авторы призывали возмутиться кощунственной параллелью (несмотря на существующую с XIX века в России водку «Пушкин», например). Тем не менее для нас значимо было бы учесть «стандартность», «ожиданность» такого сопоставления именно для западного сознания и вкуса.

Обращение Акунина и Пелевина к этому «западному» набору «русской литературы» представляется вполне ожидаемым: на наш взгляд, это символизирует расчет на успех как у «своего», так и у западного читателя.

В этом расчете можно усмотреть ряд общих моментов, хотя у Акунина весь текст основан на «достоевщине» и «достоевщинке», а у Пелевина оппозиция «Толстой – Достоевский» введена в роман для оттенения личности главного героя – несомненно, связанного прототипически с самим графом Львом Толстым.

Итак, оба «массовых интеллектуальных» писателя обратились к первому ряду отечественного классического пантеона для решения своих художественных задач. И одновременно «прояснили» их суть, создав основания для объединения в новую пару «культурных героев», так сказать, «второго уровня». Акунин

здесь, несомненно, занят исключительно интеллектом, разумом, тогда Пелевина интересуют только метафизические вопросы. Докажем этот тезис подробнее.

Итак, оба автора избрали в качестве заглавий инициалы (инициал) центрального героя произведения. Можно даже сказать, не центрального, а «базового», поскольку классические тексты и их авторы нужны писателям лишь в качестве плацдарма собственного художественного мира. Свернув имя базовой фигуры до двух и даже одной буквы, они продемонстрировали в утрированной форме принцип свертывания информации в ярлык. Напомню, что, согласно теории Н. А. Рубакина, в свою очередь основанной на идеях Эннекена (Геннекена), всякая информация тяготеет к такому сворачиванию, это нормальное свойство памяти, где живут миллионы свернутых энграмм, ждущих определенного стимула, чтобы развернуться в полновесный образ³. Но, произведя такое предельное сворачивание, современные авторы рассчитывают и на обратный процесс: каждый читатель («посвященный») в состоянии развернуть ярлык так широко, как дано именно ему. Другими словами, ярлык обладает потенциалом голограммы (в малом мы видим целое, огромное). Этот голограмматический эффект и использован обоими авторами. И тот, и другой, заняты «достоевизацией» и «толстоевизацией» собственного художественного мира, и в этом процессе каждый демонстрирует удивительную изобретательность. Читатель при этом приглашен к соучастию в этом процессе. И нет сомнений, что расчет на «невежу» сопрягается у Акунина и Пелевина со столь же основательным расчетом на искушенного филолога. Таким образом, мы можем усмотреть еще один «луч обратной перспективы» в их текстах: свернутые в инициальный и даже однобуквенный узел названия дают авторам свободу и от «посвященных», и от «невеж». Писатели сами превращаются в читателей и предлагают свою версию восприятия Толстого и Достоевского. Нет сомнений, что и для того, и для другого «базовый» герой чрезвычайно важен и даже сакрален, он ни в коей мере не является объектом художественной критики. Перед нами ремейк нового типа, даже не ремейк, а именно не-житие, в одном случае, построенное в форме интеллектуального квеста, в другом – в виде путешествия души (и в определенном смысле, квеста духовного).

У обоих авторов важнейшее место в структуре романа занимает *личность* базового героя-

классика. Актуализация личных характеристик чрезвычайно характерна для мифоритуальных практик, которые вообще без персонификации возможными не представляются⁴. При этом Акунин тяготеет, скорее, к десакрализирующей имиджировке, а Пелевин – напротив, к сакрализирующей. Все, что связано с биографическими сведениями о Достоевском в романе Акунина, имеет оттенок скандально-сниженный, многократно утрирует известные факты. Например, тишайший и милейший филолог превращается в развратного мерзкого старичишку, мечтающего о грязном инцесте с собственной дочерью. Здесь нетрудно усмотреть аллюзии к извечным «подозрениям», что Достоевский есть альтер эго своих героев, тайный убийца, развратник и т. д. Создается игра на поле этих домыслов, биографических фантазий, так прочно вошедших в «плоть ярлыка», что освободить от них образ Достоевского в массовом восприятии вряд ли представляется возможным⁵.

Но и Пелевин в своем романе (где Достоевский находится в очевидной оппозиции графу Т.) не избегает того же приема. Достоевский здесь откровенно садистичен (хотя и облагорожен общей высокой задачей). Между тем, в, казалось бы, абсурдном изображении Достоевского героем примитивной компьютерной стрельки («шутера») мы можем усмотреть важные и вполне серьезные интенции автора. В самом деле, Достоевский помещен в пространство игры «Петербург Достоевского», где город предстает в виде вместилища мертвых душ, с которыми и должен сражаться измученный писатель. Водка в качестве антидота необходима ему, поскольку Петербург реально заражен, отравлен радиацией. Основные символы петербургского текста (по В. Топорову) в романе Пелевина предстают в виде «овеществленных метафор», а всевозможные реалии, наоборот, превращаются в знаки и символы. Так, например, Достоевский отличает живых от мертвых по нимбу, который он видит над их головами – и этот желтый нимб одновременно десакрализирует знак святости и «увязает» в теме «желтого цвета», которым маркировано пространство «выморочного» города. Нехитрый ход (Достоевский, набравший достаточное количество «энергии», выпитой из «душ», загадывает желание о друге, которым и оказывается граф Т., Толстой) позволяет Пелевину не только установить сюжетную скрепу, но и напомнить об исторической «невстрече» реальных Толстого и Достоевского. Однако еще более важно, что

Достоевский, попадающий в шикарные покои Победоносцева, смотрится как «шестерка», покорно исполняющая волю «хозяина», впрочем, весьма гуманного, называющего Достоевского «Феденькой» и обращающегося с ним как с душевнобольным.

Если Акунин в своем тексте, обращаясь к образу Достоевского, использует такой прием, как актуализация «трудных» страниц биографии писателя (его страсть к рулетке, проигрыши, долги, безответственность по отношению к семье), то Пелевин последовательно превращает Достоевского в портрет, самый настоящий большой портрет в тяжелой резной раме. Эти два художественные приема противопоставлены один другому. В одном случае писатель стремится «оживить» мифологизированный образ писателя, снять с него «хрестоматийный глянец» посредством включения биографического материала. В другом – глянец этот наводится в самом прямом смысле. Пелевин виртуозно показывает «омертвление» Достоевского, его своеобразное «бронзовение»: оказавшись у Победоносцева, он, собственно, жалуется на собственную «желтизну» (мертвость), а утешения доброго «хозяина» больше похожи на соболезнование. Многократные «зависания» Достоевского с остановившимся и упертым в вечность взглядом, фиксирование профиля, наконец, «деревянные движения» предуготовляют развязку эпизода (граф Т. бросает бомбу и обнаруживает, что лежит рядом с портретом, а никакого Достоевского нет и в помине; впрочем, портрет выполнил роль щита – что можно рассматривать и как своеобразный символ).

Еще более значимой точкой отталкивания двух этих обращений к фигурам отечественных классиков можно считать четкую и почти буквалистски-игровую привязку сюжета Акунина к «Преступлению и наказанию» – по контрасту с ориентированием Пелевина не на литературный сюжет, а не жизнестроительный факт: уход Толстого в Оптину пустынь из Ясной Поляны.

Действие романа Акунина одновременно разворачивается в современной Москве и в Петербурге 1860-х. И «ретросюжет», и современная история представляют собою ремейк романа «Преступление и наказание»; при этом обе линии «сцементированы» по ходу развития действия – подобно «роману в романе» М. А. Булгакова: «ретротекст» разбит на части, которые последовательно попадают в руки главного героя, распутывающего в Москве 2000-х годов

историю неизвестной рукописи Достоевского. Акунин широко использовал литературоведческий антураж, включив в детективное повествование всевозможные научные изыски: описание почерка и рисунков Достоевского, обращение к биографическим данным и переписке писателя, к черновым наброскам и к полному собранию сочинений. Текст романа насыщен реальными ссылками на «первоисточники», а поиск ответа на загадки одного из героев превращается в увлекательное филологическое исследование. Акунин здесь решает две принципиальные задачи: во-первых, он создает стилизацию письма самого Достоевского (якобы автора повести «Теорияка» — одного из черновиков «Преступления и наказания»), во-вторых, пишет современное «Преступление и наказание» — роман о «серийном убийце-идеологе». И в том, и в другом сюжете присутствуют сыщики (к тому же и родственники), которые и поставлены в центр повествования (в отличие от текста Достоевского). Если «Теорияка» написана Акуниным так, чтобы подтвердить его собственный тезис о способности к безупречной имитации любого стиля, то современная часть романа выдержана на границах пастиша — бесконечное нагромождение «постсоветских» штампов и отсылок к образам массовой культуры («рублевская богема», «крутая жизнь», «жизнь по понятиям» и пр.). В современной части повествования есть свои Лужины и Свидригайловы, Сонечки и Раскольниковы. Однако мир этих персонажей многократно перевернут и отражен, чем создается общая карнавальность повествования, усиливающаяся за счет прямой травести: главный герой-убийца переодевается то красной шапочкой, то маленькой девочкой, то японкой; переодевания по ходу романа занимают важное место и в жизни других персонажей. Г. Ребель замечает: «В современных картинках романа мелькают краски злой карикатуры, иронического портрета, юмористической зарисовки, многое узнаваемо или знакомо понаслышке, кое-что очень точно и ядовито сформулировано. Но — нет в современных персонажах «Ф. М.» телесности, теплоты, жизни, нет в их мире объема и глубины, или, пользуясь выражением Достоевского, — воздуха нет, а есть фигурки-муляжи, движущиеся в некоем условном, специально выгороженном пространстве по готовым, заданным маршрутам»⁶. В определенном смысле это и является задачей Акунина-романиста: он пишет не полнокровный роман на века, но интеллектуальную игрушку, которая

— при известном терпении и внимательности — тоже имеет свои особые функции, отличные от функций классического текста. Акунин «обнажает» приемы Достоевского, демонстрирует их механизмы, стараясь показать условность и «театральность» литературной игры. Создавая «картонные муляжи», он приглашает читателя задуматься над мыслью об одухотворении таких «картонностей» с течением времени. Акунин как будто задается вопросом, не являлись ли «полицейские» страницы романов Достоевского такой же данью читательскому поверхностному вкусу, как и сегодняшние детективные сюжеты. И тогда открывается возможность взглянуть на творчество Достоевского глазами его современников — и одновременно возможность для Акунина продемонстрировать условность и узость любых оценок, в том числе и критики его собственных творений. Если Акунин может создать имитацию «подлинника» Достоевского (а повесть «Теорияка» насыщена большими фрагментами окончательного текста «Преступления и наказания», плавно и без видимых «скреп» перетекаемых в «акунинские» фрагменты сюжета), то он не «хуже» (равен) великому писателю. Эта стратегия текста одновременно интеллектуальна и дерзостна; но суть игры Акунина с читателем заключается в постоянной цепочке провокаций.

По мнению критиков, «многоуровневые» игры с читателем позволяют Акунину добиться повышения интереса к «качественной» литературе. Г. Ребель отмечает: «Книги писателя Акунина, который по совместительству является “филологом-расстригой” Г. Ш. Чхартишвили, пронизаны “отсветом чудесного сияния” великой литературы — это один из секретов их успеха и одновременно один из шансов для нее самой не перейти в разряд элитарной пищи для избранных и музейной реликвии для большинства, а остаться живой собеседницей и активной соучастницей длящегося, вопреки усилиям многочисленных “бесов”, процесса бытия. Так что, пожалуй, не только Акунину нужен Ф. М., но и Достоевскому нужен Акунин»⁷.

Однако стоит заметить, что, возможно, это поверхностное мнение. Если идти глубже, то, несомненно, Акунин находится в поисках достойной «базы», в определенном смысле, конъюнктурной. Что же касается Пелевина, то он устремлен в поиски разных оболочек для выражения одной и той же своей основной идеи: мир сочиняется нами, а не предлагается нам извне. Бессовестные «писатели» истории про

графа Т., о которых мы узнаем от циничного Ариэля, «внагую» вертят графом в угоду главной задаче – «отбить бабло». Получив эту информацию, граф Т. все свои силы тратит на преодоление зависимости от «авторов». Если Акунин шел по пути включения в текст литературоведческих штудий, достижений достоевсковедения, то Пелевин выбрал в качестве альтернативной «материи» философские концепции, возможно, близкие воззрениям на проблему автора и героя М. М. Бахтина. Здесь идет мучительная борьба между героем, претендующим (как и любой *реальный* человек) на статус самостоятельного лица (то есть автора собственной жизни), и этим же героем, осознающим себя марионеткой в чужих руках. *Natura naturans* бунтует против *natura naturata*, и Пелевин не собирается облегчать герою эту задачу – ведь на место героя читатель должен подставить себя самого. Интересно, что в один из драматических моментов граф Т. испытывает прозрение: «...найти читателя в себе. Как это интересно... Как необычно. И как точно, как глубоко! Замечательная метафора... Читателя невозможно увидеть... Но что тогда означает стать читателем?»⁸

Победа читателя над всеми другими формами «я» в повествовании Пелевина обозначена в этом романе наиболее прозрачно. Это самая настоящая философия, где читатель – единственное существо, в сознании которого и «бытует» (живет) созданный автором текст. Переворачивая известные формулы «творения», Пелевин обнаруживает бессмертность классики «методом от противного». Ницше, которого воображает граф Т., никогда не узнает о том, что именно это воображение и происходит, но это не мешает Ницше существовать только в сознании графа Т.

Несомненно, можно усмотреть в самой идейной конструкции романа Пелевина прямой выпад против теории Пьера Бурдьё, который

еще в 1982 году в статье «Поле литературы»⁹ решительно восстал против «наивных» попыток исследовать индивидуальное авторство. Пафосом Бурдьё было доказательство тезиса об авторе как своеобразной «равнодействующей» всех тех скрестившихся в литературном поле сил, которые и обеспечили автору ту или иную позицию. Прямой иллюстрацией к этой статье можно считать всю линию Ариэля в романе Пелевина. Но, согласно авторскому замыслу, Ариэль посрамлен прозревшим героем, который (возможно), наконец обнаруживает в себе читателя – высшего творца, в сознании которого и живет маленькая букашка – «словно крохотный зеленый человечек молится солнцу сразу двумя парами рук».

Примечания

¹ Акунин, Б. Ф. М. : роман Т. 1–2. М. : ОЛМА Медиа Групп : ОЛМА ПРЕСС, 2006.

² Пелевин, В. О. Т : роман. М. : Эксмо, 2009.

³ Рубакин, Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М.; Л. : ГИЗ, 1929. С. 157–161.

⁴ Загидуллина, М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001.

⁵ Загидуллина, М. В. Достоевский глазами соотечественников // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» : современное состояние изучения : сб. работ отечественных и зарубежных ученых / под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2001. URL : <http://komdost.narod.ru/zagid.htm>.

⁶ Ребель, Г. Зачем Акунину Ф. М., а Достоевскому – Акунин? // Дружба народов. 2007. № 2. С. 201–210.

⁷ Там же. С. 210.

⁸ Пелевин, В. О. Т. М., 2009. С. 159.

⁹ Бурдьё, П. Поле литературы : пер. с франц. // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.

Л. А. Месеняшина

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В статье представлено краткое описание сущности концепции Школы диалога культур, описываются различия между диалогами разных культурологических типов и обсуждаются возможности применения этой концепции к образовательному процессу в высшей школе в условиях перехода к компетентностному подходу в обучении.

Ключевые слова: диалог, Школа диалога культур, образовательный процесс, учебная деятельность.

В связи с переходом к Болонской системе образования перед отечественной высшей школой, в ряду многочисленных новых задач, была поставлена задача формирования компетентностного подхода к учебному процессу в вузе. И если с тремя составляющими подлежащих формированию компетенций (знания, умения, навыки) проблем не возникло, то последняя составляющая – личностные качества оказалась вызывающей многочисленные разногласия. Не претендуя на исчерпывающее решение проблемы формирования личностной составляющей профессиональных компетенций, настоящие размышления содержат некоторые предложения по решению этой проблемы.

Эти предложения связаны с концепцией Школы диалога культур (ШДК). Данная концепция предполагает, что потребностям культуры рубежа второго и третьего тысячелетий, отвечает философия диалога, связанная с именами таких мыслителей, как М. Бубер, Ф. Розенцвейг и, возможно в первую очередь, – М. М. Бахтин. Эта философия, характерная для науки и культуры новейшего времени, пока недостаточно используется в педагогическом процессе. Между тем авторы концепции полагают, что идея множественности логик, множественности типов культурного понимания людьми XXI века должна вырабатываться уже в средней школе. Образовательные модели такого рода направлены на обучение не репродукции, а созданию смыслов и интерпретации их, иными словами на формирование не столько знаний, сколько умений по их приобретению, использованию и корректировке. Новизна ШДК (в несколько огрубленном виде) определяется следующими позициями.

1. Человеческая деятельность носит самоустраемленный характер, т. е. человек через орудия и продукты своего труда познает самого себя.

2. Цель человеческой деятельности не в будущем, но в настоящем. В настоящем же формируются и изменяются цели человека.

3. Деятельность не совпадает с ее субъектом, т. е. человек не исчерпывается своей деятельностью.

4. Познающий человек преобразует действительность для понимания ее, а не понимает действительность для преобразования ее. Смысл этой деятельности – в актуализации бесконечных возможностей понимания при сознании того, что удастся актуализировать лишь некоторую часть этих возможностей.

Сложилась эта концепция в конце прошлого века и зарекомендовала себя как эффективная парадигма начального и среднего образования [3. С. 7–14] и др. Вопрос о применимости этой парадигмы к задачам высшей школы длительное время не поднимался, именно потому, что традиционно жесткие рамки последней не благоприятствовали методологическим экспериментам в этой сфере. Реформирование системы высшего образования в нашей стране может рассматриваться (и, не будем скрывать, многими рассматривается) как разрушение достижений советской высшей школы. И оно будет таковым, если наша высшая школа, «задрвштаны», побежит догонять европейскую. Но ведь разрушение может стать базой и для созидания на основе наших собственных разработок. Концепция ШДК принадлежит к числу именно таковых.

Учебная деятельность в ШДК ставит перед собой следующие задачи.

1. Закрепление (а не преодоление) прошлого опыта учащегося.

2. Укоренение (а не снятие) возрастных и культурных типов сознания учащегося (в том числе детского, отроческого, юношеского), но в культурной форме спора с другими участниками внутреннего процесса мышления.

3. Воспроизведение диалога разных культурных типов учебной деятельности.

4. Формирование «ученого незнания», т. е. современного представления о знании как о системе вопросов.

5. Формирование осознания различий между пониманием предмета, характерным для той или иной эпохи, и реальным предметом, лишь частично ассимилируемым познающим субъектом.

6. Осознание специфики понимания, присущей разным культурам. При этом навыки, приобретаемые обучающимися, выступают в качестве следов и «представителей» тех или иных культур.

Пути реализации концепции [1, 2, 4, 6] состоят в развитии четырех способностей учащегося: 1) способности понимания, 2) способности непонимания, 3) способности остановиться перед началом деятельности, 4) способности изменить свою деятельность.

В результате к моменту окончания учебного заведения, в соответствии с замыслом, должен сформироваться, по выражению В. С. Библера, человек Учащий-Ся, т. е. личность, способная продолжать процесс самостоятельного обуче-

ния в течение всей жизни обладающая такими качествами, как:

- высокий уровень любознательности;
- высокий уровень креативного отношения к действительности;
- умение решать задачи нестандартного характера;
- высокий уровень развития речи, как устной, так и письменной;
- высокий уровень культуры мышления и навыков умственного труда;
- высокий уровень эстетических запросов, способностей и умений;
- высокий уровень личной ответственности за свои слова и поступки;
- преодоление склонности к стереотипному мышлению и консерватизму во всех сферах деятельности.

Как видим, это именно те личностные качества, которые необходимы современному выпускнику вуза.

В средней школе для этого учебный процесс строится таким образом, который позволяет учащимся не «усваивать» достижения культуры (и нововременной науки – как это принято в современной традиционной школе), а «проживать» тип мышления, свойственный их возрасту, и тем самым «проигрывать» тип мышления, свойственный определенной культуре. При этом создаются условия для того, чтобы наиболее характерные достижения каждой из этих культур (вычисление площади геометрических фигур, разработка разных систем письма, предположение и возможности множественности логик и т. п.) дети могли выработать самостоятельно. Но у студентов для этого нет ни времени, ни необходимости. Кроме того, в вузе требуется гораздо больше времени на приобретение студентом т. н. «положительных знаний». Что же из практики ШДК возможно и целесообразно в вузе?

Остановимся на задаче, связанной с формированием «ученого незнания». Она актуальна, во-первых, в плане формирования общепрофессиональных компетенций, а во-вторых, этот подход обеспечит студентам познавательную мотивацию, уравнив их с преподавателем в позиции соавторства в стремлении к поиску решения проблемы. Ну, а то, что свежий взгляд студента в такой ситуации действительно может подсказать неожиданный взгляд на проблему и перспективы ее решения, это хорошо известно любому имеющему мало-мальский опыт научно-педагогической работы.

Что касается задачи воспроизведения диалога разных культурных типов учебной деятельности, то в практике вузовского образования это означает следующее. Воспроизведение диалога разных культурных типов учебной деятельности предполагает, что в соответствии с конкретными задачами ведущей деятельности в учебном процессе могут комбинироваться разнообразные принятые в культуре типы диалогов, среди которых наиболее важными, *формирующими*, по выражению авторов этой классификации С. Ю. Курганова и В. Ф. Литовского, можно условно назвать: а) учебный сократический диалог; б) учебный галилеев диалог; в) учебный диалог Брехта, а также схоластический, и возрожденческий диалоги. Эти ученые отмечают, анализируя диалог культур XX века как основу и внутренний нерв учебного диалога, что каждый исторический диалог вносит в диалог культур XX века с свою лепту:

1. Сократический диалог – «поставляет» форму, фиксирует особую позицию Знающего, противопоставляет ее позиции Ученика. Этот тип диалога задает диалогу культур (а, значит, и учебному диалогу) особую цель – посредством общения со Знающим стать на его позицию.

2. Схоластический диалог, диалог Схолии, по замечанию В. С. Библера, антитетичный по своей природе, формирует особую роль знания в целом и задает жесткие, социально детерминированные ритуальные формы и нормы овладения знанием.

3. Возрожденческий диалог задает коллектив как субъект познания, вырабатывает технологию вживания в знание как в роль.

4. Галилеев диалог, цель которого, по замечанию В. С. Библера, *образование*, т. е. деятельность, позволяющая в ограниченные сроки усвоить основные знания, выработанные предыдущими этапами развития общества, – задает установку на конечный продукт, на использование знания как производительной силы, как способа практической деятельности.

5. Диалог Брехта определяет позицию Знающего, включает его и – через него – познающий коллектив Учеников в диалог культур. Знающий постоянно не тождественен тому, чему он учит.

Роли-позиции участников диалога задаются его логикой. Но роль-позицию участник должен превратить в роль-образ (вспомним персонажи диалогов Галилея: это не просто ходячие позиции, а именно блестящие

научно-художественные образы). Для успешного развертывания внешнего образа в диалоге учащемуся необходим внутренний образ, реализующийся во внутреннем монологе. Образ в диалоге реализуется, осуществляется в слове-реплике, внутренний образ – это образ без слов, точнее, реализующийся в плане собой, внутренней речи. Овладение внутренним образом – это вживание в образ – предпосылка игры-культуры и вместе с тем ее продукт.

Важно помнить, что все эти типы диалогов сосуществуют в учебном процессе, поскольку каждый из них решает свою задачу и, в конечном счете, комплекс таких диалогов обеспечивает ожидаемый результат. Как видим, диалогический принцип предусматривает разнообразные приемы работы, от традиционного практического занятия до научной конференции, от игры до театра, позволяющие сформировать в итоге не только профессионально необходимые личностные качества, но и так называемые положительные знания, умения и навыки.

При культурологическом подходе к образовательному процессу непонимание становится не признаком неготовности к диалогу, а признаком активной культурологической позиции участника, и стремление каждого из участников диалога к решению проблемы оказывается уже не мнимой, как в игре (по Л. С. Выготскому), а вполне реальной ситуацией.

На разных этапах учебного процесса этот диалог может принимать разные формы. На семинаре это может быть обсуждение «вечных» вопросов, ответы на которые разнятся в зависимости от преобладающего в той или иной культурной эпохе способа мышления. На лекции – особый способ изложения истории вопроса. Обычно эта часть лекции принимает форму либо «перечня компании двоечников» (см. «Доживем до понедельника»), либо, в лучшем случае, в лучших гегелевских традициях в виде «отрицания отрицания», где в качестве синтеза выступает концепция лектора. Но этот обязательный раздел лекции может показать не только историю заблуждений и поиска осязную пути к решению проблемы, но и смену парадигм понимания предмета исследования, способов постановки задач и путей их решения, показать смену логик, продемонстрировав на практике студентам, как можно понимать чужую логику, не профанируя ее.

При изучении спецдисциплин – это включение в программу вопросов, заведомо не имеющих однозначного решения. При обсуждении

вопросов, требующих высокого уровня абстрактного мышления – обязательная организация «межполушарного диалога», стимулирование студентов к самостоятельному перекодированию полученной отвлеченной информации («Нарисуйте, как вы это себе представляете»), и напротив: «Попробуйте сформулировать дефиницию», – если студент ограничивается лишь конкретными примерами.

Многолетний опыт преподавателей кафедры русского языка ЧелГУ, в течение последних десятилетий активно участвовавших в совершенствовании и углублении концепции ШДК сперва в средней школе, а затем и в высшей, – подтверждает эффективность этой концепции для любого звена образования.

Следует, однако, помнить главное: ШДК – это не технический прием, не методика и не технология. Это новая парадигма образования, значительно меняющая задачи преподавателя, и главное – его самопонимание. Парадокс состоит в том, что преподаватель-диалогист не превращается в некое всепонимающее высшее существо, не возражающее студенту, какой бы игре воображения он ни предавался (а как же, диалог ведь!). Нет, парадигма ШДК вовсе не отрицает позиции средневекового мэтра, чье слово не обсуждается, и нововременного картезианца, убежденного в единственности истины, и марксиста, для которого практика – критерий истины. Но – педагог не должен исчерпываться не только одним, но даже всеми этими образами. Он должен включать их в себя в виде участников образовательного диалога, в виде собственных ипостасей, актуализирующихся по мере необходимости. Он может включать себя позицию восточного гуру, учителя жизни, и древнего учителя нравственности... Он только не может срастись ни с одним из этих образов.

Отсюда следует, что осознание культурной неоднородности современного образовательного процесса позволит возратить ему культурную целостность, однако уже не в виде беспорядочного смешения фрагментов разных культур, но в виде организованного диалога культур. Итак, мы видим, что понимание образовательного процесса как диалога культур имеет значительные перспективы не только для средней, но и для высшей средней школы, поскольку, компетенции, формируемые таким путем, отвечают потребностям современного образования в целом.

Список литературы

1. Берлянд, И. Е. Игра как феномен сознания. Кемерово : «Алеф» Гуманитарный центр, 1992. 96 с.
2. Берлянд, И. Е. Учебная деятельность в школе развивающего обучения и в школе диалога культур // Дискурс. 1997. № 3–4. С. 117–142.
3. Берлянд, И. Е. Математика в Школе диалога культур / И. Е. Берлянд, С. Ю. Курганов. Кемерово : «Алеф» Гуманитарный центр, 1993. 64 с.
4. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры : Два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1990. 413 с.
5. Библер, В. С. Самостоянье человека. «Предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово : «Алеф» Гуманитарный центр, 1993. 94 с.
6. Библер, В. С. Еще один диалог Монолога с Диалогиком // Архэ : Культурологический семинар. Вып. 1. Кемерово : «Алеф» Гуманитарный центр, 1993. – С.9-70.
7. Курганов, С. Ю. Начальная и подростковая Школа диалога культур // Архэ : Труды культурологического семинара. Вып. 4. М., 2005. С. 317–352.
8. Курганов, С. Ю. Фрагменты эстетического общения в античных классах Школа диалога культур // Архэ : Культурологический семинар. Вып. 1. Кемерово : «Алеф» Гуманитарный центр, 1993. С. 402–421.
9. Курганов, С. Ю. Учебний діалог як форма навчання / С. Ю. Курганов, В. Ф. Литовский // Психологія. Вып. 22. Киев : Радянська школа, 1983. С. 47–52.
10. Литовский, В. Ф. Проблемы формирования письменной речи / Л. А. Месеняшина, Р. А. Панова. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2000. 201 с.
11. Панова, Р. С. Роль диалогов с культурологической доминантой в онтогенезе письменной речи // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. № 13 (151). С. 96–100.
12. Росийчук, Т. А. Образные компоненты в структуре становления письменной речи детей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Киев, 2004.
13. Хохловская, О. Г. Преподавание родного языка в Школе диалога культур : методические материалы. Челябинск, 2002.
14. Мединцев, В. А. Диалогическая интерпретация музыкальной активности ребенка : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Киев, 2005.

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ГОССТАНДАРТУ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ (ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ 031300 ЖУРНАЛИСТИКА (КВАЛИФИКАЦИЯ «БАКАЛАВР»))

Подготовлен М. В. Загидуллиной

Согласно приказу Министерства образования и науки РФ от 21 декабря 2009 года № 775, зарегистрированному в Минюсте РФ 9 февраля 2010 г. за номером N 16332, утвержден и введен в действие Госстандарт подготовки журналистов третьего поколения.

Представляется целесообразным предложить вниманию педагогов высшей школы своеобразный путеводитель по тексту этого документа. Целесообразность таких пояснений определяется принципиальной новизной самого подхода к организации учебного процесса, предлагаемого министерством. В основе этого подхода – компетенции, и каждому преподавателю предстоит внимательно разобраться сутью этого нововведения.

Прежде всего, вводится кредитная система определения трудоемкости основной образовательной программы.

Таблица 1

Сроки, трудоемкость освоения ООП и квалификация
(степень) выпускника

Наименование ООП	Квалификация (степень)		Нормативный срок освоения ООП, включая последипломный отпуск	Трудоемкость (в зачетных единицах)
	код в соответствии с принятой классификацией ООП	наименование		
ООП бакалавриата	62	бакалавр	4 года	240 <*>

<*> Одна зачетная единица соответствует 36 академическим часам.

<*> Трудоемкость основной образовательной программы по очной форме обучения за учебный год равна 60 зачетным единицам.

Нетрудно определить, что общее количество часов на освоение программы – 8640 часов; каждый учебный год – 2160 часов. В неделю нагрузка студентов-бакалавров не должна превышать 54 часа всех видов деятельности. Напомним, что согласно предыдущему стандарту (специалитет) подготовка (вместе с практикой) занимала 11 232 часа. Даже если учесть, что предыдущий стандарт рассчитан был на пять лет, мы можем видеть общее сокращение часов подготовки: учебный процесс становится менее интенсивным, хотя и Госстандарт второго поколения предусматривал общую нагрузку студентов в неделю не более 54 часов.

Госстандарт предлагает следующие базовые характеристики профессиональной деятельности бакалавров:

– Область профессиональной деятельности бакалавров по направлению подготовки 031300 Журналистика включает: средства массовой информации (газеты, журналы, телевидение, радиовещание, информационные агентства, интернет-СМИ) и смежные информационно-коммуникативные сферы (издательства, пресс-службы, рекламные и PR-агентства (связи с общественностью)).

– Объектами профессиональной деятельности бакалавров по направлению подготовки 031300 Журналистика является массовая информация, передаваемая по различным каналам СМИ, адресованная различным аудиторным группам.

В профессиональном сообществе уже возникли споры по поводу соединения в области профессиональной деятельности журналиста пиара и рекламы. На журфаках страны идет последовательное «размежевание» с этими видами деятельности. Тем не менее, Госстандарт третьего поколения настаивает на обязательной подготовке студентов к деятельности в этих областях.

Характеризуя профессиональную деятельность бакалавров-журналистов, Госстандарт предлагает следующие виды деятельности и их наполнение:

1) авторская деятельность – создание материалов для различных типов и видов СМИ с учетом их специфики. Включает:

выбор и формулирование актуальной темы публикации, предназначенной для размещения в газете, журнале, на информационной ленте, в теле-, радиоэфире, интернет-СМИ, формирование замысла (или сценарной разработки), определение дальнейшего хода работы;

сбор информации (работа с источниками информации с помощью разных методов), ее проверка, селекция и анализ;

создание материала с использованием различных знаковых систем (вербальной, фото-, аудио-, видео-, графической) и в разных форматах и жанрах;

2) редакторская деятельность – приведение предназначенных для размещения в газете, журнале, на информационной ленте, в теле-, радиоэфире, интернет-СМИ материалов в соответствие с языковыми нормами, профессиональными стандартами, форматами, стилями, технологическими требованиями, принятыми в СМИ разных типов. Предполагает:

отбор, редактирование разных видов текстов (печатных, аудио-, видео-), приведение их в соответствие с нормами, стандартами, форматами, стилями, технологическими требованиями, принятыми в СМИ разных типов;

селекция, редактирование, компоновка ретранслируемой информации, получаемой из Интернета, поступающей от информационных агентств, других СМИ, органов управления, аудитории (письменные и устные обращения), служб изучения общественного мнения, PR-служб и рекламных агентств;

3) проектно-аналитическая деятельность – участие в разработке и коррекции концепции СМИ, определении их формата, в программировании, планировании редакционной деятельности и анализе ее результатов, разработка авторских проектов, планирование своей собственной работы. Состоит из следующих элементов:

сбор и анализ предварительной информации, необходимой для разработки медиапроекта;

участие в разработке и коррекции концепции СМИ, их модели, формата, разработка авторского проекта;

участие в текущем планировании деятельности СМИ и планирование собственной работы;

участие в коллективном анализе деятельности СМИ и анализ результатов собственной работы (профессиональная рефлексия);

4) организационно-управленческая деятельность – участие в соответствии с должностным статусом в организации работы СМИ, его подразделений, творческих коллективов. Предполагает:

участие в организации работы различных подразделений СМИ (в соответствии с должностными обязанностями);

участие в продвижении медиапродукта на информационном рынке, обеспечение его информационно-рекламной поддержки;

5) социально-организаторская деятельность – привлечение к сотрудничеству со СМИ представителей различных сегментов общества, организаций, учреждений и взаимодействие с ними. Включает решение следующих задач:

привлечение к сотрудничеству со СМИ представителей различных сегментов общества (словес и групп населения, экспертов, работников государственных, общественных организаций) для обеспечения баланса интересов и мнений в контенте СМИ;

работа с редакционной почтой;

участие в организации социально значимых общественных обсуждений, дебатов;

участие в организации «внетекстовых» редакционных акций, социальных проектов (общественно-политических, экологических, благотворительных, развлекательных);

организация интерактивного общения с аудиторией, установление информационно-коммуникативных связей на базе различных медийных средств и новейших информационных технологий;

6) производственно-технологическая деятельность - участие в производственном процессе выпуска издания, теле-, радиопрограммы, интернет-СМИ на базе современных технологий. Задачи:

подготовка медиапродукта к печати, выходу в эфир в соответствии с технологическими стандартами разных каналов передачи информации;

участие в процессе производства и выпуска печатного и интернет-издания, теле-, радиопрограммы (верстке номера или программы, монтаже аудио-, видеоматериала) в соответствии с технологическим циклом и на базе современных технологий.

Для реализации комплекса этих задач выпускник бакалавриата должен обладать рядом компетенций, которые в стандарте разделены на две группы: общекультурные и профессиональные. Текст Госстандарта организован так, что каждый блок дисциплин должен обеспечивать ту или иную компетенцию как совокупность знаний, умений и навыков. Вначале в Госстандарте перечислены все типы компетенций (19 общекультурных и 58 профессиональных. Думается, что каждому преподавателю было бы важно ознакомиться с их полным перечнем.

Общекультурные компетенции (ОК), которыми должен обладать выпускник:

социально-личностными:

готовность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия, руководствоваться ими в профессиональной деятельности (ОК-1);

способность понимать движущие силы и закономерности исторического процесса; место человека в историческом процессе, политической организации общества, использовать это знание в профессиональной деятельности (ОК-2);

способность понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы (ОК-3);

культура мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь (ОК-4);

понимание значения гуманистических ценностей для сохранения и развития современной цивилизации; готовность принять нравственные обязанности по отношению к окружающей природе, обществу, другим людям и самому себе, готовность руководствоваться ими в своей профессиональной деятельности (ОК-5);

готовность к социальному взаимодействию на основе принятых в обществе моральных и правовых норм, уважение к человеческой личности, толерантность к другой культуре; способность руководствоваться морально-правовыми нормами в профессиональной деятельности (ОК-6);

умение использовать нормативные правовые документы в своей деятельности (ОК-7);

способность видеть и реализовать перспективу своего культурно-нравственного и профессионального развития, расширять кругозор, обновлять знания, готовность к постоянному саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства, способность к саморефлексии, осмыслению своего социального и профессионального опыта (ОК-8);

понимание социальной значимости своей будущей профессии, высокая мотивация к выполнению профессиональной деятельности (ОК-9);

способность к социальной и профессиональной адаптации, социальной и профессиональной мобильности (ОК-10);

готовность и способность работать в коллективе, творческой команде (ОК-11);

владение средствами самостоятельного, методически правильного использования методов физического воспитания и укрепления здоровья, готовность к достижению должного уровня физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (ОК-12);

общенаучными:

способность основываться на базовых знаниях в области общегуманитарных наук (философия, культурология, история) в процессе формирования своего мировоззрения, понимать проблемы взаимоотношений общества и человека, взаимосвязь свободы и ответственности, значение нравственного и ценностного выбора, расширять свой кругозор в контексте полученного культурологического знания; умение использовать гуманитарные знания в своей социальной и профессиональной деятельности (ОК-13);

способность использовать знания в области социальных и экономических наук (социология, политология, психология, социальная психология, правоведение, экономика) для понимания принципов функционирования современного общества, социальных, экономических, правовых, политических, психологических механизмов и регуляторов общественных процессов и отношений, способность анализировать социально значимые проблемы и процессы, умение использовать получен-

ные знания в контексте своей социальной и профессиональной деятельности (ОК-14);

способность использовать знания в области естественнонаучных дисциплин, базироваться на принципах научного подхода в процессе формирования своих мировоззренческих взглядов, касающихся взаимоотношений человека с окружающей средой и проблем безопасности жизнедеятельности и умение использовать естественнонаучные знания в своей социальной и профессиональной деятельности (ОК-15);

способность понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны (ОК-16);

инструментальными:

свободное владение нормами и средствами выразительности русского (и родного - национального) языка, письменной и устной речью в процессе личностной и профессиональной коммуникации, при подготовке журналистских публикаций (ОК-17);

умение пользоваться изученными иностранными языками в личностной и профессиональной коммуникации, для чтения литературы (общей и профессиональной), работы в Интернет-сети (ОК-18);

способность ориентироваться в современной системе источников информации в целом и по отдельным отраслям знаний и сферам общественной практики, знание и умение владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, умение использовать различные программные средства, базы данных, работать в Интернете и использовать его ресурсы, пользоваться поисковыми системами, работать с информацией в глобальных компьютерных сетях (ОК-19).

Профессиональные компетенции (ПК), которыми должен обладать выпускник:

общефессиональными:

понимание социальной роли и общественной миссии журналистики и журналиста в демократическом обществе, функций и принципов СМИ в контексте социальных потребностей, исторического и современного опыта отечественных и зарубежных СМИ (ПК-1);

понимание смысла свободы и социальной ответственности журналистики и журналиста, их взаимосвязи, важности обеспечения информационной безопасности общества (ПК-2);

ориентация в основных мировых тенденциях развития медиаотрасли, (содержательных и технологических), понимание процессов конвергенции, осведомленность в области важнейших инновационных практик в сфере массмедиа, в том числе понимание процессов конвергенции (ПК-3);

понимание сущности журналистской профессии как социальной, информационной, творческой, ее базовых характеристик, социальных ролей журналиста, качеств личности, необходимых для ответственного выполнения профессиональных функций (ПК-4);

знание основных этапов и процессов развития отечественной литературы и журналистики, понимание значения их опыта для практики современных российских СМИ (ПК-5);

знание основных этапов и процессов развития зарубежной литературы и журналистики, понимание значения их исторического и современного опыта для практики российских СМИ (ПК-6);

понимание базовых принципов формирования системы СМИ, представление об основных организационных формах медиаиндустрии (издательские дома, медиахолдинги, акционерные общества), ориентация в современных реалиях функционирования системы СМИ в России, а также в ее инфраструктуре (ПК-7);

знание общих и отличительных черт различных средств массовой информации (печать, телевидение, радиовещание, информационные агентства, интернет-СМИ, мобильных медиа), их типов и видов, базовых типологических признаков (ПК-8);

знание основных принципов разработки концепции медиапроекта (издания, программы, полосы, рубрики), в том числе моделирования и дизайна, а также методов их анализа и коррекции, видов планирования в СМИ (ПК-9);

базовые знания в различных сферах жизни общества (экономика, политика, право, культура, экология, наука, образование, здравоохранение), которые являются объектом освещения в СМИ и с которыми связано тематическое содержание публикаций (ПК-10);

знание основ международного гуманитарного права, правовых норм, регулирующих функционирование СМИ в России, в том числе прав и обязанностей журналиста, авторского права (ПК-11);

понимание значения этических ориентиров и регуляторов журналистской деятельности, знание основных российских и международных документов по профессиональной этике (ПК-12);

ориентация в важнейших политических процессах, происходящих в мире и стране, знание характеристик политической системы России, функций различных политических институтов, понимание роли политики и институтов гражданского общества в функционировании СМИ и политологического знания для журналиста (ПК-13);

ориентация в актуальных проблемах страны, важнейших направлениях ее развития, знание основных тенденций формирования социальной структуры современного общества (особенностей процесса стратификации), представление о составе населения России (ПК-14);

понимание роли аудитории в процессе потребления и производства массовой информации, представление об основных характеристиках аудитории современных российских СМИ, знание основных методов ее изучения (ПК-15);

понимание социального смысла участия различных сегментов общества в функционировании СМИ, знание основных форм организации общественного участия; понимание природы и роли общественного мнения, представление об основных методах изучения и взаимодействия с ним, знание правил использования результатов опросов общественного мнения в редакционной работе и журналистских публикациях (ПК-16);

ориентация в психологических и социально-психологических аспектах функционирования СМИ и работы журналиста (ПК-17);

представление об основных экономических регуляторах деятельности СМИ в условиях рыночных отношений (процессах и источниках формирования бюджета медиапредприятий, их финансовой и ценовой политике) (ПК-18);

знание базовых принципов формирования организационной структуры современной редакции (редакционного комплекса), основных функций сотрудников различного должностного статуса, углубленно - круга обязанностей корреспондентского корпуса (ПК-19);

знание основ менеджмента в СМИ (ПК-20);

понимание сущности журналистской деятельности как многоаспектной, включающей подготовку собственных публикаций и работу с другими участниками производства текстов СМИ (привлекаемыми авторами, аудиторией); индивидуальную и коллективную деятельность; текстовую и внетекстовую работу (проектную, продюсерскую, организаторскую) (ПК-21);

осведомленность о базовых отечественных и зарубежных профессиональных стандартах работы журналиста (ПК-22);

знание принципов работы с источниками информации и методов ее сбора (интервью, наблюдения, работы с документами), селекции, проверки и анализа, а также методов прецизионной (точной) журналистики (ПК-23);

знание возможностей электронных баз данных, методов работы с ними, способов участия в их создании (ПК-24);

знание особенностей массовой информации, задач и методов, технологии и техники процесса создания журналистских публикаций, понимание их содержательной и структурно-композиционной специфики (ПК-25);

знание основных требований, предъявляемых к информации СМИ (точность, достоверность, наличие ссылок на источники, разграничение фактов и мнений, плюрализм в представлении точек зрения) (ПК-26);

углубленное знание особенностей новостной журналистики и представление о специфике других направлений (проблемно-аналитическая, исследовательская, художественно-публицистическая журналистика) (ПК-27);

осведомленность о наиболее распространенных форматах печатных изданий, теле-, радио-программ, интернет-СМИ, ориентация в современной жанровой и стилиевой специфике (ПК-28);

знание методов редактирования текстов СМИ, основанных на использовании новых технологий (ПК-29);

знание фонетических, лексических, грамматических, семантических, стилистических норм современного русского языка в целом и особенностей их применения в практике современных СМИ (ПК-30);

знание иностранного языка и умение применять его в связи с профессиональными задачами (ПК-31);

знание особенностей работы в условиях мультимедийной среды и конвергентной журналистики, методов и технологии подготовки медиапродукта в разных знаковых системах (вербальной, аудио-, видео-, фото-, графика) (ПК-32);

ориентация в современных тенденциях дизайна и инфографики в СМИ (ПК-33);
знание современной технической базы и новейших цифровых технологий, применяемых в печати, на телевидении, в радиовещании, интернет-СМИ и мобильных медиа (ПК-34);
знание основ публичных рилейшнз в сфере СМИ (ПК-35);
знание основ рекламной деятельности в СМИ (содержательный, правовой и экономический аспекты) (ПК-36);
представление о технологии текстового и внетекстового продвижения публикаций СМИ (ПК-37);
знание основ организации научного исследования в сфере журналистики (ПК-38);

профессиональными методико-технологическими компетенциями по видам деятельности:

на основе полученных теоретических знаний, касающихся различных аспектов функционирования СМИ и журналистской деятельности, знакомства с современной редакционной отечественной и зарубежной практикой в связи с необходимостью выполнения различных видов редакционной работы и соответствующими задачами бакалавр должен обладать следующими методико-технологическими, практическими компетенциями – навыками, умениями;

журналистская авторская деятельность:

выбирать и формулировать актуальную тему материала, сформировать замысел (или сделать сценарную разработку), определять дальнейший ход работы (ПК-39);

собирать необходимую информацию (работать с источниками информации, применять разные методы), осуществлять ее проверку, селекцию и анализ (ПК-40);

оперативно готовить материал с использованием различных знаковых систем (вербальной, фото-, аудио-, видео-, графической) в зависимости от типа СМИ, в различных жанрах, форматах для размещения на различных мультимедийных платформах – печатных, вещательных, онлайн-вых, мобильных (ПК-41);

редакторская деятельность:

редактировать печатный текст, аудио-, видео- или интернет-материал, приводить его в соответствие с нормами, стандартами, форматами, стилями, технологическими требованиями, принятыми в СМИ разных типов (ПК-42);

осуществлять селекцию, редактирование, компоновку, перепакетирование и ретрансляцию информации, получаемой из Интернета или поступающей от информационных агентств, других СМИ, органов управления, служб изучения общественного мнения, PR- и рекламных агентств, аудитории (ПК-43);

проектно-аналитическая деятельность:

осуществлять сбор, анализ предварительной информации, необходимой для разработки медиапроекта (ПК-44);

участвовать в разработке и коррекции концепции СМИ (издания, канала, передачи), его модели, формата, разрабатывать авторский медиапроект (ПК-45);

принимать участие в текущем планировании деятельности СМИ и планировать собственную работу (ПК-46);

участвовать в коллективном анализе деятельности СМИ и анализировать результаты собственной работы (профессиональная рефлексия) (ПК-47);

организационно-управленческая деятельность:

участвовать в организации работы различных подразделений СМИ, творческих коллективов (ПК-48);

обеспечивать (в соответствии с должностными обязанностями) продвижение медиапродукта на информационный рынок, его информационно-рекламную поддержку (ПК-49);

социально-организаторская деятельность:

привлекать к сотрудничеству со СМИ представителей различных сегментов общества (слоев и групп населения, экспертов, работников государственных и общественных организаций) для обеспечения баланса интересов и мнений в контенте СМИ (ПК-50);

работать с привлекаемыми авторами на всех стадиях подготовки их материалов (ПК-51);

работать с редакционной почтой (анализ, отбор, подготовка к публикации) (ПК-52);

принимать участие в организации социально значимых информационно-коммуникативных акций (общественных обсуждений, дискуссий, дебатов и т.п.) (ПК-53);

участвовать в организации «внетекстовых» редакционных акций, социальных проектов (общественно-политических, экологических, благотворительных, развлекательных) в разных формах (ПК-54);

организовывать интерактивное общение со своей аудиторией в разных формах, устанавливать коммуникативно-информационные связи, используя различные медийные средства и новейшие технологии (ПК-55);

участвовать в обеспечении общественного резонанса публикаций, передач (ПК-56);

производственно-технологическая деятельность:

готовить материалы к печати, выходу в эфир в соответствии с технологическими стандартами (ПК-57);

участвовать в производственном процессе выхода издания, теле-, радиoproграммы (верстке номера или программы, монтаже аудио-, видеоматериала) в соответствии с технологическим циклом на базе современных технологий (ПК-58).

Сама основная образовательная программа основана на перечне этих компетенций. Общий состав ее не слишком отличается от прежнего (три основных блока дисциплин – ГСЭ (гуманитарный, социальный и экономический цикл), естественнонаучный и профессиональный, а также так называемые разделы физкультуры, практик итоговой аттестации), имеется деление на базовую (обязательную) и вариативную (профильную) части каждого цикла – как и в предыдущем стандарте.

Профильно-специализированные компетенции определяются вузом при формировании ООП в соответствии с заказом на подготовку выпускников со стороны работодателей.

Госстандарт предлагает таблицу, в которой указаны ожидаемые результаты освоения дисциплин, а также перечислены коды формируемых компетенций.

Таблица 2

Структура ООП бакалавриата

Код УЦ ООП	Учебные циклы дисциплин и проектируемые результаты их освоения	Трудоем- кость (зачет- ные единицы) <*>	Перечень дисциплин для разработки примерных программ, учебников и учебных пособий	Коды формируемых компетенций
Б.1	Гуманитарный, социальный и экономический цикл Базовая часть В результате изучения базовой части цикла студент должен: Философский модуль Владеть основами философских знаний как базы формирования мировоззрения, понимания смысла человеческого бытия, роли нравственного выбора, взаимосвязи свободы и ответственности. Уметь на основе методологической культуры анализировать явления социальной реальности, осуществлять познавательную деятельность на базе гносеологических принципов и методов. Исторический модуль Знать основные этапы и	50 – 60 25 – 35	Философия История Культурология (включая религиоведение, а также культурологические основы СМИ) Иностранные языки	ОК-3, 4, 5, 13 ОК-1, 2, 13 ОК-1, 5, 8, 13 ОК-18 ПК-31

тенденции исторического развития России и мировой истории, понимать значение исторического знания, опыта и уроков истории, опираться на это знание в формировании своего общего историко-культурного кругозора. Уметь использовать полученные знания в связи с профессиональной деятельностью. Культурологический модуль Знать основные этапы развития человеческой цивилизации, ориентироваться в типах различных культур и религий, в процессе формирования культурного наследия, культурных традиций, ценностей и норм, быть знакомым с основными видами искусств, понимать их роль в жизни человека и общества. Понимать место и роль российской культуры в мировом контексте, специфику журналистики как части культуры общества, творчества как культурного феномена. Уметь адаптироваться к разным социокультурным реальностям, проявлять толерантность к национальным, культурным и религиозным различиям. Уметь использовать полученные знания для развития своего общекультурного потенциала в контексте задач профессиональной деятельности. Языковой модуль Владеть иностранными языками в объеме, достаточном для чтения текстов, общения с ньюсмейкерами, поиска необходимой информации в Интернете и работы в сети, профессиональной коммуникации.			
Вариативная часть (Знания, умения, навыки определяются ООП вуза)			

Б.2 <*>	Естественнонаучный цикл Базовая часть В результате изучения базовой части цикла студент должен: владеть основами знаний в области концепций современного естествознания; уметь базироваться на принципах естественнонаучного подхода в процессе формирования мировоззренческих взглядов в аспекте взаимоотношений человека с окружающей средой и проблем экологической безопасности; уметь использовать знания естественных наук в профессиональной деятельности; ориентироваться в современной системе источников информации, представлять возможности информационных технологий; владеть навыками использования различных программных средств и работы в Интернете, работы с базами данных и использовать интернет-ресурсы.	6 - 8 3 - 5	Концепции современного естествознания Современные информационные технологии	ОК-15 ОК-16, 19 ПК-24, 29, 43
	Вариативная часть (знания, умения, навыки определяются ООП вуза)			
Б.1 + Б.3	Социально-профессиональный цикл В результате изучения социально-профессиональных модулей студент должен: Социологический модуль Знать принципы функционирования современного демократического общества, механизмы социальных процессов и отношений, основные социальные регуляторы, понимать суть процесса стратификации, знать основные характеристики социального состава населения современной России, ориентироваться в различных		Социология Социология журналистики Политология (включая раздел СМИ и политика) Правоведение Правовые основы журналистики Профессиональная этика журналиста (включая аксиологию журналистики) Экономика Экономика и менеджмент в СМИ Психология (включая основы социальной	ОК-14 ПК-14 - 16, 43, 44, 45, 50, 52, 53, 55 ОК-14 ПК-13, 14 ОК-5 - 7, 13, 14 ПК-11, 12 ОК-14 ПК-18, 20, 44, 45, 46, 49 ОК-14 ПК-4, 17, 55

аспектах реального состояния российского общества, актуальных проблемах, тенденциях развития. Владеть общесоциологической культурой, иметь представление об основных источниках и методах получения социологической информации, уметь использовать полученные знания в своей профессиональной деятельности. Понимать социальную природу журналистики, знать комплекс социальных функций СМИ. Понимать роль аудитории СМИ, ее потребностей, интересов и мотивов в процессе потребления и производства массовой информации, ориентироваться в особенностях ее информационного поведения, иметь представление об основных ее характеристиках и методах изучения. Понимать социальный смысл участия представителей различных сегментов общества (социальных слоев и групп, гражданских объединений) в функционировании СМИ, важность выражения общественного мнения в СМИ, знать основные методы его изучения, владеть способами его представления в СМИ и организации общественного диалога. Владеть основами знаний о методах социологических исследований в сфере СМИ, быть способным анализировать и использовать медиаметрические и другие данные об аудитории, знать аудиторию своего СМИ. Быть способным участвовать в локальных медиаопросах, работать с социологической информацией, использовать ее в профессиональных целях. Политологический модуль Ориентироваться в важнейших политических процессах, базовых характеристиках	психологии) Психология журналистики	
---	--	--

политической системы России, знать функции основных политических институтов и структур гражданского общества.

Понимать роль политики в процессе функционирования СМИ, знать сущность информационной политики.

Уметь применять политологические знания в профессиональной деятельности.

Правовой модуль

Понимать роль права в функционировании демократического правового общества, владеть общей правовой культурой.

Знать правовые нормы, регулирующие функционирование СМИ в России и за рубежом, права и обязанности журналиста, авторское право, уметь применять эти знания в журналистской работе.

Понимать значение этических регуляторов в журналистской деятельности.

Знать российские и международные этические нормы, кодексы профессиональной этики, уметь следовать им в своей повседневной практике.

Экономический модуль

Понимать суть экономических процессов и экономических отношений, иметь представление об экономических регуляторах и факторах деятельности предприятий с различными формами собственности.

Ориентироваться в экономических аспектах функционирования СМИ (процесс и источники формирования бюджета газетных или журнальных редакций, теле-, радиокомпаний, финансовой и ценовой политики, рекламной деятельности), быть способным учитывать экономическую составляющую в своей профессиональной

	деятельности. Знать основы менеджмента в СМИ, уметь выполнять соответствующие функции в рамках должностных обязанностей. Психологический модуль Владеть основами знаний в области психологии личности, познавательных и творческих процессов, межличностного и межгруппового общения. Ориентироваться в психологических и социально-психологических аспектах функционирования СМИ в целом, редакционного коллектива, журналистской деятельности (общение с источниками информации, героями публикаций, привлекаемыми авторами, аудиторией). Уметь базироваться на этих знаниях в коллективной редакционной и индивидуальной журналистской работе.			
Б.3	Профессиональный цикл Базовая (общепрофессиональная часть): В результате изучения базовой части цикла студент должен: Теоретико-профессиональный модуль Понимать природу современного информационного общества, знать основы теории коммуникации, специфику журналистики, ее функции и принципы, особенности массовой информации, понимать взаимосвязанность проблем свободы и социальной ответственности в журналистике, важность следования принципам информационной безопасности. Понимать сущность и специфику журналистской профессии, знать важнейшие социальные роли журналиста, особенности необходимых личностных и	145 - 155 75 - 85	Введение в специальность Основы теории журналистики Основы теории коммуникации История отечественной литературы История зарубежной литературы Основы теории литературы История отечественной журналистики История зарубежной журналистики Система СМИ Основы журналистской деятельности (Методология, виды и способ журналистской деятельности; жанровые разновидности; проблемно-	ОК-6, 8 - 11, ПК-1, 2, 4, 25, 26 ОК-1, 2 ПК-5, 6 ОК-1, 2 ПК-1, 3, 5, 6, 22 ОК-6, 9 - 11 ПК-3, 7, 9, 19, 21, 41, 44, 45, 50 - 54, 56 ОК-4, 6, 8 - 11, 16, 18 ПК-21 - 23, 25 - 29, 32, 39 - 43, 50 - 55 ОК-17 ПК-29, 30, 42 ОК-2, 6,

профессиональных качеств. Уметь базироваться на полученных общетеоретических знаниях концептуального характера в профессиональной деятельности. Филолого-профессиональный модуль Владеть знаниями в области теории, истории и современного состояния литературы (отечественной и зарубежной) как важнейшей части общекультурного, гуманитарного, филологического профессионального багажа журналиста. Уметь анализировать художественные тексты с точки зрения глубины содержания, драматургии построения, жанровой палитры. Быть способным использовать опыт крупнейших отечественных и зарубежных писателей для освоения профессии журналиста как «человековедческой» – «философии» человеческих характеров, ментальностей, взаимоотношений. Уметь использовать полученные знания для развития своего творческого потенциала, умения при подготовке материалов использовать палитру разнообразных языковых изобразительно-выразительных средств. Историко-профессиональный модуль Знать историю и закономерности развития отечественной журналистики, лучшие ее образцы, понимать значение ее опыта для практики современных российских СМИ и работы журналиста. Ориентироваться в основных процессах и тенденциях развития зарубежной журналистики, быть знакомым с лучшими ее образцами, профессиональными	тематические направления в СМИ; особенности работы в печати, на ТВ, РВ, в интернет-СМИ, мобильных медиа, конвергентная журналистика) Логика Стилистика и литературное редактирование Профессиональные творческие студии Прикладные дисциплины (фотодело, компьютерный дизайн) Современный русский (и родной) язык Экономика Политология Правоведение Социология Культурология Техника и технология СМИ Современные информационные технологии Основы рекламы и паблик рилейшнз в СМИ Безопасность жизнедеятельности Введение в профессию (раздел «Журналистское образование и культура учебного труда»)	8, 13, 14 ПК-10 ОК-16, 19 ПК-29, 32, 33, 34, 41 – 43, 55, 57, 58 ПК-35 – 37, 43, 49, 54, 56 ОК-10, 15 ПК-38
--	--	--

стандартами, понимать значение ее опыта для практики современных СМИ и работы журналиста. Уметь анализировать и использовать профессиональный опыт лучших отечественных и зарубежных журналистов в целях совершенствования профессионального мастерства.

Системно-профессиональный модуль

Знать основные принципы формирования системы средств массовой информации, иметь представление о современном состоянии системы СМИ России с точки зрения ее структуры, организационных форм (медиахолдинги, издательские дома, акционерные общества), ориентироваться в ее инфраструктуре.

Знать главные, отличительные черты различных средств массовой информации (пресса, телевидение, радиовещание, информационные агентства, интернет-СМИ, мобильные медиа), типов и видов СМИ, их базовые типологические признаки: функции, аудитория, принципы формирования содержания (контента), методы работы журналиста.

Знать базовые принципы разработки концепции, модели издания, теле- или радиопрограммы, рубрики, методы их анализа и коррекции, быть способным участвовать в проектной и планирующей работе редакции и уметь планировать свою собственную работу.

Знать главные принципы формирования организационной, функционально-должностной структуры редакции, основные права и обязанности сотрудников различного должностного статуса и углубленно – корреспондентского корпуса.

Уметь осуществлять профессиональную деятельность с учетом специфики средства массовой информации (печать, ТВ, РВ, интернет-СМИ, мобильные медиа), его конкретного типа, вида и готовить журналистские материалы в соответствии с их форматами и особенностями аудитории, осуществлять взаимодействие с ней.

Ориентироваться в особенностях интернет-среды и онлайн-СМИ, уметь использовать возможности всемирной сети для решения многообразных профессиональных задач.

Быть способным принять участие в соответствии с должностными обязанностями в производственном процессе выпуска печатного издания, интернет-СМИ, теле- или радиопрограммы.

Профессионально-творческой модуль

Понимать сущность журналистской деятельности как многоаспектной, включающей подготовку собственных публикаций и работу с другими участниками процесса производства текстов массовой информации (привлекаемыми авторами, аудиторией); индивидуальную и коллективную; текстовую и внетекстовую (проектную, продюсерскую, организаторскую), уметь выполнять в рамках должностных обязанностей соответствующие виды работы.

Знать особенности индивидуально-творческой (авторской) журналистской работы, ее задач и методов, технологии и технического сопровождения.

Понимать специфику массовой информации, журналистского текста, его содержательное и структурно-композиционное своеобразие.

Ориентироваться в

современной жанровой и стилевой структуре СМИ, иметь основы знаний, касающихся наиболее распространенных форматов печатных изданий, информагентств, теле-, радиопрограмм, интернет и других видов СМИ, уметь пользоваться этими знаниями в профессиональной работе. Знать принципы работы с источниками информации, владеть разнообразными методами ее сбора (технологией интервью, наблюдения, работы с документами), их проверки, селекции и анализа, использовать методы прецизионной журналистики (методику «фокус-групп»). Знать на углубленном уровне особенности новостной журналистики и ориентироваться в специфике других направлений журналистской деятельности (информационная журналистика, аналитическая, исследовательская, художественно-публицистическая). Уметь выбирать и формулировать актуальные темы публикаций, оперативно готовить журналистские материалы, используя адекватные языковые и другие изобразительно-выразительные средства с учетом типа СМИ и его аудитории, принятыми в нем форматами, стандартами и технологическими требованиями в разных жанрах. Понимать важность соблюдения основных требований, предъявляемых к информации СМИ (точность, достоверность, наличие ссылок на источники информации, разграничение фактов и оценок, плюрализм мнений и точек зрения, баланс интересов), следовать этим принципам при подготовке публикаций, уметь

выстраивать логическую структуру, формулировать выводы.

Владеть навыками работы в условиях конвергентной журналистики – подготовка медиапродукта в разных знаковых системах (вербальной, аудио-, аудиовизуальной, фото, графической) для размещения на различных мультимедийных платформах.

Уметь использовать различные типы заголовочных форм, анонсирования, подачи и продвижения материалов.

Уметь пользоваться приемами композиционного монтажа.

Уметь работать с привлекаемыми авторами, участвующими в подготовке материалов для СМИ.

Уметь редактировать различные материалы для СМИ, используя современные технологии.

Уметь работать с почтой, откликами, обращениями в редакцию.

Знать основные формы организации сотрудничества СМИ с представителями различных сегментов общества, участвовать в организации общественных обсуждений, дискуссий, подготовке материалов и передач с участием аудитории, интерактивных коммуникационных проектов.

Уметь анализировать тексты СМИ, в том числе свои журналистские материалы с целью их совершенствования.

Знать основные правила устных коммуникаций, владеть приемами риторики.

Владеть методами агрегации, переупаковки и ретрансляции информации, полученной из Интернета, от информационных агентств, аудитории, органов управления, неправительственных организаций, служб изучения общественного мнения, рекламных и PR-агентств и

уметь в рамках должностных обязанностей выполнять такие виды работ.

Языковой модуль

Знать фонетические, лексические, грамматические, семантические, стилистические нормы современного русского языка в целом и применительно к практике современных СМИ, уметь следовать им в профессиональной деятельности.

Владеть навыками устной и письменной речи, ее нормами и средствами выразительности.

Проблемно-тематический модуль

Владеть первичными знаниями в определенных сферах жизни общества (экономика, политика, право, культура, социальная сфера и т.п.), которые являются объектом освещения в СМИ разных типов и с которыми связано тематическое содержание журналистских публикаций, уметь использовать их при подготовке публикаций.

Технико-технологический профессиональный модуль

Знать структуру существующих источников информации, возможности архивов, электронных каталогов и баз данных, методы поиска информации, уметь работать в сети.

Знать современную технику и новейшие технологии, используемые в печати, телевидении, радиовещании, интернет-СМИ, мобильных медиа.

Уметь использовать в профессиональной деятельности цифровые и IT-технологии, цифровую технику, пользоваться основными операционными системами, программным обеспечением, необходимым для создания и обработки текстов, визуальной, аудио- и аудиовизуальной

	информации, цифровыми устройствами ввода текстовой, графической, аудио- и аудиовизуальной информации, системами передачи и обмена информации, уметь использовать в профессиональной работе мобильную связь. Коммуникативно-рекламный модуль Знать основы рекламной деятельности в СМИ (содержательный, правовой и экономический аспекты), уметь работать с рекламой в рамках конкретных должностных редакционных обязанностей. Знать основы PR-деятельности в сфере СМИ и владеть навыками такой работы применительно к общередакционным потребностям и задачам обеспечения общественного резонанса публикаций. Знать основные методы защиты от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий, способы применения современных средств поражения и основные меры по ликвидации их последствий, уметь использовать эти знания в профессиональной работе. Знать основные угрозы, сопряженные с исполнением профессиональной деятельности, уметь им противостоять. Владеть навыками научного исследования (теоретического и эмпирического) в целях грамотной подготовки рефератов, курсовых и выпускной работы, докладов, сообщений.			
	Вариативная часть (знания, умения, навыки определяются ООП вуза)			
Б.4	Учебная и производственная практики Знание основ организации	20 - 25	Система практик Учебно-ознакомительная практика	ОК ПК (в

	работы различных средств массовой информации, овладение начальными навыками подготовки информационных материалов. Формирование навыков работы на всех этапах подготовки кратких и развернутых информационных материалов для газеты, теле-, радиопрограммы: поиск источников информации, проверка их надежности и достоверности, подбор иллюстративного материала, отбор и обработка сообщений информационных агентств, общение с должностными лицами, участие в брифингах, пресс-конференциях, создание журналистских текстов, редактирование, макетирование и компьютерная верстка. Умение готовить и редактировать новостные материалы для газет, информационных агентств, телевидения, радио, интернет- и других СМИ. Умение готовить информационные материалы в разных жанрах, а также делать комментарии. Формирование навыков подготовки аналитических материалов, умение готовить материалы в разных жанрах. Умение работать над журналистскими или исследовательскими материалами в соответствии с типом и темой выпускной работы		Учебный тренинг (выпуск учебной газеты, радио-, телепередач на базе факультета в режиме реального времени) Учебно-профессиональный тренинг в рамках творческих студий, лабораторные занятия Первая производственная (работа в СМИ) Вторая производственная Преддипломная практика	зависимо-сти от темы и типа работы)
Б.5	Итоговая государственная аттестация Способность решать на профессиональном уровне, соответствующем данной квалификационной ступени, профессиональные задачи, заключающиеся в подготовке журналистских публикаций по актуальной тематике, представить грамотный теоретический анализ той сферы общественной практики	10 - 12	Выпускная работа профессионально-творческого характера Выпускная работа прикладного исследовательского характера Государственный экзамен (включая защиту творческого досье) Защита творческого	ОК ПК (в зависимости от темы и типа работы)

	или направления редакционной деятельности, с которой связана тема выпускной работы. Способность провести самостоятельное исследование, умение выбрать актуальную тему, сформулировать цели, задачи, объект и предмет исследования, проанализировать имеющуюся литературу по теме, теоретический и эмпирический материал, непосредственно провести исследование, сформулировать выводы, важные с точки зрения теории и практики СМИ. Владение совокупностью теоретических знаний и знаний прикладного характера, связанных с различными аспектами функционирования СМИ в целом, отдельных средств массовой информации (печати, телевидения, радиовещания, интернет-СМИ и мобильных медиа), направлениями редакционной деятельности и работы журналиста Владение методами журналистской деятельности.		досье	
	Знать методы сохранения и укрепления физического здоровья и уметь использовать их для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности	2	Физическая культура	ОК-12
	Общая трудоемкость основной образовательной программы	240		

<*> Трудоемкость циклов Б.1, Б.2, Б.3 и разделов Б.4, Б.5 включает все виды текущей и промежуточной аттестаций.

Мы можем видеть согласно третьему столбцу, сколько дисциплин составят вариативную часть, программы которой преподаватели будут разрабатывать без указаний Госстандарта. Например, профессиональный цикл в целом определен 145-155 единицами, а базовая его часть – 75–85 единицами. Если учесть, что одна единица равна 36 часам, то получается, что на вариативную часть приходится до 2880 часов подготовки.

Чрезвычайно значимо здесь понимание каждым преподавателем трудоемкости освоения его дисциплин и внесение адекватных и объективных предложений по определению этой

трудоемкости в зачетных единицах.

Наконец, Госстандарт указывает на особенности внедрения компетентностного подхода: при разработке ООП бакалавриата должны быть определены возможности вуза в формировании социально-личностных компетенций выпускников (например, компетенций социального взаимодействия, самоорганизации и самоуправления, системно-деятельностного характера). Вуз обязан сформировать социокультурную среду, создать условия, необходимые для всестороннего развития личности.

Вуз обязан способствовать развитию социально-воспитательного компонента учебного процесса, включая развитие студенческого самоуправления, участие обучающихся в работе общественных организаций, спортивных и творческих клубов, научных студенческих обществ.

Реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (в том числе компьютерные симуляции, деловые и ролевые игры, разбор конкретных ситуаций, психологические и иные тренинги) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. В рамках учебных курсов должны быть предусмотрены встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов.

Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, определяется главной целью программы, особенностью контингента обучающихся и содержанием конкретных дисциплин, и в целом в учебном процессе они должны составлять не менее 20 процентов аудиторных занятий. Занятия лекционного типа для соответствующих групп студентов не могут составлять более 50 процентов аудиторных занятий.

В учебной программе каждой дисциплины (модуля) должны быть четко сформулированы конечные результаты обучения в органичной увязке с осваиваемыми знаниями, умениями и приобретаемыми компетенциями в целом по ООП.

Это означает, что преподавателям предстоит составить свои собственные программы, оформленные подобно базовой части Госстандарта – с указанием ожидаемых результатов и формируемыми компетенциями. Это новый вид учебно-методической деятельности и новый подход к организации преподавательского труда.

Следует внимательно отнестись и к разделу Госстандарта, предписывающему техническое оснащение факультета: «Студенты должны быть обеспечены цифровой техникой для видео-, киносъемки и звукозаписи (в соответствии с профилизацией). Необходимо наличие лингафонных кабинетов, компьютерного оборудования и специализированных компьютерных классов с подключением к Интернету и соответствующим программным обеспечением, настольных издательских систем, лабораторий цифровой аудио- и видеозаписи, монтажной цифровой линии, комплектов для приема спутникового телевидения, специального оборудования для аудиовизуальной демонстрации материалов лекционных курсов, тиражирования дидактического материала к занятиям. В целях обучения конвергентной журналистике необходимо оборудование для работы с текстом, видео- и аудиоинформацией, а также мобильным контентом».

В целом Госстандарт третьего поколения не лишен некоторых противоречий, однако открывает новое поле деятельности перед преподавателями факультетов журналистики и дает возможность полноценной реализации в педагогической деятельности по воспитанию нового поколения журналистов.

SUMMARY

Aleksandrov L. G. Journalistic ethics and game (methodical remarks)

This article is devoted to methodical questions of application of game forms during preparation of students-journalists.

Keywords: game methods of training, journalistic formation, a professional ethics.

Antropova V. V. To the question on linguistic methods in journalism

Article is devoted the ambiguous teoretiko-methodological problem connected with methods of research of journalism. In particular, the author considers possibility of application of linguistic methods in a journalistic science and specifies research area in which they can be applied.

Keywords: the journalism theory, a method, когнитивная linguistics, sociolinguistics, лингвокультуроология, the media text, a media discourse, mentality, concept, conceptsphere.

Artishevskaya T. M. Methodological approaches to formation of cultural wealth of students of journalists

In this article the attempt to come nearer to concept is undertaken «Formation of cultural wealth of students of journalists» by means of direct contact to representatives of orthodox church and film viewing An advanced post, the course included in the program «Journalism psychology».

Keywords: arts education, methodology, cultural wealth, means of mass communications, neoliberal model in society development.

Artjukhov V. S. Double standards. Telereportage in a context of situative semiotics

The author offers to consider the difference of presentations of the same information by different channels not because politics reason but situative semiotics which tries to find out the national stereotypes in informational stream.

Keywords: telereportage, situative semiotics, national stereotypes, newsmaking.

Bochko D. M. The Universal TV Reporter as The Subject of Social Interaction

In this article the problem of universality in the television journalism, its feature in modern Russia in the conditions of process of market transformation in the society are considered. The problem of universality is caused, on the one hand, by the influence of socio-economic factors. The problem of universality is considered as interaction of social subjects. Also the question of autonomy of the person is investigated.

Keywords: Universality, universal television journalism, TV, social interaction, autonomy of the person.

Fateeva I. A. The leader of literary department of the state journalism institute A. I. Zonin

At the plot of the story there is a narrative about the life and creative way of Alexandr Ilich Zonin (1901–1962), critic and writer, who has been leading the literary department of the State Journalism Institute.

Keywords: State Journalism Institute, department, literary process (1920-1960 years), critics, A. I. Zonin.

Futerman E. B. Modern television documentalistica: features of the journalistic content

In article modern filling of television documentary teleprojects is investigated, the idiom of a modern journalistic content, its television features and форматное the maintenance is formulated.

Keywords: documentary teleprojects, a television journalistic content, a television format.

Golovanova E. I. The vocabulary of new urban professions (print and electronic media)

The media of the modern city are considered in article space, which are “run-in” new communication technologies and new professional concepts. In two areas of professional activity,

intensively developing in a modern urban environment, advertising sales and personnel management identifies characteristics of the process.

Keywords: urban environment, new vocabulary, professional communication.

Kondratenko A. I. Beginning of the professional journalistic education in the 1930s

Different attempts were undertaken for creating the system of professional journalistic education during the 1930s in the regions of Soviet Union. One of the most important centers of this process were Voronezh (newspaper department of the Communist university) and Orel (Party school). The article is based on archival materials. Some features of the beginning of journalistic education in Central Chernozem region are uncovered first time in the Russian historiography.

Keywords: journalism, education, Communist university, Party school.

Konovalova M. V. The linguistic analysis of sites's titles of internet-mass-media of FRG

This article is devoted to a FRG's informational situation in Internet. The author investigates the content of major of this type of mass-media.

Keywords: internet mass-media, web-resources.

Kuznetsova N. A. Approaches to research which lie on border of sciences

In this article is a few of the objective reasons causing in modern scientific community requirement for interdisciplinary researches. There are possibilities of works which are beyond one science and spent on border of sciences. Also there are a few possible scientific approaches to similar works and most universal of them also are defined.

Keywords: Interdisciplinary researches, the system approach, синергетический the approach, methodological individualism.

Lebedeva N. N. Ethical orientation as distinctive feature of Russian

Russian is characterised by a special ethical orientation. It is shown both in ordinary speech and in fiction. It is considered that sources of this phenomenon lie in the Christian literature. The Old Russian literature reflected spiritual reference points of the person. In modern products traditions of research of moral problems proceed. Attentive studying of Russian furnishes the clue to understanding of psychology of the Russian person.

Keywords: Moral judgements, religious and spiritual orientations, standard regulation, negative and positive estimations, moral problems, cultural scenarios, valuable ideals.

Mesenyashina L. A. Dialogue of cultures and university education

In the article is presented a short description of an essence School of dialogue of cultures conception, distinctions between dialogues of different culture types are described and opportunities of realizing this conception in university education in conditions of transition to competences approach in education are discussed.

Keywords: dialogue, School of dialogue of cultures, process of education, educational activity.

Morozova A. A. Radio 'Dictum': problems and perspectives of development

The article is devoted to the comparative analyses of study radio stations in the journalistic faculties of large Chelyabinsk universities in the context of media education. It considers the problems and perspectives of realization of the radio project 'Dictum' (ChelSU). It provides with the recommendations on the solution of the problematic questions about the strategic development of the study radio station.

Keywords: media educational project, radio 'SUSU', radio 'Dictum', on-line broadcasting.

Panova E. Y. Reception of Z. N. Gippius' works in contemporary culture

The article considers peculiarities of perception of Z. Gippius' works in contemporary culture which is oriented on the search of the so-called "style icons" not only in contemporary but in historical perspective as well.

Keywords: Z. N. Gippius, contemporary culture, reception, style.

Sarasov E. A. The political journalism: religious aspects of mass communication (pedagogical methods)

The author offers the idea of possibilities of using of bible (religious) tradition in high education on journalism.

Keywords: the politic journalism, media education, mass communication, manipulation, religion.

Selyutin Al. A. Language freedom in the Internet

The article is devoted to language as an instrument of formation of informational space of the Internet and its influence on the state of contemporary society.

Keywords: Internet space, virtual communication, language, illiteracy, usage norm.

Simakova S. I. Axle coding as the method of quality analyses of mediatext based on the analyses of digital content of the regional "Chelyabinsky rabochy" (methodical aspect)

The given article considers the usage of method of axle coding as one of the methods of quality textual analyses. Based on the analyses of digital content of the regional newspaper "Chelyabinsky rabochy" the author shows the alorythm of usage of the given method, allowing to distinguish the thematic fields of digital marks. The article contains the description of distinguished thematic groups, formulates some conclusions on the usage of digital content in journalistic material.

Keywords: quality analyses, the theory proved, coding, axle coding, digital content, thematic field, Chelyabinsky rabochy, methods of research, mediatext.

Solovjeva A. D. New meanings of words in mass-media

This article is devoted to a lexical influence and the process of new meaning of original Russian words.

Keywords: mass-media, word, lexical meaning, style, the sphere of using of the word, polisemy, omonymy.

Udler I. M. The Typological Genre Features of Slave Narrative and Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself by Frederick Douglass (1845)

The author of the paper analyses the best slave narrative – Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself by Frederick Douglass (1845) – in comparison with the typological genre features of slave narrative and reveals the innovation of Frederick Douglass' book.

Keywords: genre, slave narrative, documentary genre, journalistic genre, autobiography, African American folklore, Frederick Douglass, Olaudah Equiano, Benjamin Franklin, problem of choice, literacy, freedom, identity.

Zagidullina M. V. The Russian classics in modern intellectual (Novels. Akunin «FM» and V. Pelevin «T»)

The article is devoted to comparison of two novels of known writers. The author correlates positions of Akunin and Pelevin in the relation to a classical heritage.

Keywords: Akunin, Pelevin, classics, classical pantheon, remake.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INDEX

Александров Леонид Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: leonalex42@mail.ru

Антропова Вера Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики факультета журналистики Челябинского государственного университета

Электронная почта: ava45@yandex.ru

Артишевская Татьяна Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: edarti@mail.ru

Артюхов Владимир Сергеевич – аспирант кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета, корреспондент программы «Вести-Москва»

Электронная почта: artyhov84@mail.ru

Бочко Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры теории массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: neod@list.ru

Голованова Елена Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка филологического факультета Челябинского государственного университета.

Электронная почта: ligol@csu.ru

Загидуллина Марина Викторовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: marta@csu.ru

Кондратенко Алексей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики Орловского государственного университета, главный редактор газеты «Город Орёл».

Электронная почта: istorik57@yandex.ru

Коновалова Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Электронная почта: tmk@csu.ru

Кузнецова Наталья Александровна – аспирант кафедры теории массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: Natalya_yaun@mail.ru

Лебедева Наталья Николаевна – начальник отдела психологического сопровождения Челябинского государственного университета, помощник ректора.

Электронная почта: Natalya_lebedeva@list.ru

Месеняшина Людмила Александровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Челябинского государственного университета.

Электронная почта: lmesenyashina@mail.ru

Морозова Анна Анатольевна – аспирант кафедры журналистики факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: goxfan@rambler.ru

Панова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: Elena_panova81@mail.ru

Сарасов Евгений Александрович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры журналистики факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: caracof@rambler.ru

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета, зам.глав.редактора научного журнала «Lingua Mobilis».

Электронная почта: alexsell@mail.ru

Симакова Светлана Ивановна – старший преподаватель кафедры теории массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: simakovi@mail.ru

Соловьева Анастасия Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: jour@csu.ru

Удлер Ирина Михайловна – доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета, кандидат филологических наук.

Электронная почта: tmk@csu.ru

Фатеева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики факультета журналистики Челябинского государственного университета.

Электронная почта: fia@csu.ru

Футерман Евгения Борисовна – старший преподаватель кафедры журналистики факультета журналистики, заведующая учебной лабораторией телевидения и радиовещания Челябинского государственного университета.

Электронная почта: bluztv@chelcom.ru